ПОЛОСТАН

18+

АТОМНЫЙ СВЕТ

НИЛ СТИВЕНСОН

В переводе Екатерины Доброхотовой-Майковой

FANZON

Полостан
Нил Таун Стивенсон

Аннотация
Нил Стивенсон. Полостан
Пролог. Золотые Ворота. Октябрь 1933 г
1. Магнитогорск, Советский Союз. Канун Рождества, 1933 г. (одиннадцать недель спустя)
2. Петроград (бывший Санкт-Петербург, позднее Ленинград). 1920–1923 гг
3. Магнитогорск. Январь 1934 г
4. Сиэтл. 1924 г
5. Магнитогорск. Январь 1934 г
6. Чикаго. Июнь 1932 г
7. Магнитогорск. Январь 1934 г
8. Чикаго. Июнь 1933 г
9. Магнитогорск. Февраль 1934 г
10. Северная Дакота. Август 1933 г
11. Магнитогорск. Февраль 1934 г
12. Чикаго. Июль 1933 г
13. Магнитогорск. Февраль 1934 г
14. Чикаго. Июль 1933 г
15. Магнитогорск. Февраль 1934 г
16. Чикаго. Конец лета 1933 г
17. Магнитогорск. Февраль 1934 г

18. Форт-Сиклс, Северная Дакота. Сентябрь 1933 г
19. Магнитогорск. Февраль 1934 г
20. Москва. Февраль 1934 г
21. Полостан. Март 1934 г
Благодарности

Аннотация

Она родилась в Америке, но ее судьба навечно связана с другой страной.

Дон Рэй Бьорнберг – молодая женщина с американского Среднего Запада, которая на родине своего отца, в СССР, превращается в Аврору Максимовну Артемьеву.

Сталкиваясь с революционерами и безжалостными американскими чиновниками на пути к неопределенному будущему, Аврора клянется выстоять любой ценой.

Работая в Магнитогорске, индустриальном сердце Советского Союза, Аврора вынуждена переносить изнурительные условия труда первых пятилеток и все более жесткие проверки на лояльность. Ведь девушку готовят для службы разведки в организации, которая в будущем будет называться КГБ, и теперь ей предстоит сделать выбор, после которого не будет пути назад.

Ни для самой Авроры, ни для истории.

Первый том исторического эпоса «Атомный свет» рисует захватывающую картину США Великой депрессии, Советского Союза

первых пятилеток и надвигающуюся угрозу технологических прорывов, которые вскоре приведут к созданию атомной бомбы и началу космической гонки.

«Полостан» – напряженный, мастерски выстроенный роман о столкновении идеализма и реальности, опасностях идеологий и силе человеческих связей в эпоху стремительного научного прогресса и меняющейся мировой политики.

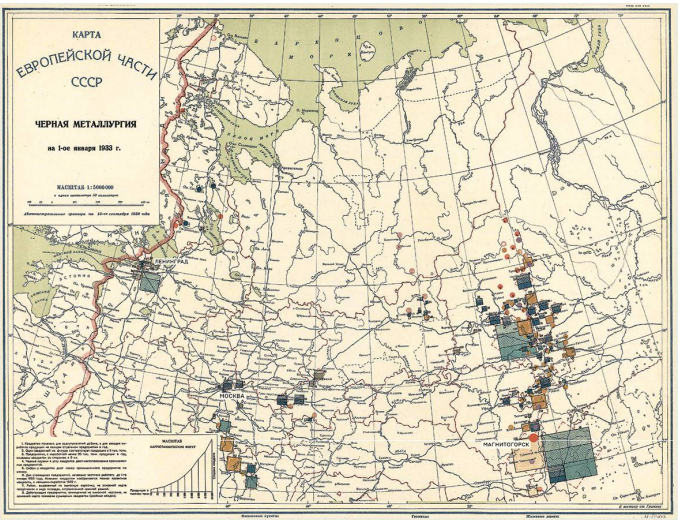
«Захватывающий новый роман автора погружает читателя в кровавую, вдохновляющую, полную конфликтов, переломную эпоху начала XX века… Тонкая проработка персонажей, точность языка, остроумные наблюдения и богатство событий – все это дает именно то, чего мы ждем от автора таких знаковых книг, как "Алмазный век", "Лавина" и "Криптономикон". Если последующие тома окажутся на том же уровне, серия вполне может сравниться с "Полковником Пьятом" Майкла Муркока и "Иерусалимским квартетом" Эдварда Уитмора, явив яркое и проницательное исследование уникального столетия». – The Washington Post

«Стивенсон – автор поистине выдающегося

масштаба; его широкий и свободный стиль письма органично сочетается со сложностью сюжета и характерами персонажей». – Library Journal

«Это писатель с ярким, энергичным стилем, который со страстью берется за масштабные идеи». – The New York Times

«Этот роман, безусловно, самая увлекательная книга, которую я прочитал в этом году… Стивенсон говорит, что его суперсила – писать романы, и, возможно, он прав». – Book and Film Globe


КАРТА
ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ
СССР
ЧЕРНАЯ МЕТАЛЛУРГИЯ
на 1-ое января 1933 г.
МАСШТАБ 1:5000000
МОСКВА
МАГНИТОГОРСК
Железные дороги

Нил Стивенсон
Полостан

Neal Stephenson POLOSTAN
Copyright © 2024 by Neal Stephenson. All rights reserved

Перевод *Екатерины Доброхотовой-Майковой*
Дизайн *Елены Куликовой*

© Е. Доброхотова-Майкова, перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление. «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Шеймусу

Что за народ эти лирики, если они способны говорить о Юпитере только как о человеке и молчат, если это огромный вращающийся шар из метана и аммиака?[1]

Ричард Фейнман

[1] Сноски: 1

Фейнмановские лекции по физике, т. 1, *перев.* А. Ефремова и др.

Пролог. Золотые Ворота. Октябрь 1933 г

Инженер не ездил на товарняках с тех пор, как спасался после бойни в Вашингтоне больше года назад. На востоке он иногда запрыгивал в грузовой вагон, дабы показать, что костюм и галстук не делают из него буржуя. На западе расстояния были слишком велики, а поезда ходили редко — если застрять на неведомом полустанке, можно и не выбраться. Поэтому для поездок из Гэри к Золотым Воротам и обратно он охотно позволял металлургической компании приобрести ему билет в пульмановский вагон.

Соответственно у него не было в голове схемы калифорнийских железных дорог, как у бродяг-хобо, путешествующих товарняками в поисках работы. Он посмотрел карты. Их в металлургической компании было хоть отбавляй. Пути — двойная ниточка рельсов, тонна стали на каждые восемь погонных ярдов, — тянулись вниз от диких гористых просторов Оровилла, Калистоги, Фруто, Тралла, Брея, Уида, Рейзин-Сити и горы Дьябло.

Невозможно было угадать, в каком из этих мест обитают странноватые, непростые родичи Дон. Она могла приехать практически с любой стороны. Впрочем, железнодорожные ветки сходились в несколько магистральных линий, которые жались к заливу, стараясь подобраться к Сан-Франциско настолько, насколько подпускал рельеф. Одна поворачивала к Вальехо на севере, пересекала Марин и заканчивалась в Сосалито, откуда ходил паром до Оукленда и Сан-Франциско.

Инженер сейчас занимался тем, чтобы оставить паромщиков не у дел, выстроив огромный мост через Золотые Ворота. По работе ему частенько приходилось бывать в Сосалито. Там он и договорился встретиться с Дон сегодня утром. Время она сообщила телеграммой.

В детстве инженера лягнула в лицо корова, которую он доил. Его засунули головой в новомодный аппарат и сделали «рентгеновский снимок в боковой проекции». В кабинете у доктора, глядя на снимок тем глазом, который не заплыл и мог открываться, он был поражен мягким изгибом ротовой полости, защищенной от грязного мира системой губ, десен и челюстей. Однако по-настоящему важны были зубы, торчащие из мяса.

Люди привыкли думать о них как о главном украшении улыбки. А на рентгеновском снимке сразу становилось ясно, что они — оружие. Притом дорогое и сложное.

Таким же был и вход в залив. Поросшие кустарником холмы, приятные для глаз, на самом деле — сжимающиеся челюсти залива. Но люди утыкали их клыками — фортами, бункерами и орудийными гнездами, внедренными в оконечности мысов Пресидио и Марин и нацеленными на Золотые Ворота, чтобы перемолоть любой иностранный флот, который попытается форсировать пролив.

В остальном человек на эти холодные, продуваемые ветрами мысы до последнего времени не посягал почти никак, однако, идя вниз плавными изгибами Ломбард-стрит, инженер увидел в просвет между домами склад и логистический комплекс, успевшие вырасти вокруг старого форта с января нынешнего года. Страна, даром что вязла в депрессии, не отступала от намерения стянуть сюда море стали и толпы людей. И хотя он всей душой ненавидел и эту страну, и ее правительство, его инженерское сердце трепетало от величия замысла.

За военным госпиталем и маленьким аэродро-

мом дорожное покрытие Ломбард-стрит было начисто перемолото колесами тяжелых грузовиков. Дальше улица распадалась на грунтовые дороги и переходила в земляную дамбу, вдающуюся в толкотню барж перед мысом, на котором стоял старый форт.

Инженеру не требовалось ждать парома. В бумажнике у него лежал пропуск, позволявший сесть на любое маленькое судно из тех, что сновали через Золотые Ворота по делам строительства, проскакивая между большими пароходами, отправляющимися в Йокогаму, Манилу, Анкоридж и Перу, и мелкими промысловиками, снарядившимися гоняться за косяками угольной трески.

Он нашел место на суденышке, набитом рабочими. Первый раз остановились почти сразу, на участке перед мысом, где закладывали фундамент южной башни. На нынешнем этапе проводились пока только подводные взрывы и землечерпальные работы. Здесь сходили по большей части водолазы. Через пару часов, в стояние прилива, они наденут большие круглые шлемы и спустятся на глубину закладывать динамит.

Суденышко пробилось на открытую воду. Шел прилив, ветер дул со стороны Тихого океана, усиливая качку, но это нисколько не пугало от-

чаянных удальцов на судне — по большей части клепальщиков, которые работали на высотных конструкциях северной башни. Все лето капризная погода Сан-Франциско устраивала им зябкие туманные дни, зато теперь расщедрилась на осеннее солнце. Так что они сидели на палубе, курили, чесали языками, радовались солнцу и любовались видом. Инженер укрылся за рубкой, чтобы ветер не сорвал с него шляпу. Милях в двух по правому борту обозначился Алькатрас. Последнее время его обсуждали больше обычного. Там располагались дисциплинарные казармы, но на днях объявили, что его приобрело федеральное правительство, чтобы устроить на острове тюрьму для самых опасных преступников.

Клепальщики высадились у подножия северной башни, где на подводном фундаменте медленно воздвигался головокружительный трехмерный лабиринт из лесов и полых стальных элементов. Какофония пневматических клепальных молотков оглушала даже здесь, внизу. Последнюю остановку, почти сразу после предыдущей, суденышко сделало у мыса Марин — там в скальной породе вырастал анкерный устой. Инженеру спешить было некуда, и он дождался, пока на берег сойдут все плотники. Они

поднимались по мешанине лестниц на железобетонный зиккурат, который со временем будет удерживать тросы в ярд толщиной. Плотникам предстояло разобрать опалубку от последней заливки, вытащить из досок гвозди и собрать следующий ярус чуть выше. Давление исполинской массы мокрого цемента требовало огромной структурной прочности, так что на опалубку вырубали лес дальше по побережью.

Субординацию плотники не жаловали — попадись инженер им под ноги, сказали бы пару ласковых. Так что он обогнул участок по берегу, поднялся по склону, прошел между орудийными гнездами, миновал несколько казарм и отыскал дорожку в Сосалито. Там между железнодорожной станцией и паромной пристанью спряталась кафешка. Инженер сел, заказал кофе с куском вишневого пирога (был как раз сезон вишен) и стал дожидаться Дон.

Несмотря на приметную внешность, он узнал ее, только когда она подошла к столику. Дон выросла на дюйм или два и теперь, даже без каблуков, была выше среднего мужчины. Но дело было не только в этом. Пережитые события изменили и ее походку, и манеру держаться. Резвая живость девочки с ранчо — Дон образца 1932

года — сменилась холодным самообладанием, настороженностью без боязливости.

Оба знали, что им не следует обниматься или как-то еще проявлять взаимные чувства. Не так уж много найдется обстоятельств, позволяющих тридцатилетнему холостому инженеру показаться на людях с девушкой, которая по возрасту могла бы еще учиться в колледже. Легенда, которой они пользовались в Индиане — что Дон его деревенская родственница, приехавшая погостить на несколько дней, — здесь бы не прокатила. А истинную причину — что женщины его не интересуют — даже в Сан-Франциско нельзя было упоминать вслух. Он встал пожать Дон руку, затем указал на сиденье по другую сторону стола — если кто-нибудь из металлургической компании увидит их и станет задавать вопросы, можно будет ответить, что он собеседовал потенциальную секретаршу.

— Дон умерла, — объявила она.

— Я читал заметку в газете. Из Северной Дакоты. Подумал, это может быть про тебя.

Дон подняла одну бровь. Она училась управлять мимикой — говорить без слов.

— Они потеряли интерес, как только выяснили, что это не Бонни Паркер, — добавил он.

Дон кивнула, затем потянулась к меню.

— И как же вас теперь звать, барышня?

— Ав… Аврора. — Она с непривычки запнулась на первом слоге и только со второго раза произнесла свое имя по-английски — ближе к «Аурора» или даже «Орора».

— Твой папа так тебя называл, когда вы говорили между собой по-русски, — припомнил он. — Произносил через «в». Что ж, Аврора так Аврора. — Он пожал плечами и улыбнулся. — Я по-прежнему Боб.

Подошла официантка и смерила Аврору взглядом, что дало Бобу предлог поступить так же. Тем летом в Вашингтоне он наблюдал, как она, по собственному выражению, «карабкается». Приехав чуть ли не бродяжкой, она частично насобирала, частично сшила на руках достаточно приличную одежду, чтобы ее не вышвырнули из парикмахерской, а со временем взобралась по общественной лестнице так высоко, что смогла заявиться Золушкой на бал, где присутствовали генералы и светские дамы. С тех пор у нее было несколько взлетов и падений. По прикидке Боба, сейчас она примерно наполовину вылезла из очередной ямы. В ярком солнечном свете из окна кафе он приметил на одной ее щеке толстый

слой тональника, скрывающий что-то, чего ей показывать не хотелось.

Выглядела Аврора измотанной, старше своих лет. Впрочем, заказала она яичницу и тушеные овощи с мясом — если будет так питаться и дальше, платье перестанет висеть как на вешалке. Боб хотел было спросить, когда она последний раз ела досыта, но передумал.

— Скрипка по-прежнему с тобой?

Вопрос был глупый, поскольку она пришла с одним маленьким чемоданчиком.

— Погибла в пожаре. Наверное, оно и к лучшему.

— Яблочко от яблони… — Еще не договорив, Боб скривился, боясь, что затронул болезненную тему, но Аврора лишь чуточку поморщилась. Ему приходилось напоминать себе, что ей всего восемнадцать.

Она раза два глянула на кассу, и Боб сообразил, что она высматривает стойку с газетами.

— Последние недели я была немного отрезана от мира. Навещала родных. У них там газет не бывает. Есть новости про Бонни и Клайда?

Он помотал головой:

— Боюсь, их банду вытеснили с первых страниц конкуренты. Диллинджер сбежал. Пулемету Кел-

ли дали пожизненное. Скорее всего, он закончит свои дни в Алькатрасе.

— Это что?

За время разговора им принесли заказ. Боб заметил, что Аврора задает вопросы, чтобы закидывать еду в рот, пока он говорит. Поэтому он объяснил, кому теперь принадлежит Алькатрас и что там планируют устроить. Затем перешел на воспоминания о том, что произошло в Вашингтоне. Рассказал о своих контактах с Коминтерном в этих краях, главным образом в Беркли по другую сторону залива.

Кто-то сел в соседнюю кабинку, и дальше Боб говорил только про мост. Покончив с едой (это много времени не заняло), Аврора без смущения позволила ему за нее расплатиться, а затем купить ей билет на паром. Таковы были прерогативы женского пола, о которых девочка-Дон в ковбойских джинсах и не подозревала, но теперь она принимала их как должное.

Народу на пароме было немного, так что они смогли выйти на палубу и свободно поговорить. Алькатрас лежал почти прямо по курсу. Аврора, знавшая теперь, что там будет, поглядывала на остров с опаской. Гряда тумана протискивалась в Золотые Ворота, обещая сырость и серость.

— Красиво тут, — сказала она. — Тебе нравится?

— Здесь лучше, чем в Гэри, для… таких, как я. Выставил свой тамошний дом на продажу, но покупателей нет.

— Думаешь обосноваться здесь?

— Возможно. А ты?

Она помотала головой:

— Мне нужно выбираться из страны.

Он кивнул:

— Обратно в Россию, значит.

— В Советский Союз, — поправила она. — Отсюда можно добраться до Йокогамы. Из нее — до Владивостока.

— Я подзабыл географию, но это ведь Дальний Восток?

— Ну да. Конечная станция Транссибирской магистрали. То есть оттуда уже просто поездом. Долго-долго.

— Куда? Аврора, где ты собираешься сойти?

Солнце било в наползающую облачную гряду, отчего с парома она казалась плотнее, чем если бы они входили в нее со стороны океана. Однако глаз Боба выцепил в тумане едва различимый жесткий прямой край. Затем другой, в точности параллельный первому, меньшей длины. Затем

третий, еще короче. Все они резко поворачивали под прямым углом и тянулись дальше, пока вновь не пропадали в тумане. Что-то в их расположении взывало к памяти. Он видел их на бумаге. Он *вычерчивал* их на бумаге.

Из тумана раздался гудок, и стало видно, что вся конструкция лежит на барже, которую тянет из Тихого океана буксир. Боб знал, что это: одна из коробчатых секций северной башни, ее параллельные линии и четкие грани подчинены общей для моста эстетике ар-деко. Их изготавливали в Пенсильвании и везли через Панамский канал.

— Я их рассчитывал, — сказал Боб Авроре. — Они едут в Аламиду, ждать того часа, когда можно будет установить их и приклепать.

Про заклепки ей было не так интересно, как про него.

— Тебе это нравится, — сказала она. — Конструировать. Планировать. Видеть, как сооружение растет.

— Я инженер, это моя работа!

— А если бы тебе предложили поучаствовать в чем-то более грандиозном?

— Грандиознее моста через Золотые Ворота?!

— Ага. И попутно строить социализм.

— О чем ты?

— Ты знаешь. Я же от тебя и слышала! — воскликнула она с притворной укоризной. — Когда мы последний раз виделись, ты упомянул, что твоя компания подписала контракт с Советами. Возводить там новый металлургический завод. Больше Гэри.

— Самый большой в мире, — кивнул Боб.

Он не улавливал связи. До тех пор, пока Аврора не глянула ему в единственный глаз и не протянула руки ладонями вверх, словно говоря: «Вот, предлагаю».

— О нет, — ответил он.

— Я прекрасно владею русским, — сказала она. — Я буду твоей переводчицей.

1. Магнитогорск, Советский Союз. Канун Рождества, 1933 г. (одиннадцать недель спустя)

С закрытыми глазами Авроре почти верилось, что она снова в Монтане. Глубокий сухой снег приглушал все звуки, кроме скрипа снега под валенками. Онемевший от сухого морозного воздуха нос не ощущал запахов. Голодные спазмы в желудке были ей знакомы по дням американских скитаний. И лишь качающиеся под ногами доски лесов подтверждали, что промерзшая земля Великих равнин осталась далеко.

Глаза, однако, можно было прикрыть лишь на несколько секунд, иначе потом не разлепишь. Пар, рвущийся из легких — подниматься на леса было тяжело, — пробивался из-под шарфа, замотанного до половины лица, и застывал на ресницах и бровях. Ресницы у нее были длиннее, а брови короче, чем у остальных членов ударной рабочей бригады — сплошь мужчин. За четверть часа с тех пор, как они вышли из бытовки и начали взбираться на птичье гнездо из тросов, досок и проволоки вокруг шестидесятиметровой

громады домны № 4, брови у мужчин покрылись густым инеем. Это доставляло легкое неудобство и выглядело по большей части комично.

Менее забавным и более опасным был лед на лесах. Заводское озеро — подпруженный плотиной участок реки Урал, — разумеется, замерзло еще несколько месяцев назад, причем на такую глубину, что на нем разместился целый городок домиков для подледного лова. Однако рядом с железобетонным основанием домны располагался охладительный бассейн для кипящей воды из мартеновских печей. Когда они работали, от бассейна поднимались столбы густого пара, и, если ветер дул в эту сторону, на веревках, досках и жердинах с неснятой корой, составлявших леса, нарастал многосантиметровый слой льда. Леса эти изначально не были особенно прочными — их возвели недавно, уже в морозы, когда магнитогорские работники тащили пиломатериалы и вообще все, что могло гореть, с товарных поездов и выросших рядом с подъездными путями штабелей под открытым небом. Каждая деревяшка, не сожженная на пути к домне и вносившая свою хиленькую лепту в сооружение, была крохотным чудом. Однако чудеса в Советском Союзе отменили, поэтому лед и сила тяжести усердно

старались обрушить построенное.

Всякий вменяемый человек сейчас задавался бы вопросом, не окажется ли коллективный вес ударной бригады той соломинкой, что сломает спину верблюду. Физматов пытался успокоить их на сей счет, быстро сосчитав в уме общую массу льда на конструкции и сообщив, что в сравнении с ней суммарная масса бригады — шести недокормленных мужчин и одной относительно здоровой и крепкой Авроры — пренебрежимо мала.

Бригада остановилась. Впереди мостки упирались в грубо сколоченную лестницу, а за ней ныряли как бы под мышку четырехметровой ширины подъемнику, подходившему к домне под углом. Там скапливался пар, так что теперь проход загораживала стена сосулек, красновато мерцающих в отблесках расплавленного чугуна, текущего из домны № 3. Грязнов ушел вперед, взобрался по лестнице и на четвереньках пролез туда, где мог, лежа на спине, сбить сосульки молотком. Остальные работники встали на жердочке чуть шире их валенок, прислонились к клепаной обшивке шахты и закурили огромные «козьи ножки», которые перед выходом соорудили из махорки и старых номеров «Правды».

В начале этого года, когда Аврора притворялась обычной американской девушкой в Чикаго, они с ее парнем, Диком, раза два ходили в киношку. Дик любил гангстерские фильмы, так что они посмотрели картину с Джеймсом Кэгни. Авроре все эти автоматные перестрелки слишком живо напоминали недавние события, и она в отместку заставила Дика высидеть «Ярмарку штата» — комедию про американских кулаков. Так или иначе, перед фильмами показывали короткие мультипликационные журналы, чтобы развлечь более пунктуальных зрителей, пока опоздавшие занимают свои места. Стиль мультфильмов тяготел к юмористической гиперболизации — головы, ноги и руки рисовались вдвое больше натуральных. И теперь, глядя, как коллеги по ударной бригаде в огромных ушанках и огромных валенках, зажав в толстых рукавицах «козьи ножки» с сосиску размером, выдыхают в лунном свете дым пополам с паром — все это на шатких лесах, собранных из не пойми чего и держащихся на честном слове, — она вспомнила те мультики. Было бы смешно, не будь она здесь.

Физматов, которому в его возрасте не следовало вызываться добровольцем, догонял остальных, морозное дыхание из его ноздрей тут же уносил

ветер.

— Давай-давай, поживей! — крикнул ему сверху Тищенко. — Бригада должна держаться в плотном строю, дабы мы не понесли ненужные потери!

Аврора гневно зыркнула на него, но даже будь Тищенко склонен обращать на такое внимание, он бы ничего не заметил за клубами морозного пара из-под шарфа, которыми сопровождался ее возмущенный вздох. Она воспользовалась передышкой, чтобы осмотреться. Ей еще не доводилось видеть Магнитогорск с высоты, если не считать того раза, когда она прыгала с парашютной вышки, а когда прыгаешь с парашютом, мысли заняты другим. По карте Аврора знала, что на западе лежат Уральские горы, но обычно они различались лишь как белая припухлость на горизонте, когда луна светила с восточной стороны. Тот факт, что сейчас они к востоку от Уральских гор, означал, что технически они в Сибири. Однако Аврора недавно проехала через Сибирь на поезде и знала, что до Тихоокеанского побережья отсюда много тысяч километров, а до Европы — рукой подать.

Заводское озеро очерчивало западную границу комплекса — язык не поворачивался пока назвать

его городом. Комплекс занимал четырехкилометровую полосу бывшей степи между Заводским озером и уникальной залежью богатой железной руды, по которой гора Магнитная получила свое название. Северной частью полосы Магнитогорский металлургический комбинат, или ММК, контачил с остальным Советским Союзом, ибо, хотя в такую морозную ночь это казалось невероятным, бóльшая часть СССР простиралась севернее. По крайней мере, в той стороне были аэродром и железнодорожная «станция» — место под открытым небом посередь степи, где останавливались поезда с людьми. Чтобы тут сойти, как обнаружили Аврора и те американцы, с которыми она прибыла, требовалось совершить некоторый прыжок веры.

Отсюда, если вы не против тащиться через завод минеральных удобрений, можно было дойти до элитных коттеджей магнитогорского революционного авангарда. Главная железнодорожная ветка продолжалась на юг, разрезая скопление бараков и палаток, где ютились заключенные вроде Физматова, до промышленного комплекса, созданного по подобию металлургического завода в Гэри, штат Индиана, только больше. Ибо Гэри был самым большим металлургическим

заводом в мире, а товарищ Сталин хотел его переплюнуть.

Даже если вы, как Аврора, попадали в Магнитогорск, ничего не зная о производстве железа, вы успевали составить общую картину, идя вдоль путей к Социалистическому городу в южной части комплекса. Уголь привозили вагонами из других частей СССР и загружали в коксовые печи. Там его обжигали, превращая в высококачественное топливо, необходимое домнам, из которых первая, вторая и третья уже действовали. Домны работали за счет силы тяжести — железную руду и кокс засыпали сверху подъемниками. Материал постепенно оседал в нижнюю часть печей, претерпевая по дороге различные трансформации, пока не оказывался в зоне очень близко к уровню земли, где в него вдували перегретый воздух, и получался чугун. Он тек на юг к мартенам, где из него выплавляли сталь, а дальше ей на прокатных станах придавали те формы, какие находил желательными Народный комиссариат тяжелой промышленности, чьи указания поступали сверху, примерно как руда в домны, через Главное управление металлургической промышленности и Магнитогорский металлургический комбинат. Во всяком случае, ряд доменных печей

располагался точно посередине комплекса и первым привлекал взгляд любого новоприбывшего, так что с наблюдательного пункта Авроры, пусть холодного и шаткого, открывался наилучший возможный вид.

В километре южнее прокатных станов начинались пологие холмы, и там Государственный институт проектирования городов старался показать себя с наилучшей стороны. Землянки, которые возвели самостроем различные национальные меньшинства и заключенные на разных стадиях расконвоированности плюс целая деревня, пришедшая пешком из Польши, сносили, и на их месте росли капитальные дома по проекту западных архитекторов, увлеченных лучезарными перспективами социализма. В этот час комплекс был ближе, чем когда-либо, к картине тихой Рождественской ночи. Домны и мартены работали круглые сутки, но внизу почти не было людей или машин. Самое примечательное исключение составляла штрафная бригада православных священников под надзором двух вооруженных парней не старше Авроры. Священники работали всю ночь, долбя ломами и заступами длинный курган мерзлой земли, который тянулся между подъездными путями и канавой, ведущей к

озеру.

Физматов, видя полнейшее недоумение Авроры, объяснил ей, что происходит. Два года назад, когда строительство Магнитки только начиналось, проектировавшие ее западные инженеры заказали у «Сименса» некие турбины и заплатили за них советским золотом. Оборудование привезли из Германии и сгрузили рядом с путями — там оно и простояло под снегом и дождем 1932 и 1933 годы, так как по причине различных задержек устанавливать его было некуда. Тем временем потребовалась канава, и новоприбывших рабочих отрядили ее копать. Им нужно было куда-то девать вынутый грунт. Кучи земли вокруг сименсовских турбин росли и росли, пока не скрыли их целиком. Теперь турбины понадобились, чтобы запустить домну № 4, и откапывать их поручили этим изможденным священникам, которые в атеистическом Советском Союзе остались не у дел, но упорно не желали состригать длинные бороды и волосы. На морозе и то и другое покрылось густым инеем и тяжело раскачивалось, когда они долбили самодельными орудиями смерзшуюся в камень землю. Аврора, которую вообще-то крестили в их церкви (против воли родителей, но это другая история), пожалела

несчастных попов, вынужденных трудиться в канун Рождества. Впрочем, они по-прежнему держались юлианского календаря, так что для них сочельник наступал двумя неделями позже.

Впереди Грязнов вскрикнул и ругнулся. Ритмический стук его молотка умолк.

— В чем дело, товарищ? — вопросил Тищенко. — Мы все тебя ждем.

— Молоток сломался, — проныл Грязнов. — Мне осколок в глаз отлетел.

— Положи боек в карман, насадим потом на новую рукоятку.

— Да в том-то и гадство, — объяснил Грязнов. — Рукоятка цела. Боек раскололся.

Он задом прополз к лесенке, спустился по ней очень осторожно — когда задубевшей рукой в толстой рукавице берешься за перекладину, трудно понять, крепко ли за нее ухватился, — протянул Тищенко вещественное доказательство, а затем совершил экстраординарный шаг — снял рукавицу, чтобы смахнуть слезы. Не дело, чтобы на таком морозе они текли по щеке.

— Куда ты бил?! — допытывался Тищенко. — Лед сам по себе не мог вызвать такую поломку.

— Должно быть, задел кожух подъемника. Там большие заклепки, они очень прочные. — До

Грязнова начало доходить, что его допрашивают. — Это было случайно!

Физматов наконец догнал остальных и теперь протиснулся мимо Авроры, учтиво кивнув ей ушанкой. Он был вдвое старше остальных, и у него из-за обморожения не хватало двух пальцев на ногах.

— Товарищ Тищенко, если позволите? — спросил он. У него был серьезный голос, тихий и спокойный, без тени настороженной тревоги, которую привыкли слышать такие, как Тищенко. Акцент в его речи Аврора уже научилась узнавать как украинский.

После недолгого тягостного молчания Тищенко протянул ему несколько осколков металла.

— Если подъемник повредили — по неосторожности или с умыслом, — сказал Тищенко, — это серьезное дело. Дело для ОГПУ.

Грязнов напрягся.

— Не то чтобы я выдвигал такое обвинение, — продолжал Тищенко тоном, который, вероятно, считал успокаивающим и рассудительным, — но могут выдвинуть другие. Как говорят теперь там… — он кивнул ушанкой в сторону Соцгорода, но все поняли, что он имеет в виду нависавший над поселком отдел ОГПУ на вершине холма, — в

каждом отстающем подразделении есть вредитель!

— По счастью, это место находится в ведении Комиссариата черной металлургии. — Физматов хохотнул. — И могу заверить вас, товарищ Тищенко, и любого, кого заинтересует этот вопрос, что у нас тут… — он показал обломки бойка на ладонях рукавиц, — чисто металлургический феномен! Я мог бы изложить техническим языком, но простыми словами дело обстоит так: при сильном охлаждении сталь становится хрупкой. Товарищ Грязнов, я верно предполагаю, что молоток хранился на улице?

Грязнов задумался над ответом.

— В очень холодном месте? — подсказал Шаймат, стоявший между Физматовым и Тищенко. Татарин, до приезда в Магнитогорск не видевший даже лестницы, не то что доменной печи, теперь благодаря комсомольской программе ликвидации безграмотности мог читать и писать. И он умел читать людей и ситуации лучше большинства.

— Да! — ответил Грязнов. — Холод страшный, как все мы знаем!

— А поднимающийся снизу пар, конденсируясь на подъемнике, нагревает его, — продолжал

Физматов.

— Нагревает?! — фыркнул Тищенко. — По-вашему, здесь тепло?!

— Нет, но если бы мы принесли из лаборатории термометр, то, смею заверить, увидели бы, что подъемник значительно теплее вот этого… — Физматов вновь продемонстрировал на ладони обломки бойка. — Когда хрупкий от экстремального холода боек ударил по более теплой стали подъемника, он разлетелся, как разлетелось бы стекло от удара о чугунные перила.

— Тут вам виднее, — уступил Тищенко.

Учитывая, что сам Тищенко был от сохи, а Физматов получил докторскую степень в парижском университете, сказано было чересчур мягко, но Физматов, разумеется, благоразумно не стал на это указывать. Не стал он упоминать и о том, что разница между ними куда глубже. Ему уже вынесли смертный приговор, который потом заменили десятью годами в Магнитогорске. Тищенко, возможно, спрашивал себя: если меч революции решил пощадить Физматова, кто такой Тищенко, чтобы того изобличать?

— Думаете, эта… *теория* пройдет проверку в ОГПУ?

— Без всякого сомнения, — заверил Физма-

тов. — Если им правда нечего больше делать, кроме как расследовать поломку молотка.

— Значит, все улажено! — воскликнул Шаймат. Он мимо Тищенко и Грязнова протиснулся к лестнице и начал взбираться по ней так, будто не замерз, а она не обледенела. — Я, пока сюда не попал, вообще молотка не видел! Когда мы вбивали колья для юрт в мерзлую землю, мы работали этим! Дешевле молотка — и искать не надо!

Он сунул руку в карман ватника и с гордостью продемонстрировал камень.

За несколько минут энергичной долбежки Шаймат расчистил проход. Тищенко, чтобы не терять времени даром, за эти минуты провел аналогию между их нынешним положением и тем, что он видел — или только слышал? — во время Гражданской войны, когда наступающие красные (они всегда наступали) встретили некую преграду в виде земляных укреплений, оставленных (всегда отступавшими) белыми, и вынуждены были ждать, когда саперы уберут препятствие. Шаймат в этой аналогии, разумеется, был доблестным сапером. Однако препятствием, которое требовалось устранить, были каким-то совершенно логичным для Тищенко, но недоступным для Авроры образом не просто ледяные

наросты, но мировой капитализм, групповщина, евреи, пережитки крестьянской отсталости, оппортунисты, хулиганы, неистребимая контрреволюционность православной церкви, вредители, диверсанты, кулаки, петлюровская сволочь, национал-уклонисты, предатели, иностранные агенты, недобитые буржуи и белогвардейские элементы, а также их вольные или невольные пособники. При этом он иногда недоверчиво косился на Физматова и делал умоляющие жесты в сторону Авроры, как будто она уже почти завербована. Аврора со своей стороны дивилась его бешеной энергии и начинала подозревать, что пламенная речь для Тищенко — на самом деле способ согреться. Тищенко был агитатором — в СССР существовала такая должность. Возможно, ее удостаивался только тот, кто изначально находился в ажитации.

По счастью, Шаймат пробился на другую сторону под триумфальный хруст ломаемого льда, за которым последовал веселый перезвон падающих сосулек. Ближайший аналог рождественского благовеста, который Авроре предстояло услышать в 1933-м. «Ура!» — заорал Тищенко, бросаясь к лестнице, и опешил, увидев, что остальные предпочитают докуривать самокрут-

ки или растирать снегом те части лица, где уже ощущались первые симптомы обморожения.

— Ура! — крикнула Аврора. — На штурм рубежа, товарищи!

Упомянутые товарищи были крайне удивлены, когда она в два часа ночи материализовалась в бытовке. Они сказали, что девушке тут делать нечего. Впрочем, теперь они приняли ее как своего рода талисман или чирлидера, так что наконец буркнули: «Ура!» — и двинулись к лестнице.

Подъем вывел их к верхней части домны. Часть оборудования здесь служила для загрузки в печь большого количества тяжелых компонентов — кокса, железной руды, различных минеральных присадок, часть — для вывода горячих газов, образующихся в процессе выплавки. Чтобы от них не загорелись подъемники и прочее оснащение, газы требовалось направить в газоотводы диаметром с туннели метро. Газоотводы варили из гнутых стальных пластин. Именно эти работы и тормозили пуск домны № 4 — отсюда замечание Тищенко про «отстающее подразделение». И потому-то в два часа ночи собрали ударную бригаду. Половину ее составляли сварщики — Грязнов, Иванов и Мышкин. Остальных придали им в помощь.

Они достигли «рубежа» — места, где обломанным суком торчал в пространство неоконченный газоотвод, — лишь с получасовым отставанием от графика, составленного агитатором. И все же слишком поздно для работника предыдущей смены, который — как стало ясно, как только Шаймат затряс его, пытаясь разбудить, — замерз насмерть. Он скрючился в обнимку со сварочным аппаратом, к которому прижимался в последние минуты жизни, пытаясь согреться. Силясь отделить закоченелое тело от аппарата, Шаймат дернул чересчур сильно, тело оторвалось, и он, потеряв равновесие, заскользил по незавершенному газоотводу. Ему удалось схватиться за кабель аппарата, но для этого пришлось выпустить мертвое тело. Через несколько секунд оно рухнуло на бетонное основание домны № 4 и разбилось.

— Что-то с Америкой неладно, — сказала Аврора, — вот я и поехала сюда.

— Насколько ж тогда худо в Америке, — заметил Шаймат, выразительно оглядывая сперва столовую № 30, затем свою хлебную пайку. — Пятьдесят грамм, Аврора. У тебя карточка в инженерную столовую, так ведь? Там ты получила бы сто.

— Я не голодная, — ответила Аврора, косясь в направлении домны № 4, где они с Шайматом и Физматовым полчаса собирали останки замерзшего сварщика. Потом Физматов ушел в зону. Обычные заключенные о пятидесятиграммовой хлебной пайке могли только мечтать. По счастью, Физматов был настолько очевидно важен для Магнитогорского металлургического комбината, что ему исхитрились выписать питание не хуже чем у любого комиссара.

Шаймат понял, что имеет в виду Аврора, и кивнул.

— Я боялся, ты заболела, — сказал он, изображая, будто чешет под мышкой.

Аврора узнала жест, преодолевающий все языковые барьеры. Она улыбнулась и мотнула головой, показывая, что у нее нет вшей — переносчиков тифа. Женское общежитие, где ее разместили, было относительно чистым.

— В Америке, если были сомнения насчет постели, я ложилась на полу.

Шаймат кивнул:

— Здесь в казахском поселке некоторые спят снаружи на деревянных скамьях.

Аврора подняла брови — они оттаяли и даже понемногу обретали чувствительность, так что

она почти уверенно могла сказать, что не обморозилась.

— Там не сильно холоднее, чем внутри, — успокоил Шаймат.

Удостоверившись, что новенькая американка знает о профилактике тифа, Шаймат зачерпнул ложкой суп.

— Ты очень хорошо говоришь по-русски, — заметил он. — О, я бы не определил, потому что сам говорю по-русски так плохо! Но другие уверяют, не знали бы, что ты из Америки, думали бы, что выросла в Петербурге.

Теперь он звался Ленинградом, но в историческом контексте употреблять старое название было простительно.

— А я там и выросла, — ответила Аврора.

2. Петроград (бывший Санкт-Петербург, позднее Ленинград). 1920–1923 гг

Наверняка она что-то осознавала и раньше, потому что даже собаки и младенцы осознают окружающий мир. Однако первое *осознание своего осознания* — и, возможно, с этого начинается память — пришло, когда она твердо усвоила, что некоторые вещи именуются двумя разными словами. И в том числе она. На старом месте ее звали Дон. Но если бы к ней так обращались здесь, на новом месте, куда переехали мама с папой, то люди бы смеялись и думали, что это название реки.

На старом месте имя Дон, Dawn, означало «рассвет». Рассвет бывает каждый день.

На новом месте особенный рассвет случился, когда она была совсем маленькой, в ноябре, или в октябре, как его здесь называли.

Имя Рассвет для девочки не годилось, и папа звал ее Авророй, что значит примерно то же, но не совсем. Такое имя носил знаменитый крейсер, начавший революцию. Когда папа или мама обращались к ней так при новых знакомых, те

улыбались и говорили, что она славный *октябренок*, дочь Октября.

Затем слова полетели на нее, как тополиный пух, когда задует весенний ветер, так что она не могла открыть рот для вдоха, чтобы несколько не попало на язык. Новое место звалось Петроград или Санкт-Петербург. Старое — Америка или Соединенные Штаты.

Иногда по тому, какое слово человек употребляет, можно было догадаться, что он думает.

Место, где они жили, называлось *коммуналка*. Это значило примерно то же, что *дом*, но в домах больше никто не жил. Дома были у белых. У буржуев. Красные жили в коммуналках. Их коммуналка прежде была домом, но белые, которые тут жили, уехали во Францию и забрали с собой все свои буржуйские вещи. Красные экспроприировали дом и повесили на веревку простыни, чтобы получились стены и мужчины с женщинами жили отдельно. Это было как походный лагерь, не настоящий, как мама разбивала в Монтане, а понарошку. Папа и другие мужчины жили по одну сторону простынь, а Дон с мамой и остальными женщинами — по другую. Мама понимала «па-руски» хуже папы и не знала, что женщины про нее говорят.

Когда кто-нибудь из чужих взрослых гонялся за Дон, она на четвереньках проползала под простыню на другую сторону, куда этому человеку было нельзя, а Дон разрешали быть где угодно, если только за простынями не происходили некоторые вещи. Тогда мама сажала Дон на колени и обнимала, пока та не засыпала.

Некоторые части коммуналки были и для мужчин, и для женщин: кухня и комната с большим столом. Только мужчины всегда сидели вокруг стола, а женщины стояли на кухне. Как-то Дон спросила: «У нас простыни кончились?», думая, что между кухней и комнатой тоже должна быть простыня. Мама как-то странно рассмеялась — Дон не захотелось рассмеяться вместе с ней — и с мокрыми руками пошла из кухни в комнату с большим столом. Мужчины глянули на нее удивленно, и мама сказала папе что-то про Дон и простыни, а папа ответил по-английски: «Из уст младенцев…» После этого много кричали, и Дон поняла только, что люди сердятся. Ей велели не огорчаться, но она все равно огорчилась.

Женщины говорили, что у мамы в кастрюле слишком много мяса и это по-буржуйски. Маме приходилось стоять рядом с кастрюлькой, пока все не сготовится, иначе, говорила она, вернешь-

ся, а кастрюлька пустая. Дон любила бывать с нею на кухне, но другие женщины всегда говорили, чтобы она не мешалась. Одна, Галина, всегда норовила пнуть Дон. Она кричала: «С дороги!», даже если Дон вовсе не была на дороге, и старалась подобраться ближе и пнуть ее. Дон игра нравилась, и она почти всегда выигрывала, но как-то Галина молча подошла и плеснула на Дон кипятком из кастрюли, ошпарив ей руку, так что там остался красный ожог в форме звезды. Папа увел вопящую Дон и намазал ожог сливочным маслом, и не только мама, но и все остальные женщины орали на Галину.

После этого Дон реже бывала на кухне, чтобы не путаться под ногами — это были ее новые любимые слова. Она проводила время в комнате с мужчинами. Там всегда пахло газетами. Газет приходило столько, что они заваливали коммуналку, как снег в метель; иногда их приходилось выгребать. Впрочем, мужчины часто говорили ей пойти поиграть, и тогда она пролезала под простыней в холодную пустую часть здания. Братьев и сестер у нее не было, других детей в коммуналке тоже. Люди здесь не заводили семью, потому что семья — это буржуазно и сентиментально.

Как-то вечером, когда Дон отправили поиграть,

она с другой стороны простыни услышала, как папа рассказывает про Америку и настолько там все буржуазно, сентиментально и религиозно, так что развестись трудно, а здесь в Советском Союзе он просто снял обручальное кольцо — вот и весь развод.

Дон думала, может, ей приснилось, потому что от ожога на руке она видела странные сны. Однако на следующее утро кольца у папы на руке и впрямь не оказалось. Она спросила, где кольцо, а папа глянул на другого мужчину, который смешно наморщился, и тогда папа опустил глаза и сказал, что отдал золото народу — купить пуль для борьбы с белыми.

— Что ж ты не вырвал золотой зуб и не отдал его в переплавку вместе с кольцом? — спросил Антонио. Он был итальянец и всегда отпускал какие-нибудь такие шуточки. Иногда другие мужчины смеялись, а иногда злились и говорили ему заткнуться. Сегодня папа промолчал.

А что мама, спросила Дон. У нее было такое чувство, будто она пытается проглотить большой кусок черного хлеба, не разжевав, хотя на самом деле она ничего не ела с прошлого вечера.

— С мамой все хорошо, — ответил папа. — Мы просто слишком разные.

Дон подумала, что, видимо, неправильно понимает это слово — ей казалось, что мамы с папами и должны быть очень разными, в том-то и весь смысл. Мужчины за столом сразу притихли. Все смотрели на папу, и никто не смотрел на Дон. Папа сказал по-русски:

— Теперь все иначе. Сама концепция брака, жены и мужа. Это были поповские выдумки, буржуазная мораль.

— Будь стойким солдатиком революции, Аврора, — сказал один из мужчин. — Не плачь, думай, насколько хуже нашим товарищам, которые сражаются с белыми.

От этого ей только захотелось заплакать еще сильнее, поэтому она отвернулась от мужчин с их бакенбардами, бровями и очками и поплелась на кухню. Мамы там не было. Мама переехала в другую коммуналку в соседнем здании. В следующие недели она навещала Дон и говорила по большей части про Монтану. А однажды, после того как ожог у Дон на руке почти сошел, мама пришла, долго молча обнимала ее и плакала, а потом встала, пригладила рыжие волосы и вышла. Дон подбежала к окну и видела, как мама садится на извозчика. Сзади лежал ее чемодан, примотанный веревкой. Она что-то сказала кучеру, тот

взмахнул кнутом, и лошадь увезла маму прочь. Дон почувствовала у себя на плече чью-то руку и подпрыгнула от неожиданности, но это был папа — он зашел на женскую сторону. Тихим голосом он объяснил, что Аврора не должна огорчаться, она ведь дочь Октября и не могла заразиться буржуазной моралью.

– *Нам* нужно перебарывать в себе пережитки, а у тебя их нет.

Папа отвел ее в единую трудовую школу и велел ей запомнить дорогу, чтобы она могла ходить одна. Потому что папа был занят — переводил Двадцать одно условие второго конгресса Третьего Интернационала на английский, чтобы сообщить о работе Красного интернационала профсоюзов, который готовил идеологическое наступление с тем, чтобы очистить свои ряды от наивного анархо-синдикализма. По лицу папы Дон видела, что это важно. Он отвел ее в школу и сказал учителям, что ее зовут Аврора. Аврора Максимовна Артемьева. Дон возразила, что ее среднее имя Рэй.

— Но меня зовут Максим, — ответил папа, — а значит, в России твое среднее имя должно быть Максимовна.

Он переглянулся с женщиной, которая при-

нимала Дон в школу, и та записала, как сказал папа.

Белые проигрывали войну. Разные части Красной армии возвращались и маршировали по Петрограду, а люди кричали «ура» и плакали. В коммуналку пришел человек с рулеткой, что-то подсчитал в голове, шевеля губами и закатывая глаза к потолку, а потом сказал, что у них слишком много квадратных метров — надо потесниться и освободить место героям-красноармейцам. Въехали двое мужчин, а на женскую половину — Вероника. Вероника вошла в черных сапогах до колен. Ее шинель была свернута в длинную скатку и переброшена через плечо, а на поясе болтался медный котелок. Она положила шинель на пол и дальше спала на ней. Она готовила на кухне в своем котелке, и никто из женщин не смел у нее воровать, даже если в котелке было мясо. С другими женщинами Вероника мясом не делилась, но всегда давала Авроре сколько та захочет. Вероника была пулеметчица в Красном женском батальоне смерти. В Сибири она со своим пулеметом воевала против белоказаков и получила медали. Аврора сидела у Вероники на коленях, ела мясо и слушала ее рассказы, почти ничего не понимая. Керенский

сформировал Женские батальоны смерти. Керенский был лучше царя, но хуже товарища Ленина, поэтому товарищ Ленин взял штурмом Зимний дворец и победил Керенского в Октябрьской революции. Некоторые женщины из батальонов смерти перешли на сторону Ленина и, чтобы доказать свою верность, сражались еще яростнее других. Аврора спросила, сможет ли она, когда вырастет, тоже стать пулеметчицей, и Вероника ответила, это не то, что быть обычным солдатом, а техническое, примерно как шить на швейной машинке, и потому женщины справляются тут лучше мужчин, и Авроре надо хорошо учиться и поднатореть в арифметике.

Засиживаясь вечером над примерами, Аврора иногда слышала, как Максим Александрович говорит про маму. Чаще всего это случалось, когда он с другими мужчинами пил водку за большим столом.

Сразу после маминого отъезда он говорил, что она — анархо-синдикалистка. Это явно было что-то обидное, зато успешно объясняло другим мужчинам, отчего он снял обручальное кольцо.

Через некоторое время, когда начали приходить мамины письма из Монтаны, папа стал говорить о ней мягче. Он говорил, что она была

скорее стихийная анархистка с самыми лучшими намерениями, но ей недоставало прививки ленинизма и революционной дисциплины.

Авроре от этого хотелось свернуться клубочком и сосать палец, хотя стойкие солдатики революции так себя не ведут, но она все равно так делала, иногда под бочком у Вероники, укрытая ее шинелью. Для нее мама была женщина верхом на лошади, с развевающимися на ветру рыжими волосами. Это и большое синее озеро в Чикаго — вот и все, что она помнила про Америку.

Прошло несколько месяцев. Теперь папа иногда называл маму не анархо-синдикалисткой и не стихийной анархисткой, а ковбойкой, и потом издавал что-то наподобие смешка, приглашая других мужчин посмеяться. Они смеялись. Затем мама была у него уже только ковбойкой.

Лил дождь. И опять. Дождь лил почти все время. Дождь лил без конца. Когда Аврора шла в школу, грязь налипала ей на ботиночки, так что они становились тяжелые-тяжелые, пока не потопаешь по луже и не отмоешь их. Лучшие лужи были на проезжей части. Как-то Аврора топталась в луже и услышал звон колокольчика. Она помнила, как мама однажды сказала по-английски: «Звонкий, словно колокольчик». Аврора не понимала этих

слов, пока не услышала этот колокольчик, такой звонкий и так близко, входящий в ухо, точно сосулька. Она подняла голову и увидела, что это звонок трамвая, остановившегося рядом с ней. Вагоновожатый одной рукой дергал веревку звонка, а другой куда-то указывал. Аврора глянула в ту сторону и увидела приближающийся автомобиль. Шофер, чисто выбритый молодой человек в черной кожанке и армейской фуражке, смотрел зелеными глазами прямо на нее, и Аврора думала, он ее объедет, однако руки в черных кожаных перчатках не крутили баранку сильно, а только чуть-чуть, чтобы обогнуть выбоины. Аврора прижалась к трамваю, чувствуя над головой рокот его мотора, и машина пронеслась мимо, взметнув завесу бурой воды. За мгновение до того, как вода обрушилась Авроре на голову, та через заднее стекло автомобиля увидела мужчину в черной коже: в одной руке он держал зажженную папиросу, в другой — лист белой бумаги с напечатанным списком. Весь список был исчеркан красными чернилами. У Авроры мелькнула мысль, что, наверное, у этого мужчины есть дочка и та изрисовала лист. Она даже успела задуматься, важная ли бумага и накажут ли девочку.

Тут все стало бурым. Аврора силилась раздышаться и протирала глаза, когда чья-то рука схватила ее шиворот и втащила в трамвай. Это был вагоновожатый, очень злой — и не на нее.

— По одежде вижу, ты не беспризорница. Где твои родители? — спросил он.

Аврора ответила, что мама в Монтане, а папа — по такому-то адресу.

Вагоновожатый медленно сел на деревянное сиденье впереди, где были рычаги и рукоятки. Его огромные черные усы свисали с худого лица, как эти штуки, которыми насекомые хватают еду. Он закрыл глаза руками, как будто плачет или молится, и кончики усов задвигались от шевеления губ. Говорил вагоновожатый почти беззвучно, но Аврора различила названия улиц. Потом он отнял руки от лица и заморгал голубыми глазами на лобовое стекло, как будто не понимал, как здесь оказался.

— Сделаем, — звонким голосом объявил он.

Вагоновожатый чему-то радовался, но люди в трамвае ворчали, а один потребовал, чтобы его выпустили, «пока ты не взялся за свои фокусы, Гриша!». Гриша что-то сделал с рычагами, и трамвай поехал. Вскоре недовольный пассажир сошел, а потом и еще несколько, не одобрявших

фокусы.

Они добрались до перекрестка, где рельсы разбегались в разные стороны, словно брошенные на стол стальные макаронины. Гриша подался вперед, вгляделся в рельсы, подергал кончиками усов, шепча себе под нос очередное заклинание, потом дернул какой-то рычаг, отчего свет в трамвае погас, а рычание мотора стихло. Стрелки на рельсах впереди сдвинулись; через мгновение трамвай повернул влево и беззвучно двинулся новым курсом. Люди недовольно захлопнули свои газеты, в которых читали про белых и про воббли[2]. Гриша снова дернул рычаг, свет зажегся, мотор зарычал, и трамвай уверенно покатил к следующему перекрестку, где Гриша повторил свой фокус и снова переехал на другие рельсы. Через некоторое время он попросил Дон не визжать каждый раз, как это происходит. Ее восхищало, что крошечное движение стрелок меняет курс тяжелого вагона и всех, кто в нем, но ее восторженные вопли мешали другим пассажирам читать их книги и газеты.

---

[2] Сноски: 2

Прозвище членов организации «Индустриальные рабочие мира» (ИРМ), основанной в 1905 г. в Чикаго и объединившей социалистов, анархистов и радикальных деятелей профсоюзного движения (*здесь и далее примечания переводчика*).

— Вот видишь, один в подворотне, а целая толпа таких же только что убежала в тот проулок, — объяснял Гриша, когда не бормотал названия улиц. Он имел в виду маленьких субъектов в негодной одежде. Аврора часто их видела и научилась обходить стороной те места, где они встречались. — Военные сироты, беженцы, крестьяне из Тьмутаракани. Вообрази, сбежать от голода в город! Эти дети не ходят в школу, верно?

— Верно.

— Чекист за рулем автомобиля думал, ты из них, играешь на проезжей части, поэтому запросто бы тебя задавил, — сказал Гриша. Потом глянул на нее голубыми глазами и погрозил пальцем: — Смотри, чтобы тебя не приняли за беспризорницу!

— А что такое голод? Он может прийти в город? — спросила Аврора. Она подумала, что это какое-то чудовище.

Через некоторое время — высадив сколько-то первоначальных пассажиров и, после долгого обсуждения, взяв сколько-то новых, — Гриша подъехал настолько близко к коммуналке, насколько позволяла трамвайная линия. Тогда он взял Аврору за руку и повел ее по улице. Один

пассажир возмутился, но несколько женщин зашикали на него и сказали, что ему должно быть стыдно.

Гриша вместе с Авророй поднялся по лестнице и спросил Максима Александровича. Время было уже позднее, папа вернулся и сидел за столом с другими мужчинами, читал их газеты и ел кашу. Гриша спросил Аврору, ее ли это папа, и она ответила «да». Гриша спросил папу, его ли это дочь, а папа спросил: «А кто вы такой, чтобы задавать мне вопросы?», и выбрался из-за стола, и взял Аврору на руки, и спросил ее, где она так долго была. «За малый чуток не под колесами чекистского автомобиля!» — ответил Гриша.

В итоге Аврору отправили на женскую сторону, чтобы мужчины могли поговорить. Дон рассказала все Веронике, думая, что та придет в восторг. Но вместо этого Вероника побагровела, встала и заходила взад-вперед по женской половине комнаты, глядя в окно на улицу. Наконец она обернулась, и Аврора увидела у нее на лице слезы.

— Никогда больше такого не допускай! — воскликнула она. — Дай слово.

— Я не буду заходить в лужи.

— Нет, не это! — ответила Вероника со стран-

ным смехом.

— Я буду смотреть направо и налево и…

— Нет! — Вероника опустилась на колени.

Из-за холода она была дома в шинели. Суконные полы легли на паркет, и Авроре захотелось забраться под них. Вероника грубо схватила Дон за руку.

— Ты позволила ему себя увести! — Ее свистящий шепот резал слух, как трамвайный звонок. Вероника дернула Дон, показывая. — Ты позволила чужому дяде схватить тебя и увести. Куда он сам решил. Никогда так больше не делай.

— Из-за голода?

— Нет.

— Тогда почему?

— Я не могу тебе объяснить, ты еще маленькая. Но некоторые мужчины сделают тебе плохое. Самое плохое, что может быть. Это то, что делают казаки.

Теперь Вероника плакала.

— А оно потом проходит?

— Может быть, чуть-чуть. Не совсем. Единственно, что тут можно…

— Что?

Однако Вероника вернулась к своей всегдашней манере — не смотреть людям в глаза. Она

по-прежнему держала Дон за руку, и взгляд Авроры задержался на ее рукаве. Там была нашивка с желтым ободком, на которой Вероника вышила толстое орудие с трехногой подставкой.

Папа с Гришей придумали новый распорядок. Каждое утро Дон шла на площадь чуть дальше по улице. На площади сходилось несколько трамвайных путей. Оттуда Гриша забирал Дон, всегда вместе с пассажирами, едущими в другие места, и отвозил в школу.

В школе учителя помогали им становиться настоящими маленькими ленинцами. Ученики носили красные галстуки и каждое утро поворачивались к красному углу и пели песни. В старые времена капиталисты заставляли рабочих стоять у капиталистических станков, но теперь станки принадлежали народу. Аврора сказала Грише, что, когда вырастет, научится делать запчасти для его трамвая, а Веронике — что сделает новый ствол для ее пулемета.

Вероника теперь приходила домой после наступления темноты, с раскрасневшимися щеками, и возилась со своей формой. Дон спросила, ходит ли она на фронт расстреливать из пулемета белоказаков. Вероника рассмеялась и ответила, что нет, она репетирует «Штурм Зим-

него дворца».

Про это Дон слышала в школе. Она огорчилась и встревожилась, узнав, что его придется штурмовать снова. Зимний дворец она видела — он был недалеко от коммуналки — и долго не могла в тот вечер уснуть, все думала о том, что там снова засели царисты и беляки. Однако Вероника только погладила ее по головке и сказала, что все будет хорошо.

На переменах они играли в школьном дворе. Игра в индейцев и ковбоев буржуйская, сказали старшие девочки. Дон заплакала, потому что ее мама была ковбойка, а дяди — ковбои. Лида — старшая девочка, которая всегда была очень ласкова с младшими, — взяла ее за руку и повела играть в «разверстку». Это было что-то вроде прятки. Сперва они собирали на дворе желуди — за школьным забором росли старые дубы. Потом желуди складывали в шапку, чтобы все видели, сколько их. Потом некоторые дети завязывали себе глаза красными галстуками и медленно считали до ста. Они были большевики, или красные. Другие — они назывались меньшевики, или белые, или кулаки — разбегались по двору и прятали желуди. Когда красные заканчивали считать до ста, они срывали с глаз галстуки,

кричали: «Разверстка!», и главный из них требовал сказать ему, где желуди (хотя он называл их золотом, или картошкой, или патронами), чтобы рабком их распределил. Белые отвечали: «Честное слово, у нас ничего нет!», и по этому сигналу красные начинали искать желуди, пока белые считали до ста. Все найденные желуди кидали в шапку, и если число оказывалось достаточным, белые должны были признать себя буржуями-спекулянтами и принять наказание. Оно менялось, потому что играли каждый раз по-разному. Иногда красные вставали в два ряда, а белые проходили между ними и красные их шлепали, что в теплой одежде было почти не больно.

Скоро все хорошие тайники пораскрывали; белые лишились всякой надежды выиграть. Некоторые старшие мальчики, которые ненавидели проигрывать, всякий раз объявляли себя красными, а девочки, стараясь быть хорошими, соглашались быть белыми и говорили, что им все равно, кто выиграет. Авроре было не все равно, но она как маленькая не могла спорить с Лидой и другими большими девочками. Андрей, не самый большой из старших мальчиков, но самый бешеный, взял на себя обязанность каждый

раз говорить всем, как будут играть. Некоторое время Дон притворялась, будто ей по-прежнему нравится игра, но когда все ее тайники узнали, а большие мальчики стали очень громко хвастаться победой, она заплакала. Старшие девочки начали ругаться с мальчиками. Учителя вышли выяснить, в чем дело. Они велели Андрею признать свою вину перед товарищами. Андрей оттарабанил извинения, глядя в небо, а потом ушел, ругаясь на ходу. Он злился на Лиду, а Лида — на него, и Дон думала, теперь они враги навсегда. Однако они постоянно друг на друга смотрели, Андрей — собачьими глазами, а Лида как будто не замечала, но вечно поглядывала на Андрея украдкой, когда тот бегал или играл и не мог видеть, что она на него смотрит.

Вероника отправилась на вокзал и вернулась с высокой тощей старухой в длинном черном платье, как на старой фотографии. Это была *тетя*. Она приехала из тех мест, откуда Вероника, с востока. У нее была только одна маленькая сумка и одно платье. Она приехала смотреть «Штурм Зимнего дворца». Другим женщинам в коммуналке не понравились ее платье и ее манеры — и то и другое было очень старомодное, — а еще что она носила крестик, и как выговаривала слова,

как готовила и как от нее пахло.

На следующий день был штурм. Погода выдалась сырая, но не очень холодная. Они уложили в корзины селедочные консервы, буханки черного хлеба и водку. Вечером все пошли к Зимнему дворцу и быстро затерялись в потоке людей. Дон никогда не видела такой толпы. Некоторые маршировали группами под красными знаменами.

Вышли на площадь перед Зимним дворцом — самым большим зданием, какое ей пока доводилось видеть. По дальнюю сторону от дворца текла река. Вместо того, чтобы идти туда, где собиралась вся толпа, папа в обход дворца повел Дон к набережной. Здесь стоял большой корабль, выкрашенный белой краской и ярко освещенный прожекторами на дворцовой крыше. На носу корабля было написано Аврорино имя. Она пришла в полный восторг и долго стояла не отводя глаз, а папа смотрел все это время только на нее. Потом он сказал, что надо вернуться на площадь, иначе все хорошие места займут. По дороге он рассказывал, как однажды крестьяне в Массачусетсе сделали выстрел, который услышали во всем мире, и это стало призывом бороться с империалистами, и как чуть позже рабочие в Париже взяли штурмом дворец, полный аристократов, а

здесь в Петрограде выстрел и штурм случились в одну ночь, и они сейчас это увидят. И поэтому ее имя Аврора, а не Дон.

Все, кто пришел смотреть штурм, стояли двумя толпами за протянутыми веревками. Между толпами оставался проход, а в центре прохода высилась колонна, старый памятник; под ней выстроили помост, от которого во все стороны расходились телеграфные провода — к двум большим сценам в одном конце прохода, к Зимнему дворцу в противоположном конце и к площадкам по углам площади — там тысячи людей готовили к штурму грузовики, лошадей и артиллерию. Дон знала, что где-то там Вероника. Папа сказал, что на помосте режиссер — глядит во все стороны и по телеграфу командует, что кому делать. Авроре хотелось увидеть режиссера, но он был укрыт от дождя навесом, отгорожен от ветра брезентом и от холода — стеклянной кабинкой; только горящий кончик его сигареты различался в темноте.

Долгое время все просто стояли и дивились на две сцены — одну белую, другую красную, — соединенные перекинутым через проход мостом. Белая была из плит разного размера, вроде свадебного торта, красная походила на промышленный город с фабриками и высоким шпилем. Из-под

моста доносились нестройные звуки, и когда папа посадил Аврору на плечи, та увидела, что между сценами теснятся музыканты, все в черном и белом. Они настраивали инструменты, отливающие медью и полированным деревом.

Видимо, по телеграфным проводам пришел какой-то сигнал, ибо внезапно стало темно. «Авария!» — пошутил кто-то, и несколько человек рассмеялись, но остальные сердито на них зашикали. И тут в стороне реки громко бабахнуло. «Аврора!» — воскликнул папа, и несколько мгновений весь Петроград повторял то же слово.

Под аркой моста между сценами возник круг яркого света. Посередине круга стоял человек в длинном черном пиджаке. Взмахом палочки он призвал музыкантов к вниманию, и они заиграли громкую музыку. Прожекторы осветили белую сцену, на которой оказалось множество людей в чудной одежде: меха и драгоценности, армейская форма, цилиндры. Все аплодировали человеку, которого толпа встретила шиканьем и свистом.

— Керенский, — объяснил папа.

— Всамделишный? — спросила Аврора, внезапно ощутив себя на его плечах открытой и беззащитной, но тут же почувствовала, как он мотнул головой.

— Актер, — сказал папа.

Невсамделишный Керенский стал говорить речь. Никто не мог ее слышать, но он делал всякие нелепые движения, из-за которых выглядел очень глупо, и разодетым людям на белой сцене он очень нравился, но толпа на площади только смеялась, и Аврора чувствовала себя дурочкой, что испугалась такого шута.

Прожекторы осветили красную сцену. Рабочие энергичным шагом выходили с фабрик.

— Видно, что танцоры, — сказал папа по-английски.

Некоторые принялись в такт музыке стучать по наковальням. В скрещенных прожекторных лучах поднялся красный флаг, и другие рабочие собрались вокруг него, как замерзшие люди у костра. Мелодия изменилась, Аврора узнала песню, которую каждый день пели в школе, — «Интернационал». Она становилась громче, прожекторы светили ярче и ярче, и скоро уже пели все, даже толпа. Вышел Ленин, и все так его приветствовали, что представление на несколько минут остановилось. Он обратился к рабочим, а те взяли алые красногвардейские знамена и стали величаво махать ими в свете прожекторов. Они прошли по мосту и сразились с белыми на арке

над оркестром. Белая армия была разом устрашающей и комической: она состояла из казаков, Дикой дивизии, немцев в касках с пиками на макушке и женских батальонов смерти. Керенский продолжал говорить, убеждая аристократов не обращать внимания на красногвардейцев, но тут красногвардейцы выстрелили из ружей, и все белые разбежались, уволакивая мешки с деньгами, драгоценности и столовое серебро. Наступила неразбериха. Телеграф, видимо, захлебывался. Из одной части площади выехал грузовик с солдатами, которые все выставили штыки, из другой — казацкая конница. По трамвайным путям, паля из орудий, прогрохотал фанерный бронепоезд. Пролетарские женщины притащили веревками орудия, и те начали производить очень громкий шум. Керенского защищали женщины, потом разбежались и они. Людей в толпе это насмешило. Он залез в автомобиль с американским флагом, проехал в проходе между зрителями, выскочил у основания колонны и направился прямиком в Зимний дворец. Некоторое время никто не знал, куда смотреть. Аврора слегка осоловела. Но тут оказалось, что красногвардейцы везде победили и бегут к Зимнему дворцу: казаки, и Дикая дивизия, и женские батальоны

смерти, и рабочие слились в одну великую Красную армию. Лучи прожекторов скользили по ней взад-вперед. Но один прожектор неуклонно следовал за человеком, который шагал посередине пустого прохода, его лысая голова блестела в луче света: Ленин. Он поднялся по ступеням в Зимний дворец. Бесчисленные дворцовые окна зажглись, и стало видно, что внутри идет бой. Черные силуэты разыгрывали множество сцен — грабеж, кулачные драки, погони, закалывание штыком, самоубийство, трусость, капитуляцию. Силуэт мужчины схватил силуэт женщины, она отбивалась. Когда каждая маленькая драма заканчивалась, окно загоралось красным. Весь дворец был озарен белым ореолом, и папа сказал, это прожекторы «Авроры» сразу за зданием. А когда последнее окно Зимнего дворца зажглось красным, «Аврора» направила прожекторы в небо, и все увидели, как поднимается, трепеща на ветру, исполинский красный флаг. Музыка и пение стали очень громкими, у Авроры слипались глаза. Люди впереди смеялись над чем-то ей невидимым. «Аврора» дала залп из всех своих орудий; Аврора завопила в грохочущий вал и заткнула уши. Со всех батарей вокруг всей площади взмыли фейерверки, Аврора подняла взгляд

к рвущемуся шторму красного света. Когда все кончилось, еще минуту с темного неба сыпались черные ошметки. Аврора вздрогнула, когда один упал ей за шиворот. Кто-то сзади поднял воротник ее пальто. Она обернулась и увидела *тетю*.

— Теперь я буду Авророй, — сказала Аврора, но папа не услышал.

Она заснула у папы на руках раньше, чем они добрались до коммуналки.

После «Штурма Зимнего дворца» тетя обратно не уехала. До Авроры постепенно дошло, что *Тетя* с Вероникой так и задумывали и что остальные женщины в коммуналке догадались обо всем с самого начала. Тетя сидела в мягком кресле, которое выписала из деревни, и вышивала, улучшая нашивки на Вероникиной форме, добавляя пулемету на рукаве крошечные подробности. Вероника не одобряла кресло и называла его мещанским, но говорила, что старухе можно. Иногда, когда Вероника уходила, Тетя угощала Аврору чаем и разрешала ей посидеть в кресле.

Тетя вставала рано утром и вела Аврору к трамваю, а когда вечером Гриша привозил ее домой, ждала на остановке. В начале каждой недели папа давал Тете кулечек чая или иногда конверт, и та передавала их Грише. Некоторым мужчинам в

коммуналке это не нравилось, они говорили, что это буржуйство, а Гриша — спекулянт, но папа отвечал, что он, папа, делает важную работу для революции, а Гриша ему помогает.

Иногда Аврора опаздывала в школу из-за всех этих долгих разговоров, которые Гриша вел с другими пассажирами. Некоторые платили за проезд деньгами, но другие приносили чай, шоколад, сигареты, золоченые рамы для картин, царистские медальоны, модели кораблей, меха, настольные лампы, ложки. Когда похолодало, они начали приносить топливо: ножки от стульев, связки дранки, с которой еще свисала штукатурка, дверные наличники, хворост. Все это сваливали на задней площадке трамвая.

С некоторыми людьми Гриша вообще предпочел бы не разговаривать. Он готов был на что угодно, чтобы с ними не встретиться, но иногда они свистели в свистки, заходили в трамвай и требовали денег, чая или что еще у него было. Аврора спросила, милиционеры ли это. Гриша ответил, что не совсем или смотря что понимать под этим словом.

Грязь на улице стала густая, как остывшая каша, потом твердая, как камень, колеи на улице покрылись льдом, который на заре блестел розо-

вым, словно на старую кожаную обивку плеснули краской. Окна трамвая запотевали. Теперь делом Дон было стоять рядом с Гришей и вытирать стекло тряпкой, чтобы он видел стрелки и замечал пассажиров и людей со свистками.

Пошел снег. Теперь, когда они играли в разверстку и тайники белых находили, наказанием был расстрел снежками. Раз Дон «расстреляли», и она, лежа на снегу, стала возить руками и ногами. Лида подошла спросить, что с ней, и Дон ответила, что стала ангелом. Она поднялась и показала юбку и крылья ангела, которые сделала на снегу. Лида чуточку улыбнулась, но велела ей никогда больше не говорить про ангелов, потому что это буржуазное суеверие, поповские выдумки и опиум для народа.

Выпал глубокий снег, и прятать желуди стало легче. Красные злились и размахивали руками, как шутовские белые во время штурма. Андрей увидел, как Лида над ним смеется, и сказал, что будет допрос. Он повалил Лиду в сугроб, сел сверху и щекотал ее, пока она не сказала, где желуди — много. Они с Авророй их вместе закопали, это был их секрет. Аврору замутило и чуть не вырвало, пока она гадала, каким будет наказание. Но ее и других малышей наказывать не стали. Все

отвернулись, на маленьких никто не смотрел. Лида в наказание должна была присягнуть на верность революционному рабкому и поцеловать Андрея.

Больше Аврора в эту игру не играла — там главным стали допросы и поцелуи. Малышей играть не звали. Некоторым старшим девочкам не нравилась игра, они не хотели все время быть белыми и чтобы их допрашивали, а одна у всех на глазах ударила мальчика и обозвала казаком. Аврора вспомнила слова Вероники о мужчинах, которые хватают и тащат. Она предложила другую игру, где девочки были пулеметчицами, а мальчики казаками. Один день игра была очень популярна, но больше в нее не играли, хотя Аврора и предлагала.

Время отсчитывалось медленным продвижением флажков и ниток на школьных картах — фронтов, где Красная армия теснила оставшихся белых. Революционное государство рабочих и крестьян расширялось на Кавказ, в Сибирь, на Дальний Восток. Вероника уезжала на недели, иногда на месяцы.

Она вернулась на похороны Тети и потом отдала Авроре медальон, который Тетя просила ей передать. Снаружи был выгравирован герб,

который Аврора знала, поскольку видела его на воротах всякий раз, как заходила к папе на работу. Это был герб Смольного института благородных девиц — бывшего пансиона, который теперь стал штабом мировой пролетарской революции. Если медальон открыть, то с одной стороны был крест (особой православной формы, с косой перекладиной снизу, означающей подъем из рая в ад), а с другой — профиль молодой женщины, вырезанный из розовато-оранжевого камня цвета зимней зари.

На Украине все относительно успокоилось, и папа решил, что уже может поехать туда и разыскать двоюродных братьев или хотя бы похоронить их, если не застанет в живых. Папа родился там, а в Пенсильванию эмигрировал, когда ему было четырнадцать. Он думал обернуться недели за две, но Аврора не видела его много месяцев.

Мужчины за столом в присутствии Авроры умолкали. Итальянец Антонио как-то утром проводил ее до трамвая и спросил про школу: рассказывала ли она учителям или другим детям про отца и чем он занимается, или кто его знакомые, или что он говорил за столом, или про других людей в коммуналке. Тон у него был как у взрослого,

который объясняет ребенку, откуда берутся дети. Но Аврора видела, как ежедневный поток газет сократился до одной-единственной «Правды», и от других детей в школе усвоила привычку очень тщательно думать, что и кому говорит, особенно после того, как одна учительница безо всяких объяснений исчезла, а другие обличили ее в одних и тех же словах и выражениях.

— Нет, — сказала Аврора. — Я ничего не говорю.

— Хорошо, — ответил Антонио.

Через неделю он исчез. Все предполагали худшее, пока он не прислал им открытку из Рима.

По ночам слышалась стрельба — не только револьверная, но и пулеметная. Лежа без сна, Аврора чувствовала тот же смутный страх, как тогда, в трамвае, когда Гриша упомянул голод. Однако Вероника вернулась с фронта и, немного послушав выстрелы — лицо у нее при этом было отрешенное, как у врача со стетоскопом, — сказала, что это точно не настоящие бои. Что-то вроде штурма Зимнего дворца, объяснила она, затем, почувствовав, что некоторые женщины не спят, добавила:

— Во время Великой Октябрьской социалистической революции семнадцатого года.

Чекисты — это они стреляли по ночам — устраивали облавы то в одном районе, то в другом, и по утрам дети в школе сравнивали, кто что слышал. Некоторые не только слышали, но и видели, и они ничего не рассказывали. Аврора не понимала почему, пока однажды утром чекисты не нагрянули в ее район.

Они постреливали с полуночи, не все время, но равно с такой частотой, что спать было невозможно. Затем, перед самым рассветом, они проехали по улице на открытом грузовике, паля в воздух из пистолетов. Почти все женщины легли на пол, только Вероника встала, подошла к окну и отдернула занавески. Одна женщина закричала на нее, но Вероника обернулась с выражением, которое Аврора запомнила на всю жизнь, и сказала:

— Если бы мы нужны были им мертвыми…

Аврора подбежала к окну, укрылась полами Вероникиной шинели и выглянула наружу. Грузовик уже проехал мимо, но на маленькой скорости. В кузове, широко расставив ноги, стояли мужчины в длинных черных плащах; вид у них был как у старых памятников царям. Грузовик двигался к перекрестку, на котором Аврора каждое утро ждала трамвай. За ним ехали автомобили, так медленно, что чекисты могли

выходить из них прямо на ходу и занимать позиции вдоль улицы.

— Ты в школу опоздаешь, — предрекла Вероника.

Они открыли банку селедки и позавтракали. Все было тихо, и на улице, и в коммуналке, где люди сидели подле окон.

— Все потому, что товарищ Ленин болеет, — сказал один из мужчин. — Когда он выздоровеет…

Другой, покосившись на Аврору, велел ему заткнуться.

— Да все же знают! — воскликнул первый, но тут на него зашикали уже хором.

Народ потянулся к окнам. Аврора скользнула следом за Вероникой. В последний момент мужчина, косившийся на нее, заметил, что она тоже идет, выставил руку и крикнул: «Нет!»

Аврора поднырнула под простыню на женскую сторону. К окнам было не пробиться. Она пошла в уборную, заперлась, встала на унитаз и распахнула крошечное закрашенное окошко, через которое уборную проветривали. Грузовик проезжал прямо под ней. По углам кузова стояли четыре чекиста с пистолетами-пулеметами. Сам кузов был забит людьми, упакованными, как сардины в банке, так что ноги одного ряда упирались

в головы другого. Все лежали лицом вниз, руки у них были скручены проволокой за спиной.

Холодный ветер задувал в окошко. Оно было такого размера, что обрамляло голову и плечи Авроры, будто на камее в Тетином медальоне. Над притихшей мостовой плыли несколько снежинок, словно предвестие метели. Все другие окна на улице были закрыты. Аврора знала, что за ними люди, сотни смотрящих глаз, но лишь ее лицо оставалось на виду. Чекисты с ближайшего борта грузовика повернулись в ее сторону, и ей почудилось, будто их взгляды освещают ее, как лучи прожекторов освещали актеров во время штурма. Она даже ощутила их тепло, потому что кровь прилила к щекам.

Один из чекистов узнал ее, а она — его. По суровому мужскому лицу расплылась радостная улыбка.

— Аврора Максимовна! — крикнул он и весело помахал ей, отняв руку от пистолета-пулемета.

Она уже собиралась ответить — привычка к вежливости пересилила всякое благоразумие, — когда один из арестантов резко приподнял голову над досками кузова. Два голубых глаза, обведенные белым, смотрели с лица, превращенного в красное месиво, — его было бы не узнать, если

бы не длинные усы с сосульками свернувшейся крови на концах. И тут же, повинуясь инстинктивному стыду или жалости, голубые глаза закрылись. Гриша ударился лбом о доски и зарылся лицом между ногами лежащего впереди человека.

Аврора не была уверена, что правда его видела. Ее взгляд вернулся к молодому чекисту. Тот по-прежнему улыбался, но выглядел обескураженным.

— Это я! — крикнул он.

— Доброе утро, Андрей Сергеевич! — крикнула в ответ Аврора.

3. Магнитогорск. Январь 1934 г

Она рассказывала свою историю частями и обрывками несколько дней. В основном Шаймату, поскольку чаще всего ела именно с ним.

Он правильно сказал, что в инженерской столовой ей давали бы порции побольше. Когда есть хотелось очень сильно, Аврора туда захаживала. Но там все разговоры велись по-английски. Она всегда оказывалась за одним столом с инженером Оверстритом, как его тут называли. И Боб Оверстрит достаточно знал про Аврору, чтобы не выпытывать подробности. Однако другие иностранцы были так же любопытны, как Шаймат. И порой бесконечные словесные прощупывания явно имели целью пощупать ее уже не словесно. Даже если бы Аврора находила этих немолодых управленцев среднего звена привлекательными, она избегала бы их так же тщательно, как береглась от вшей. И не потому, что боялась забеременеть. Врачи в Северной Дакоте сказали ей, что она никогда больше не забеременеет. Дело было в другом. А вот в столовой № 30, при всей скудости тамошнего питания, татарин Шаймат

нашел способ осторожно и ненавязчиво показать, что она ему в этом смысле неинтересна. Он постоянно говорил про свою сестренку в Акъяре, ровесницу Авроры, и та вполне поняла намек.

Однако мимо проходили другие, зажав культяпками пальцев талоны на еду, и порой, когда какое-нибудь Аврорино слово или фраза их интриговали, садились и слушали. Аврора ничего не имела против. Разумеется, она возбуждала их любопытство. Это совершенно естественно. Лучше иногда хлебать с ними суп, заедая хлебом, и откровенничать про свое прошлое, чем вести себя так, будто ей есть что скрывать.

Что скрывать ей, конечно, было. Но за время плавания через Тихий океан и поездку по железной дороге через Сибирь Аврора перебрала все в голове и теперь могла рассказывать о себе непротиворечивую историю. Никто здесь не опровергнет ее версию, если не подключит все ресурсы ОГПУ, чтобы откопать рассеянные по половине Америки газетные вырезки и полицейские отчеты.

Шаймат, обычно тщательно следивший за тем, чтобы не коснуться Авроры, пинал ее под столом. Поскольку пинал он ее валенком из войлока толщиной в сантиметр, она поначалу ничего не

заметила. А когда очнулась и вскинула голову, уткнулась взглядом в пристальные голубые глаза Тищенко. Агитатора. И он явно был в ажитации.

— Многие товарищи нашли вашу историю очень увлекательной, — сказал Тищенко. Он говорил четко и чуть замедленно, чтобы за ним успевала стенографистка.

Можно было не сомневаться, что сливки советских стенографисток разобрали важные министерства в Москве и Ленинграде. Девица, занимающая эту должность в особом отделе домны № 4 Магнитогорска, вряд ли выиграла много конкурсов и собрала много призов. К тому же пальцы у нее мерзли: в конторе особого отдела топили лучше, чем в других местах, но все равно изо рта шел пар. То, за чем сидел Тищенко, не заслуживало называться письменным столом и наверняка в ближайшую же холодную ночь должно было пойти на дрова. Однако агитатор обладает большей видимой властью, когда сидит перед разложенными бумагами, чем когда расхаживает под открытым небом и орет на людей. Стенографистка, девушка чуть старше Авроры, являла собой кокон одеял и платков, из которого сверху вырывалось морозное дыхание, а примерно посередине торчали две маленькие

красные руки — одна держала блокнот, а другая трехсантиметровым огрызком карандаша писала стенографические значки.

— Насколько я понимаю, — продолжал Тищенко, когда карандаш замер, — началось с того, что товарищ Шаймат поинтересовался, отчего вы так хорошо говорите по-русски.

— Да, именно так, — ответила Аврора.

— Возможно, он не знал, что вы работаете переводчицей при инженере Оверстрите — по крайней мере, когда не вызываетесь помогать ударной бригаде в два часа ночи.

По тону Тищенко Аврора поняла, что он нашел ее поступок странным. Очень странным и потому подозрительным.

Аврора отлично знала, что рано или поздно вызовет подозрения и ей станут задавать вопросы, и даже удивлялась, отчего это произошло только сейчас. Как-никак, она пробыла тут несколько недель. И все равно от сознания, что это происходит в настоящую минуту, у нее побежали мурашки.

Однако *все* рано или поздно попадают под подозрение и вынуждены отвечать на вопросы. А как же иначе, если Советский Союз зажат кольцом непримиримых врагов и враги эти не только

снаружи, но и внутри? Это, получается, что-то вроде медосмотра. Врачи задают определенные вопросы, берут анализы, чтобы убедиться — все порядке. Проверяют *всех*. Не только больных. Ее мать не показывала врачам родинку на голове, пока не стало слишком поздно, и чем все закончилось?

В каждом подразделении обширного магнитогорского аппарата был такой же особый отдел. Все знали, что работа особистов — быть глазами и ушами ОГПУ, которое многие по старой памяти называли ЧеКа. Аврора успокаивала себя мыслью, что это как медсестра в школе — не врач как таковой и не сидит в больнице или даже в поликлинике. Просто представительница медицинской профессии, которая знает довольно, чтобы вовремя распознать опасность. Вероятно, всем время от времени приходится давать объяснения таким, как Тищенко. Очевидно, он говорил с Шайматом и, вероятно, с кем-то еще.

— Если бы он знал, что вы переводчица, и если бы мог прочесть часть в высшей степени хвалебных отчетов о вашей профессиональной деятельности, которые видел я, — продолжал Тищенко, мягко кладя руку в перчатке на аккуратную стопку документов, — он, возможно,

задал бы другой вопрос. А именно, откуда у вас такой хороший *английский*? Все уже наслышаны, что вы попали в Россию совсем ребенком, еще толком не разговаривая, и здесь выросли. Немудрено, что вы освоили русский как родной. Но где за эти годы вы так выучили английский?

— Возможно, товарищ Тищенко, вопрос отчасти прояснится, если я позволю себе маленькую поправку.

— Конечно-конечно! — выпалил Тищенко.

— Я родилась в Америке в начале тысяча девятьсот шестнадцатого. Моя мать привезла меня в Петроград четырьмя годами позже. Я уже говорила по-английски, как всякий нормальный американский четырехлетка.

— Шестнадцатого, вы сказали?

— Да.

— Но только в семнадцатом, во время Февральской буржуазно-демократической революции, команда крейсера «Аврора» подняла мятеж и перешла на сторону рабоче-крестьянской революции. — Теперь он был в своей стихии, сыпал революционными познаниями.

— Да.

— Все полагали, что вас назвали в честь прославленного крейсера, а следовательно, вы

родились после февраля семнадцатого.

— Можно сказать, это наполовину правда. Когда я родилась — в шестнадцатом году в Монтане, — мама назвала меня Дон. — Она сказала свое имя по-английски.

— Дон? Как река?

Аврора для стенографистки произнесла свое имя по буквам.

— Это английское слово, означающее рассвет. Как здешнее «заря». И, как Заря, оно тоже может быть женским именем.

— Ясно.

— Но когда мама привезла меня в Петроград, мне захотели дать русское имя. Заря вполне сгодилось бы, но поскольку революция была еще свежа у всех в памяти, то выбрали Аврору. Так что в определенном смысле меня назвали в честь крейсера, но родилась я до того, как он прославился.

Наступила долгая пауза — и не только для того, чтобы стенографистка успела все записать. Аврора заподозрила, что вывалила больше новой информации, чем товарищ Тищенко привык переваривать за неделю.

— Нам придется внести изменения в ваше личное дело, — сказал он. — Итак, вам восемнадцать,

а не шестнадцать, как мы думали.

— Да, через несколько недель мне исполнится восемнадцать.

— И где-то в Монтане есть в архиве запись о вашем рождении, в которой стоит имя Дон.

— Надо полагать.

— Дон Артемьевой?

Артемьев была фамилия ее отца.

— Бьорнберг. Девичья фамилия моей матери.

Тищенко поднял брови.

— Сложные обстоятельства, — сказала Аврора. — В свидетельстве о рождении меня записали как Дон Рэй Бьорнберг.

— Итак, вы говорите мне, что у вас две совершенно разные юридические личности. Два комплекта документов. Дон Рэй Бьорнберг, американка из Монтаны, и Аврора Максимовна Артемьева, русская из Ленинграда.

— В каком-то смысле.

— Что вы хотите сказать?! — вопросил Тищенко. У Авроры создалось впечатление, что досадует он не столько из-за крутых зигзагов ее истории, сколько из-за объема предстоящей ему писанины.

— Дон мертва.

— Что?!

— Я ее убила. Чтобы приехать сюда. Начать с чистого листа.

Наступившая долгая пауза заставила Аврору усомниться, действительно ли она говорит по-русски так хорошо, как уверяют хвалебные рапорты под перчаткой Тищенко. Она как-то неправильно выразилась? Аврора подняла руки, изображая, что палит из «томми».

— Дон Рэй Бьорнберг погибла в перестрелке с полицией. Неудавшаяся попытка банковского ограбления в Форт-Сиклсе, штат Северная Дакота. Ее тело сгорело в начавшемся затем пожаре.

Тищенко по-прежнему сидел с открытым ртом, демонстрируя провалы в деснах там, где магнитогорские дантисты применили единственную известную им терапевтическую процедуру.

— Вы знаете про Бонни и Клайда? — спросила Аврора.

— Да! — воскликнула стенографистка, сильно изумив и Аврору, и Тищенко. Затем выставила огрызок карандаша, изображая стрельбу из «томми».

Тищенко, надо полагать, никогда про Бонни и Клайда не слышал. Лицо его побагровело. Он решил, что Аврора со стенографисткой слегка над ним издеваются.

— К «смерти» Дон Рэй Бьорнберг мы еще вернемся, — объявил он. — Мне важнее сейчас разобраться с вашими ранними годами и необычным знанием обоих языков. Вы уже удовлетворительно объяснили, отчего так хорошо владеете *русским*. Но, по вашим словам, из Америки вас увезли в четыре года. В таком возрасте вы не могли очень хорошо владеть *английским*. Однако по некоторым сведениям, — он скосил глаза на другой документ, — в «Американском городке» многим кажется, что вы родились и росли в Америке.

— Мать говорила со мной по-английски все время, что жила в Петрограде.

— Но ведь она развелась с вашим отцом и вернулась в Соединенные Штаты в середине тысяча девятьсот двадцать первого. — Еще документ. Либо Тищенко дотошнее любого агитатора, либо кто-то снабдил его этими материалами, что больше похоже на правду. — Вам было всего пять.

— Да, верно, три года я слышала мало английского и редко на нем говорила. Но потом… — Аврора скользнула любопытным взглядом по самодельному столу, — как вам, возможно, известно, моего отца отправили в Америку, чтобы и дальше организовывать тамошних рабочих.

Тищенко кивнул:

— Вы оба доехали по Транссибирской железной дороге до Владивостока, а оттуда грузовым пароходом в Сиэтл.

— Все правильно.

— Помимо этого мало что известно о передвижениях вашего отца до событий лета тысяча девятьсот тридцать второго года в Вашингтоне, округ Колумбия, — восемь лет спустя и на другой стороне континента! Он жил в Чикаго?

— Да.

— И вы жили там с ним.

— Нет.

— Нет?! Вам было всего восемь лет, кто…

— Моя мать. И ее родня.

— Они организовывали рабочих на американском Западе, — уверенно сказал Тищенко.

Теперь наступил черед Авроры застыть с открытым ртом, полным совершенно целых зубов.

— Или… — неуверенно начал Тищенко.

В такие минуты Аврора получала непрошеное подтверждение тому, как действует ее лицо на мужчин. Она сделала себе мысленную пометку.

— Это из отчета моего отца?

Она явственно видела эту сцену: Максим Артемьев выступает перед целой комнатой тео-

ретиков большевизма, пытаясь в понятных им выражениях объяснить, на что тратил свое время и их деньги в Бьютте, Спокане, Теллурайде, Такоме и тому подобных местах. Разумеется, он сказал «организовывал рабочих». Хотя больше это походило на массовые беспорядки и линчевания.

— Здесь проходит черта, — сказала она. — Чикаго посередине. Восточнее — большие города, заводы, металлургические комбинаты. Рабочая сила, недавно приехавшая из Европы. Этих людей, да, можно организовать. Они получают приказы от Коминтерна в Москве и… — Аврора отсалютовала, — так начинал мой отец. До войны. Но к западу от Чикаго все иначе. Ранчо, рудники, лесозаготовки, рыбачьи суденышки. Такая у тамошних людей работа. Они другие. Они… — мгновение она думала, как растолковать это Тищенко, — казаки. И даже когда они участвуют в революционной борьбе, они делают это по-анархистски. Ничьих приказов не слушают. Моя мать была из таких. С отцом они познакомились, когда он был на Западе, пытался вызволить нескольких женщин из тюрьмы в Спокане.

Она решила опустить некоторые детали, в частности, как их вынуждали заниматься проституцией.

— До войны, — сказал Тищенко. — До того, как его призвали в американскую армию.

— Да. Его несколько раз на короткое время сажали в тюрьму, а потом отправили в окопы, надеясь, что там немцы его прикончат.

— Ладно. Но вернемся к вашей истории. Вы говорите, что с двадцать четвертого по тридцать второй год жили среди «казацких» родственников вашей матери?

— Да. В Восточной Монтане и Вайоминге.

— И что они там делали? Сеяли анархию? Пасли скот?

— Грабили банки. Играли в поло.

— Что?!

— Так я и научилась играть в поло.

4. Сиэтл. 1924 г

Они поселились возле рынка на Пайк-плейс — в квартале, который папа упорно называл «рабочим поселком», но его друзья-рыбаки определили как клоповники. Папу район устраивал, потому что тут удобно было поддерживать контакт с товарищами по движению, по большей части портовыми рабочими. Дон район устраивал, потому что рынок на Пайк-плейс — лучшее в мире место, чтобы бегать от инспекторов по делам несовершеннолетних. Она узнала все его закоулки и укрытия, нарушая закон, по которому девочка ее возраста должна ходить в школу. Как-то она спряталась под прилавком, на котором потрошили палтуса размером с корову. Две женщины общались между собой по-русски. В итоге завязался разговор, и женщины заметили ее медальон. Не успела Дон опомниться, как бегство из школы обернулось приводом в церковь — чистенькую православную церковку с куполами-луковками, прилепившуюся у подножия крутого холма. Прошли с блюдом для пожертвований. Один дядечка искал мелочь и уронил на

пол цент. Когда служба закончилась, Дон от имени Красного Интернационала реквизировала эту избыточную частную собственность и отнесла на почту, где купила открытку и попросила на время карандаш. Этим карандашом она по-детски непоследовательно изложила последние события и отправила открытку маме в Монтану.

Через несколько недель папа и Дон сели на поезд в Чикаго. Железная дорога шла вдоль моря через Эверетт, и папа показал место, где пять мучеников революции — француз, швед, ирландец, немец и еврей — были застрелены полицией и ее прихвостнями[3]. Дальше поезд повернул от моря и через высокий заснеженный хребет въехал в ночь. Утро приветствовало их в степи, которая со временем уступила место следующим горам.

По большей части в вагоне ехали буржуи. Для Дон это было увлекательно, как пойти в зоопарк, но папа вздыхал и вспоминал, как в старые дни, организуя рабочих, путешествовал по западу на товарняках. Всякий раз, как они проезжали мимо стоящего на запасном пути товарного состава,

---

[3] Сноски: 3

Пятого ноября 1916 г. в городе Эверетт произошло столкновение между полицией и членами ИРМ, приехавшими поддержать местных забастовщиков. В перестрелке были убиты по меньшей мере пять ирэмовцев и двое горожан из числа добровольных помощников полиции.

папа заглядывал в темные окошки, гадая, сколько воинов великой армии пролетариата за ними варят бобы на спиртовке и распевают песни про Джо Хилла. Однако товарищ Зиновьев не для того отправил его в такую даль и доверил ему столько денег, чтобы он таскал дочь в товарняках, как бродяга.

Некоторые пассажиры, впрочем, были попроще. Один из них, загорелый верзила в джинсах, пахнущий лошадьми, долго не мог выбрать себе место и два-три раза прошел через весь поезд, прежде чем наконец сел в конце их вагона. В руках у него была великанская шляпа, а за плечом — протертая почти до полной негодности седельная сума. Некоторое время он притворялся, будто читает оставленную кем-то газету, потом бросил ее и приник взглядом к окну, теребя концы огромных усов. Поезд спускался с восточного склона Скалистых гор, так что взгляду было где разгуляться.

Папа пошел в туалет в конце вагона. Усатый встал, проковылял следом, подергал дверь туалета и, обнаружив, что она заперта, остался караулить. Когда папа вышел, они перекинулись парой слов, потом ушли в промежуток между вагонами и оставались там некоторое время.

Дон догадывалась, что папа рад побеседовать с настоящим пролетарием, однако, когда он вернулся в вагон, лицо у него было совсем не веселое. Ковбой (до нее наконец дошло, что верзила — это ковбой) прошел за папой и сел рядом с ним, напротив Дон.

— Собирай вещи, солнышко, — сказал папа. Ему пришлось повысить голос, потому что паровоз вдруг засвистел. Видимо, кто-то вылез на пути — скорее всего, коровы, потому что никакой станции видно не было.

— Мы еще увидимся, — добавил папа по-русски.

— Я что по этому поводу говорил? — вкрадчиво произнес верзила.

— Все хорошо, — ответил папа по-английски.

Поезд затормозил так резко, что по всему вагону попадали люди и вещи. За окном была широкая степь, нарушаемая там и сям каменными останцами и темно-зеленым лесом. Ковбой вскочил, нахлобучил шляпу и шагнул между папой и Дон, чтобы открыть окно. В поезд ворвался пахнущий полынью воздух. Дон запамятовала, что позабыла этот запах, но теперь вспомнила, что помнит его. Слышался топот скачущих во весь опор лошадей. Папа извернулся так, чтобы заглянуть Дон в гла-

за, и шепнул по-русски: «Я тебя люблю». Ковбой сунул руку в седельную суму и вытащил револьвер. «Извините», — сказал он, взводя затвор. У папы расширились глаза — он думал, его сейчас расстреляют за слова на русском, — но ковбой выставил ствол в окно и один раз пальнул в воздух. По вагону поплыл пороховой дым. Грохот копыт приближался.

Дон выглянула в окно и увидела — ковбои! Их было четверо плюс две оседланные лошади.

Нет, там было трое ковбоев и одна ковбойка.

Ковбойка спрыгнула с лошади, ее длинные рыжие волосы взметнулись пелериной. Она взбежала по ступенькам в вагон.

— По причинам полицейского характера, — начал ковбой, — желательно, чтобы ты при свидетелях достаточно громко обратилась к ней…

— Мама! — завопила Дон, с вытянутыми руками бросаясь в проход. Перед глазами все туманилось от слез.

— Годится, — сказал ковбой.

— Вот ты и дома, Дон Рэй, — прошептала мама ей в ухо.

5. Магнитогорск. Январь 1934 г

Как-то январским утром за завтраком в «Американском городке» Аврора получила официального вида машинописное уведомление, что на сегодняшнее утро ее освобождают от обязанностей переводчицы и просят для чего-то зайти в лазарет. Пренебрегать указаниями явно не стоило, поскольку ею интересовался товарищ Тищенко, а следовательно, надо думать, и ОГПУ. Поэтому Аврора вышла из Березок — коттеджного поселка, где жили западные инженеры и высокопоставленные советские чиновники. Она обогнула ИТК — тюрьму под открытым небом — и зашагала по ровной местности шириной километра два между горой Магнитной слева и рядом коксовых печей и домен справа. Это называлось Пятый участок. Поселок, созданный здесь на время, пока возводится новый Социалистический город, медленно, но верно превращался в настоящий и постоянный Магнитогорск. Десятки тысяч рабочих жили тут в длинных дощатых бараках без номеров, настолько неотличимых, что усталые металлурги вечно плутали в нескольких

метрах от своих коек. У Авроры было смутное представление, что медсанчасть — ряд точно таких же бараков — расположена в юго-восточном углу, рядом с большими машинами, в которых дробят и просеивают руду из развороченной горы. Так что она шла по солнцу и неподвижным ориентирам вроде домен и рудника.

— Разрешите помочь, товарищ Аврора?

Человек, который сейчас с ней заговорил, некоторое время хрустел снегом позади, а когда она остановилась, гадая, куда идти дальше, вторгся в поле ее периферического зрения. Аврора машинально отвела взгляд. Было минус тридцать. Она смотрела в своего рода орудийную щель между шарфами и ушанкой. Такой стиль порождал странное отклонение от обычного этикета, принятого между мужчинами, которым нравится смотреть на женщин, и женщинами, которые хотят, чтобы на них смотрели лишь определенным образом. Здесь мужчина не увидит ничего, если не встанет прямо перед вами и не заглянет в щель овчинно-шерстяного бункера, сохраняющего вам жизнь. Однако этот мужчина как-то ее узнал.

Аврора глянула на него. Это был Физматов. Соблюдая уважительную дистанцию, он изобразил легкий намек на поклон — буржуазный

пережиток, который не сулил ему досрочного освобождения.

— Я подумал, это вы! — воскликнул он. — Заметил, как вы проходили мимо, когда меня выпускали из ворот. (Аврора поняла, что имелись в виду ворота исправительно-трудовой колонии.) О, пожалуйста, не думайте, будто я вас преследовал. Просто нам, судя по всему, в одну сторону.

— Куда вы идете?

— В Магнитогорский горно-металлургический институт, как всегда. А вы?

— В медсанчасть.

— Это практически соседние здания. Можно вас проводить? Почту за честь.

Никто так не разговаривал. Где он набрался подобных манер? В Париже во время учебы? Аврора кивнула и улыбнулась. Рта ее он видеть не мог, но она надеялась, что улыбка будет видна по глазам. Рукой в варежке Физматов указал, куда им идти, и зашагал рядом с Авророй.

— Надеюсь, все в порядке? — спросил он.

— Вы о том, зачем я иду в лазарет? Наверное, просто стандартный медосмотр. Вы знаете здешнюю бюрократию.

Он никак не выразил согласия, просто некоторое время шел рядом с ней, погруженный в

мысли о том, о чем там размышляют доктора металлургических наук.

— А что за фамилия Физматов? — спросила Аврора. Ей казалось нелепым, что он нагнал ее, предложил проводить, а теперь молчит. — Украинская?

Она предположила так, поскольку слышала его акцент.

— Полностью выдуманная! — ответил он, насмешливо, но беззлобно. — Уж вы-то с вашими лингвистическими познаниями могли бы ее разгадать!

— Теперь я чувствую себя дурочкой! Боюсь, она ничего мне не говорит.

— Физика и математика, — ответил он. — Физмат. Физматов. Теперь поняли?

— Вы назвали себя в честь физики и математики?

Он пожал плечами:

— Вы наверняка знаете, что была после революции такая мода. Люди отбрасывали старые буржуазные фамилии, брали новые. Называли детей в честь того, что находили вдохновляющим в новом мире. У моей прежней фамилии были реакционные ассоциации, особенно заметные в Киеве, так что я переназвал нашу семью в честь

института, в котором работал.

Аврора уже знала, что он разведен, бывшая жена живет в Москве.

— Семью, — повторила она. — У вас есть дети?

— Да, два мальчика.

— И вы дали им вдохновляющие имена?

— Конечно! Протон и Электрон. — Физматов остановился на следующем перекрестке и повернулся к Авроре, чтобы насладиться ее смехом.

— Вы назвали сыновей в честь элементарных частиц!

Его заиндевелые брови поползли вверх.

— О, вы знаете физику! Вы очень образованны.

— Я встречалась в Чикаго с молодым человеком, который рассказывал о таком без умолку.

— Что ж, — сказал Физматов, — здесь наши пути разойдутся. Институт там, а медсанчасть сразу направо.

Рука в варежке вымахнула на миг из кармана, обозначая направление.

— Спасибо, товарищ Физика и Математика.

— Не за что, товарищ Крейсер. — Он сделал шаг, но тут же обернулся. Глаза его были серьезны. — Я позже зайду проверю, как вы.

— О, я же сказала, что совершенно здорова! Просто стандартный медосмотр или что-то в

таком роде.

Он глянул на нее, будто принимая сознательное решение ничего не говорить. Потом вновь отвесил легкий поклон и зашагал прочь.

В медсанчасти Аврору, едва взглянув на машинописное предписание, отправили в кабинет — с несоветской оперативностью, которая могла бы возбудить у нее подозрения. Однако у Авроры была способность — не всегда полезная — рассказывать себе истории о том, что происходит. История, которую она рассказала себе в кабинете, дожидаясь врача, состояла в следующем: поскольку она сообщила Тищенко о двух своих юридических личностях, решено сделать Аврору Максимовну Артемьеву полноценной советской гражданкой, что подразумевает и определенные обязанности, и определенные права, в том числе право на здравоохранение. Поэтому, естественно, ее отправили на медосмотр, чтобы завести карту.

Ждать пришлось так долго, что она уже подумывала уйти, но всю ее верхнюю одежду забрали на входе. Наконец появилась медсестра, взвесила Аврору и померила ей давление. Позже в кабинет вошла женщина-врач (в СССР были женщины-врачи) и немного поболтала с Авророй, объясняя,

что надо провести стандартный осмотр и взять анализы. Осмотр врач провела, очень тщательный и инвазивный, постоянно диктуя сестре результаты.

Она заметила на руках у Авроры следы от иглы. Они не очень бросались в глаза, так как внутривенные уколы делали профессионалы в относительно гигиенических условиях. И все же разглядеть их было можно.

— Я могу объяснить, — сказала Аврора.

— С интересом прочту ваше объяснение, — ответила докторша.

— Прочтете?

Докторша мыла руки, очевидно собираясь уходить.

— Мне зайти к вам в другой раз или… — начала Аврора.

— Нет-нет, — с официальной улыбочкой бодро ответила докторша. — Мы госпитализируем вас для дальнейшего обследования. Одевайтесь, я отправлю вас в другую клинику.

Ее посадили в скорую — просто металлическую будку без окон на платформе грузовика, со скамьями вдоль бортов и носилками, которые ездили и подпрыгивали на полу посередине. Спереди было узкое окошко, чтобы общаться с

шофером. Через это окошко Аврора видела, как мимо пронеслась сотня бараков Пятого участка, затем наконец показались холмы и новостройки: современные блочные дома Соцгорода. Значит, слева должны быть глинобитные трущобы, прозванные Шанхаем, — место, куда ей категорически не советовали заходить даже днем. Однако видела Аврора лишь то, что прямо впереди. Докторша сказала про другую клинику. Ведь это же более современная больница, которую возводят в новых частях города? Однако скорая проехала строящиеся районы. Показалось Заводское озеро — просто идеальная ровная полоса заснеженного льда, усеянная хибарками рыболовов. Земляная насыпь вела на плотину, по сути — низкую запруду из бетона, в лихорадочной спешке залитого ударными бригадами года два назад, когда весь город состоял из одних палаток. Тем не менее вес грузовика плотина выдержала. На западном берегу повернули вправо и по накатанным в снегу колеям въехали в старый поселок Магнитный, который существовал до того, как Сталин решил возвести за рекой величайший металлургический комбинат мира. К здешним жалким мазанкам добавились бараки, в точности такие же, как на Пятом участке. Перед одним из них

скорая остановилась. В окошко Аврора не видела ничего, кроме старого кладбища на берегу замерзшей реки. Она уже знала, что дверцы будки изнутри не открываются. Через четверть часа она услышала приближающиеся шаги. Лязгнула щеколда, заскрипели петли, дверцы распахнулись, и стали видны двое очень крупных мужчин в овчинных полушубках поверх белой санитарской формы. Они непрошено и бесцеремонно помогли ей вылезти из будки (что Аврора куда лучше сделала бы сама) и, шагая близко с двух сторон, отвели ее ко входу в больницу, мимо регистрационного стола, в другой кабинет. Здесь повторилось все, что происходило в медсанчасти Пятого участка — переодевание в ночную рубашку, ожидание, взвешивание и так далее. Дожидаясь, Аврора приметила, что в здешней больнице много кричат — звуки приглушенно доносились сквозь стены.

И все же, лишь когда ее через зарешеченную дверь втолкнули в палату, полную женщин (все они были в таких же рубашках, как на ней), и заперли дверь, Аврора поняла, что она в психиатрической клинике.

— Объясните следы от уколов у вас на руке, — сказала доктор Стасова, еще одна женщина-врач.

Психиатр. Только через два дня она выкроила время поговорить с Авророй. До этого вопроса ее занимали всего две темы — поло и пистолеты-пулеметы Томпсона, они же «томми».

И то и другое Аврора могла объяснить легко, но теперь разговор перешел на более опасную почву.

— Я была в кризисном состоянии, — сказала она. — Во время выздоровления мне кололи лекарство. Морфий.

— И много! — фыркнула доктор Стасова.

Аврора начинала понимать, что не все психиатры здесь будут слушать ее сочувственно.

— Эти врачи в своих целях хотели меня контролировать.

— Итак, когда эти врачи кололи вам лекарство во время «кризисного состояния», они, по вашим словам, хотели вам навредить? Пытались управлять вашими мыслями?

Аврора вздохнула:

— Вы сами сказали, что морфия мне кололи очень много.

— Зависит от характера кризисного состояния. В некоторых случаях это может быть оправданно.

— Сомневаюсь, что это был такой случай.

— В чем именно он состоял?

— Я забеременела. Из моей матки, по их словам, вышел монстр.

Доктор со стуком положила карандаш на стол и выпрямилась на стуле так резко, что он хрустнул.

После долгого молчания она сказала:

— Я отправлю вас обратно в женскую палату. — Потом подняла взгляд к настенным часам. — Позже я покажу вам кое-что в мужской палате. Все в порядке, для нас это будет безопасно. Затем мы возобновим разговор.

Женская палата была просто длинным помещением с койками вдоль стен. Некоторые женщины выглядели нормальными, другие страдали психическими расстройствами, про которые Аврора ничего не знала, кроме одного: больные имеют тенденцию производить громкие звуки в любое время дня и ночи. Те, кто не производил громких звуков постоянно, вообще вели себя очень тихо и с Авророй не разговаривали. Так что она плохо спала и ни с кем не подружилась.

Мужская палата, как убедилась Аврора часа через два, придя туда с доктором Стасовой, являла собой совершенно другой мир громких звуков и буйства. За тридцать секунд она увидела больше

пенисов, чем за всю жизнь до сего момента, а ей случалось бывать в суровых местах. Ее и докторшу сопровождал дюжий охранник с дубинкой.

В центре прохода посередине палаты стоял деревянный стол, не большой — за ним могли бы сидеть четверо, а если потесниться, то шестеро, — но исключительно массивный. Рядом за передвижным медицинским столиком мужчина в белом халате работал с инструментарием аптекаря. У него были ступка с пестиком, наполненная ярко-желтым порошком, весы с миниатюрными разновесками, различные склянки и пузырьки. Он смешивал в стакане какую-то янтарную жидкость.

Дверь с одной стороны палаты распахнулась, и стремительно вошли два могучих санитара — те самые, что сопровождали Аврору из машины в здание. Они вели человека ростом поменьше, заломив ему руки за спину. Санитары не давали пациенту распрямиться, но он тянул шею, пытаясь глянуть вперед, поэтому видно было, что в рот ему вставлена горизонтально деревяшка размером с сигару, закрепленная кожаным ремешком на затылке. У него были черная с проседью бородка, заросшие щетиной щеки и довольно длинные волосы, как будто прежде он зачесывал их назад

с высокого лба; впрочем, их явно уже некоторое время не касались гребень или щетка. Одет он был в пижамные штаны.

При виде стола пациент уперся босыми ступнями. Санитары рывком оторвали его от пола, а дальше просто тащили — было слышно, как его ноги с тихим скрипом скользят по кафелю. Затем санитары легко подняли его, взгромоздили животом на стол и совершили почти хореографическое па-де-де: каждый, одной рукой продолжая держать заломленную руку пациента, совершил пируэт назад и сел ему на ногу выше колена. Их общий вес составлял килограммов двести пятьдесят. Теперь пациент мог двинуть лишь ногами ниже колена — ими он брыкался изо всех сил. Каждый санитар свободной рукой поймал его щиколотку в сгиб локтя и прижал к себе.

Аптекарь набрал янтарной жидкости в стальной шприц, подошел к столу и сдернул с пациента штаны, обнажив верхнюю часть ягодиц, после чего быстро сделал четыре укола: в каждую ягодицу и под каждую лопатку. Всякий раз он вдавливал поршень на четверть.

Теперь стало понятно назначение кляпа, поскольку пациент, до сей минуты лишь пытавшийся говорить, заорал. Держали его так крепко,

что биться он не мог, поэтому стал молотить лбом о стол, быть может, в надежде потерять сознание.

Вошли две медсестры — коренастые женщины, в которых Аврора определила крестьянок, — и вытащили из-под стола ржавое корыто с водой, в которой мокнул большой кусок холстины. Они вытащили его, шмякнули на пол и развернули. Санитары подняли вопящего пациента со стола. Он весь был красный, как вареный рак. Они бросили его на край мокрого холста и быстро закатали, как сигарету, потом сели на пол, придерживая свободный край холстины, а женщины, орудуя кривыми иголками, принялись прочной ниткой зашивать пациента в ткань, так что снаружи оставалась только голова.

Судя по всему, это должно было занять немалое время, а вопли, даже заглушенные кляпом, слушать было все невыносимее. Доктор Стасова дернула Аврору за локоть и кивнула охраннику.

Через несколько минут они опять сидели в кабинете. Докторша взяла карандаш и теперь разглядывала его, держа между ладонями, как кинжал.

— Холст, высыхая, будет сжиматься, — сказала она.

— Это единственное, что я поняла.

— Пиротерапия, — проговорила доктор Стасова, глядя Авроре в глаза. — Разработана на Западе десять лет назад для лечения сифилиса. Препарат повышает температуру тела — настолько, что убивает спирохет, вызывающих заболевание.

— У него сифилис?

Скепсис в голосе Авроры был настолько очевиден, что доктор Стасова на миллиметр поджала уголки губ.

— Позже установили, что высокая температура может также воздействовать на химию мозга терапевтическим для шизофрении образом.

— Это же очень болезненно?

— Иногда прежде вводят новокаин.

— Но не сегодня?

— Не сегодня.

— Так у этого человека шизофрения?

— У него ее диагностировали, — медленно и отчетливо проговорила доктор Стасова, вновь глядя Авроре в глаза, и потом некоторое время молчала, давая ей обдумать услышанное. — Вам полезно будет узнать, что у нас в СССР психиатрия продвинулась значительно дальше, чем на Западе. Обнаружены новые формы шизофрении.

— И их лечат.

— Как вы видели.

— И какие симптомы у этих новообнаруженных типов шизофрении?

— О, вам незачем забивать этим голову. Ваши симптомы вполне укладываются в старые, хорошо известные типы.

— Мои… симптомы?

— Галлюцинации. Мания величия.

— О чем вы?

— Вы утверждаете, что играете в поло. Что вы вооруженная бандитка вроде Бонни и Клайда. И что из вас вышел монстр.

— Первые два пункта я могу объяснить.

— Прежние способы зарабатывания на жизнь — эксплуататорские, порождающие революционные настроения у пролетариата, — не удовлетворяли гордых энергичных людей, хотевших всего лишь прокормиться и не умереть от холода.

Аврора наконец-то поняла, что у нее есть единственный способ выбраться из психушки здоровой телесно и душевно — начать изъясняться в таком стиле. По счастью, она росла среди большевиков, а недавно освежила свои познания новейшим сталинистским вокабуляром из уст Тищенко. За время ее тирады доктор Стасова ни разу не выказала озабоченности и даже напро-

тив, как будто расслабилась.

Аврора продолжала:

— Лишенные возможности поднять настоящую народную революцию, мои родственники по матери подыскали более выгодное применение своим навыкам. Некоторые доставляли виски из Канады и грузили в поезда, маскируя под другие товары. Некоторые действительно грабили банки. Труд третьих эксплуатировала индустрия поло-пони, которая — поверите или нет — в восточной Монтане и Вайоминге процветает очень успешно.

— Потому что там размещены кавалерийские части для подавления индейцев? — догадалась Стасова. Даже психиатр знала, что без поло современную кавалерию поддерживать невозможно.

— Так все начиналось. Всеми большими конюшнями владеют сынки-содержанты.

— Кто-кто?

— Младшие сыновья британских аристократов. По закону наследство достается старшему сыну. Остальные все равно богаты и могут не работать. Где бы они ни были, им переводят телеграфом ежемесячное содержание. Некоторые его тратят. Другие вкладывают.

— В ранчо, где разводят поло-пони?

— Для них это предлог ничего не делать, только играть в поло и кататься верхом.

— Сомневаюсь, что там большой рынок сбыта…

— Лошадей отправляют по всему миру. Британские кавалерийские офицеры в Индии играют в поло на лошадях из Вайоминга. Американские капиталисты едут на Запад, выдают дочек за сыновей британских содержантов, ездят на вайомингских поло-пони и приобретают их для своих нью-йоркских конюшен.

— Продают дочерей за лошадей. Обычаи элиты похлеще любой пародии. Впрочем, объясните, зачем этим людям революционно настроенная вольница?

— Им нужны те, кто умеет обращаться с лошадьми. Умеет ездить верхом. И играть в поло.

— Ковбои играют в поло?

— Да. Индейцы тоже. Живущим в глуши содержантам нужны противники, причем хорошие, иначе им будет скучно и они разучатся играть.

— И именно поэтому вы умеете играть в поло?

Аврора мгновение помедлила, подавляя улыбку.

— Я четыре лета работала на таких ранчо. Поначалу чистила стойла. Затем ездила на мо-

лодых лошадях, приучала их не бояться клюшек и мячей. Дело это хитрое. Если молодую лошадь даже чуточку случайно заденет клюшкой или мячом, отучать ее от страха придется долго, иногда несколько месяцев — огромная трата времени и сил. Если клюшка попадет животному между ног, оно споткнется и может безнадежно покалечиться. Итак, тренер должен управляться с клюшкой и бить по мячу почти так же хорошо, как игрок. Прежде чем стать тренером, я должна была…

Она осеклась, перехватив буравящий взгляд доктора Стасовой.

— Да. Я научилась играть.

Ответ докторшу вроде устроил, во всяком случае в том, что касалось первой из Авроринных «бредовых идей» — ее умения играть в поло.

— А теперь, — сказала Стасова, — что насчет пистолетов-пулеметов Томпсона? Полагаю, это как-то связано с теми вашими родственниками, которые занимались преступной деятельностью.

— Да, но более косвенно. Подростком я в таких операциях не участвовала. О, все в тех краях знакомы с огнестрельным оружием, а меня пистолеты-пулеметы особенно занимали из-за детских воспоминаний о Веронике.

— Пулеметчице, с которой вы жили в комму-

нальной квартире.

— Да. Но обычной девушке с ранчо автоматическое оружие не нужно. Мои родственники-мужчины иногда прихватывали с собой «томми», если опасались волков.

— Разве волка нельзя убить из обычного пистолета или ружья?

— Одного можно, но не целую стаю. У нас ходят рассказы о волчьих кругах.

— Что такое волчий круг? — Докторша слушала увлеченно и даже перестала делать заметки.

— Иногда в диких местах находят останки — разорванные на части, сгнившие, но явно человеческие. Где-нибудь рядом с ними лежит разряженный револьвер. А вокруг — кольцо мертвых волков. Нетрудно понять, что произошло.

— Человека окружила стая из более чем шести волков.

— Да. Так что, отправляясь в места, где есть большая волчья стая, пистолет-пулемет прихватывали с собой, если имелся. Но опять-таки сама я «томми» почти не видела и до прошлого года в руках не держала.

— Что случилось в прошлом году?

— Когда я подросла, мама с папой договорились, что я иногда буду приезжать к нему поездом

в Чикаго.

— Пассажирским или…

— В коминтерновских отчетах можно увидеть, что он платил за пассажирские билеты. И это правда. Я сдавала их и оставляла деньги себе, потом запрыгивала в товарняк.

— Одна?

— С дядьями или двоюродными братьями, едущими в Чикаго по делам.

Доктор Стасова кивнула:

— Они перегружали канадское спиртное в вагоны и отправляли железной дорогой…

— С сопровождением. Что было необходимо, особенно на последних нескольких милях.

— Что именно происходило на последних нескольких милях?

— Железная дорога идет через территорию вестсайдских О'Доннелов на пути к Узлу Сисеро. Там я должна была сидеть в вагоне пригнувшись, покуда люди Багса отдавали деньги и перегружали товар в машину.

— Люди Багса?

— Агенты заказчика. Видели «Лицо со шрамом»? Там есть ирландская банда из северной части города. Так вот, она основана на организации Багса Морана. Считается, что именно его

люди первыми в Чикаго обзавелись «томми».

— Итак, когда вы говорите, что сидели пригнувшись…

— Я имела в виду — буквально. Они враждовали с вестсайдскими О'Доннелами.

— Которые явно плохо контролировали нечто под названием Узел Сисеро.

— Это сортировочный узел в три мили длиной. Сорок два пути. Так или иначе, если все было благополучно, мы шли в город, на Сисеро-авеню садились в автобус и ехали на север до самого Белмонта и дальше на восток к озеру, туда, где жил папа.

— Не в этом ли районе Чикаго расположен штаб ИРМ?

— Он жил и работал в той же дыре, — сказала Аврора. — Воббли переживали трудные времена.

— Да. Странно, учитывая успех движения в Англии.

— Как вы знаете, он уезжал в Англию примерно во время всеобщей забастовки, так что я довольно долго его не видела. А в целом да, все шло гладко, пока три года назад мама не заболела.

— Рак?

— Пришлось удалить бородавку, так она мне сперва объяснила. Позже ей срезали с головы ку-

сок кожи размером чуть больше почтовой марки, и мама прятала шрам под волосами. Надеялась, пронесет. На следующий год появились другие симптомы, так что она вынуждена была рассказать мне все как есть. Мы поехали в Чикаго, где медицина лучше. Ей втыкали радиоактивную иголку, потом вынимали. Она никогда не жаловалась. Я жила с папой и ездила на метро в больницу, под конец навещала маму каждый день. Знаю, буржуазная сентиментальность. Но после ее смерти мне показалось правильным остаться на какое-то время с отцом. Так я и ввязалась в историю с Бонусной армией[4].

— Пробудив революционный дух, который дремал в вас, покуда вы, впечатлительная девушка, жили в окружении харизматичных реваншистов, — поправила доктор Стасова, записывая.

— Именно так.

---

[4] Сноски: 4

Протестная акция американских ветеранов Первой мировой войны, которые в 1932 г., во время Великой депрессии, собрались в Вашингтоне с требованием немедленно выплатить им ветеранские пособия (бонусы). По закону 1924 г. эти выплаты откладывались до 1945 г. Сами участники акции называли себя Бонусным экспедиционным корпусом по аналогии с американским экспедиционным корпусом в Первой мировой, в прессе их именовали Бонусной армией.

6. Чикаго. Июнь 1932 г

К тому времени, как мобилизовался чикагский ЦК партии, железнодорожные охранники уже не мешали ветеранам забираться в идущие на восток товарные поезда. Многие охранники сами воевали. Все были за справедливость. Да и любом случае, людей было не остановить. Кое-где железнодорожное начальство цепляло к идущим на восток составам пустые теплушки, просто чтобы очистить сортировочные станции от обозленных участников Бонусного марша. Ибо, следуя примеру своего предводителя, Уолтера У. Уотерса, бойцы Бонусного экспедиционного корпуса научились мастерски намыливать рельсы и отсоединять тормозные магистрали. Экономику парализовало. От простаивающего вагонного парка пользы было как от каноэ в пустыне. Отправить на восток несколько теплушек, чтобы очистить товарную станцию от этой напасти, оказалось самым дешевым решением. Так что папина команда красных мало что не пряталась в ожидании, когда сформируют их поезд, а разожгла костер, сварила котелок баланды и устроила

разудалый бейсбольный матч, спотыкаясь о рельсы и прыгая через штабеля шпал.

Подошли полицейский и охранник — угостить их куревом и почесать языками. Когда они приблизились к папе — он лежал в тени вагона, читал книжку, — тон их изменился. Дон, вышивавшая в теплушке серп и молот на большом куске кумача, прислушалась.

— Ребята сказали, ты у них главный, — произнес коп с характерным чикагским выговором.

— Значит, так и есть, — ответил папа, — пока они не объявят главным другого.

— Что у тебя за акцент?

— Американский.

— Не умничай.

— Польский, — предположил охранник, и по одному этому слову Дон определила в нем ирландца.

— Почти угадал, — ответил папа. — Русский. Технически украинский.

— Но это ж теперь все одна страна, да? — спросил коп.

— Не столько страна, сколько интернациональное движение.

— Ты принадлежишь к этому движению?

— И горжусь этим.

— Что красный русский делает на ветеранском марше?

— Я красный американец, — сказал папа. — И ветеран.

— Докажи.

Зашуршали бумаги. Дон слышала, как мяч хлопнул о бейсбольную перчатку, и одна из команд взвыла.

— Отчего ты не играешь в бейсбол, как все? — спросил охранник. — По виду ты крепкий.

— Внешность обманчива. Мои легкие видали лучшие дни.

— Он правду говорит, — добавил коп. — Тут написано, пятидесятипроцентная инвалидность. Из-за легких.

— Сочувствую, — произнес охранник. — Туберкулез?

— Газ, — сказал папа. — Половина моего взвода поехала домой в гробах. Я натянул противогаз на секунду раньше.

— Все в порядке, — объявил коп. — Только не устраивай тут нам никаких красных проблем.

Дон знала, что папа думает и что хочет сказать: «Проблемы устраивают ваши хозяева, а мы просто хотим положить этому конец».

— Спасибо. Но если бы я хотел устроить вам

проблемы, зачем бы мне, спрашивается, сваливать из города?

— Схлопочешь ты когда-нибудь за свои шуточки, — сказал полицейский, но дольше задерживаться не стал.

— Теперь вы понимаете, отчего я настаивал, чтобы у всех документы были в порядке, — позже сказал папа комитету — полудюжине мужчин и женщин, сплошь членам ИРМ и компартии, притом сплошь настоящим ветеранам и солдатским вдовам. Поезд тронулся часом раньше; они собрались в конце вагона. — Бонусному экспедиционному корпусу позволяют существовать лишь потому, что силы капитализма боятся на виду у всех подавить движение людей, которые за них воевали. Главнокомандующему Уотерсу хватает ума понять: если обнаружат, что в его вашингтонские лагеря просочились самозванцы, все закончится очень быстро. Товарищ Браудер пытался войти в главный лагерь в Анакостии, и его развернули у ворот. Не потому что он генсек компартии, а потому что он не ветеран. Эта мелкая проверка? Просто генеральная репетиция того, что можно ждать дальше.

— Я слышал другое, — сказал Букер Прайор. — Мне говорили, главнокомандующий Уотерс

коричневеет на глазах. — Все с любопытством глянули на него. — Не, не в смысле, что он мулат, как я! Я про коричневорубашечников. Уотерс становится фашистом. Вычищает коммунистов. По крайней мере, так я слышал.

— Я уверен, на него сильно давят Бюро расследований и другие органы реакционного марионеточного правительства, поэтому он всячески старается показать, что в движении нет коммунистов. Искренне он действует или из чисто практических соображений, я намереваюсь выяснить. Наши революционные товарищи нашли в Вашингтоне другие места, еще ближе к центрам власти, и там мы сможем поселиться, если тактически выгодно будет для видимости дистанцироваться от главнокомандующего Уотерса.

Позже, когда поезд ехал по берегу озера Мичиган и солнце садилось над прерией, папа позвал Дон подышать воздухом на задней площадке тормозного вагона. Рабочие из поездной бригады, которым он показал профсоюзный билет, охотно их туда пустили.

— Красный закат, — произнес он неизбежную фразу.

— Они все красные, — ответила Дон, — из-за

пыли, потому что засуха.

Она любила отца, но неспособность говорить ни о чем другом ее утомляла.

— Просто разреши мне минутку поэзии, моя милая маленькая профессорша.

Папа не курил из-за легких, но жевал табак. Глаза у него увлажнились. Он перегнулся через поручень и сплюнул жвачку на рельсы. Город давно остался позади, вдоль путей тянулись заросли кустарника. Местами на полосе отчуждения бродяги вырубили их и построили длинные узкие лачуги; бока проезжающих составов задевали брезентовые крыши и веревки с бельем. Поезд стучал по рельсам так быстро, что ни бродяги, ни комары не могли его догнать, но не настолько быстро, чтобы хотелось спрятаться от ветра.

— Ты родилась на красной заре, и теперь, хоть я не верю в приметы, мне думается, красные закаты что-то означают. Солнце садится над твоим детством. Ты уже взрослая. Да, знаю, тебе всего шестнадцать, но ты пережила больше, чем многие женщины вдвое старше тебя, а это кое-что да значит. Ты такая большая и сильная; мне с трудом верится, что ты моя дочь.

«Я не твоя дочь, — могла бы сказать Дон. — Покуда ты на грузовом пароходе ехал в Ливерпуль

организовывать докеров, тебе наставил рога двухметровый налетчик по имени Джим О'Фаолейн, которого повесили через месяц после моего рождения». Однако она промолчала — пусть любуется дальше. Мужские взгляды были для Дон такой же частью естественного порядка вещей, как сила тяжести. Когда у тебя рост метр восемьдесят и веснушки, взглядов притягивается больше. Она носила джинсы — другой одежды у нее не было. На ранчо это никого не смущало. В метро, по дороге в мамину больницу, женщины в юбках и жемчугах мерили ее взглядом с ног до головы и смотрели неодобрительно. Мужчины пялились так, что на ранчо уже схлопотали бы по морде. По сравнению с этим любящий взгляд человека, уверенного, что смотрит на дочь, был терпимым. Теплым, как нежаркое закатное солнце.

— Будет короткая летняя ночь, а затем новый рассвет, — сказал папа. — Это случится в Вашингтоне.

— Что случится?

— Вашингтон — американский Петроград. Даже география такая же — реки, разводные мосты, дворцы капитала, военные базы, полные подневольных солдат, стонущих под бичами офицеров и ждущих своего часа. Будет Великая

Июльская революция или Великая Августовская революция.

До сих пор Дон не услышала ничего нового — такими же мечтами обменивались мужчины за столом в коммуналке, пока женщины готовили им еду.

— Пора обсудить, какой будет твоя роль.

— Варить кашу? Я забыла рецепт.

Он рассмеялся:

— Я всегда видел тебя скорее кем-то вроде Вероники.

Дон почувствовала, что ее секрет грубо обнажили. Разумеется, папа видел Веронику, разговаривал с ней, думал о ней. Но Дон хотела, чтобы Вероника принадлежала ей одной. Папа на самом деле не знал Веронику, не знал, что та вынесла и какой ее это сделало, иначе не изрек бы такого проклятия.

— У меня никогда не было хороших отношений с твоей родней по матери, — продолжал отец.

Моей единственной семьей.

— Сейчас мне кое-что от них нужно. Поскольку они меня не любят и не доверяют мне, я прошу тебя стать… э…

— …посредником?

— Агентом.

— Что нам от них нужно? — Дон задала вопрос чисто формально, потому что знала ответ: виски. Виски, который можно сунуть вашингтонским копам и чиновникам в качестве взятки, обменять на еду, тайком пронести в лагеря Бонусного экспедиционного корпуса и в трущобы, чтобы расположить к себе тамошних обитателей.

— Пистолеты-пулеметы Томпсона, — ответил он. — И, по возможности, ручные гранаты.

Дон, видимо, скроила гримасу.

— О, деньги у меня есть, — сказал отец.

В Форт-Уэйне, где сходятся три магистрали, день прождали состава Норфолкской Западной железной дороги. Разобраться здесь в чем-либо было настолько сложно, что они застряли бы надолго, если бы не мудрецы из соседнего гувервилля[5]. Эти бездомные, понастроившие самодельных лачуг под прикрытием сумаховых джунглей и не имевшие иных занятий, кроме как глазеть на пути, помнили каждый паровоз и за мили узнавали машинистов по манере давать гудок. Они могли посоветовать, каких охранников лучше обходить стороной, а какие закроют глаза на то, что взвод

[5] Сноски: 5

Гувервиллями (от фамилии президента Гувера) в 30-х годах называли поселения из палаток и лачуг, в которых жили тысячи американцев, потерявших работу во время Великой депрессии.

революционеров грузится в товарные вагоны.

Они встретили полдюжины оголодавших коммунистов из Канзас-Сити, прибывших сюда несколькими днями раньше с большой группой ветеранов. Те собрали что-то вроде военно-полевого суда, объявили их красными (в целом справедливо) и вышвырнули из своих рядов, а сами уехали дальше на восток. Папа и Букер почти весь вечер калякали с ними у костерка, прежде чем их принять. Главным в этой компании был Расти Кригер, старый шахтер-ирээмовец из Аризоны, известный в профсоюзных кругах человек, о котором они знали понаслышке. Остальные были новобранцы с консервных заводов и сортировочных станций. Один из них, Эл Ларсон, по возрасту никак не мог быть ветераном, даже если бы, записываясь в армию, накинул себе пару лет. Однако у него имелись документы, доказывающие, что он единственный сын и наследник морского пехотинца, который сражался в лесу Белло и впоследствии умер из-за полученного там ранения. Эл, толковый паренек, много знавший о железных дорогах, сделался правой рукою Расти. Теперь Расти и Эл участвовали в каждом заседании центрального комитета, которое проводил папа.

Через сутки они уже снова ехали на восток. Поезд Норфолкской Западной железной дороги проходил мимо станции, от которой не составляло труда добраться до столицы. Сесть в вагон поначалу оказалось труднее, чем в Чикаго, а потом все вдруг пошло как по маслу. Папа признался Дон в том, о чем она уже и сама догадалась, — он залез в заначку и кое-кого подмазал. Он часто машинально трогал пиджак в районе сердца, где Дон видела неумелые стежки и слишком выдающийся объем для ее плоскогрудого отца.

— Почему не заказать «томми» в «Сирс Роубак», как все? — спросила она его как-то вечером вскоре после первого разговора, когда оправилась от изумления.

— Ты не поняла. Нам их надо много. Ты должна думать о практических реалиях. — Папа на мгновение умолк, глаза его увлажнились, и Дон поняла, что он думает о газовой атаке, когда противогазов было много, только не под рукой. — Когда вышитое тобою красное знамя взовьется над Казначейством, или над Капитолием, или над любым другим зданием, которое станет нашим Зимним дворцом, у нас не будет времени вскрывать ящики из «Сирса», оттирать детали от заводской смазки, собирать томпсоны и еще

полчаса заряжать магазины.

— А если заказать сразу много…

— Генерал Роберт Э. Вуд[6] в чикагском офисе «Сирса» снимет трубку и попросит соединить его с Бюро расследований Департамента юстиции, — улыбнулся папа.

— В Монтане я видела всего один «томми». Один.

— Но есть место, известное на весь мир их изобилием.

— Чикаго, да.

— А твои родственники знают тамошних людей. Ведут с ними дела.

— Пап, люди, о которых ты говоришь, никому свои «томми» не уступят.

— Сухому закону конец. Эта эпоха уходит в прошлое. А я уверен, что куплено у них с запасом. Так работают их мозги. Отчего покупать три «томми», если тебе по карману тридцать? Попомни мои слова. Они сидят в подпольных барах по всему Чикаго, и Багс Моран говорит: «Письмена на стене. Рокфеллер только что выступил за отмену, через

---

[6] Сноски: 6

Роберт Элкинтон Вуд (1879–1969) — американский бригадный генерал, после войны вышел в отставку и с 1924 г. руководил компанией «Сирс Роубак», управляющей несколькими розничными торговыми сетями. Поначалу «Сирс Роубак» специализировалась на продаже гражданского стрелкового оружия.

несколько месяцев Рузвельт обойдет Гувера, и что пользы от «томми» при легальной торговле спиртным?» Это рынок покупателя, Дон.

— Ты говоришь как капиталист.

— Чтобы уничтожить капитализм, мы должны использовать созданные им товары и человеческий материал.

— Как мы передадим им деньги?

— Я спрятал их в Чикаго. Задаток и расчет в разных местах. Нам нужно только послать телеграмму.

— Почему мы не сделали этого до отъезда?

— Помнишь, в последнюю неделю я тебя спросил, нет ли в городе кого-нибудь из твоих двоюродных братьев?

Дон кивнула. Тогда она ответила «нет». Итак, все придется устраивать по почте, по телеграфу и по телефону. Важнее приехать в столицу и провести рекогносцировку, чем торчать дома, организуя пересылку оружия. Коммунисты и гангстеры умеют быть практичными.

Товарняк полз на восток как будто на ощупь, одолевая противодействие рельефа. По тому, как и о чем говорил Кригер, стало ясно, что человек он одинокий и компания ему нужнее революции. Все знали, что в юные дни ИРМ он был отчаянным

смутьяном, и папа не упускал случая засвидетельствовать ему свое уважение. Но что-то в том, как он сыпал старыми лозунгами и донимал всех уговорами исполнить хором старые вобблевские песни, заставляло молодых чикагских коммунистов переглядываться. На папу они тоже поглядывали, но тот, избегая встречаться с ними глазами, смотрел на Расти с непроницаемым выражением. А вот Эл Ларсон, напротив, был скуп на слова и вскоре заработал себе прозвище.

— Немой Эл по тебе вздыхает, — сказал ей Букер как-то на железнодорожной насыпи в долине Огайо. — Глазки у него масляные. Да, он умеет это прятать. Мамочка хорошо его воспитала. Но Букер все примечает.

Дон не усомнилась в его словах. Примечать все было работой Букера, оттого папа и держал его при себе, брал на заседания, расспрашивал после них о впечатлениях.

— Он вежливый молодой человек, — сказала она. — Мне, считай, повезло.

Букер на миг опешил, потом рассмеялся:

— Я тебе на секунду поверил!

— Шутки шутками, но надо же с чего-то начинать, — ответила Дон. — И если ему нравится бродяжка в джинсах…

— Послушай меня, милая. Я чуть не назвал тебя деткой, но это не детский разговор. Когда дело доходит до этого, мужчинам плевать. Им нравится всё.

— Тогда зачем женщины…

— Женщины одеваются друг для дружки. Хочешь водиться с девчонкой — наряжайся. С мальчиком? Подумай прежде хорошенько.

— Даже если это Немой Эл?

— Я всего лишь хочу сказать: не продавай себя задешево потому лишь, что на тебе джинсы. — Букер кивнул и пошел прочь, дав напоследок прощальный выстрел: — В Вашингтоне ты будешь кружить головы.

И он исчез в вихре оранжевых искр от костра, зеленых светляков, голубоватых звезд.

После еще одной пересадки они добрались до округа Колумбия на товарняке, который почти полностью оккупировали участники Бонусного экспедиционного корпуса: тысячи ветеранов, вдов, жен и детей со всех концов страны; Дон никогда не видела, чтобы цветные и белые смешивались так свободно. Она понятия не имела, где едет поезд, но некоторые знали, известие поползло по вагонам, люди доставали из чемоданов остатки формы, пережившие полтора десятиле-

тия с конца войны. На спиртовках грели воду, из рук в руки передавали обмылки, чтобы каждый мужчина побрился. Чернокожий парикмахер из Алабамы устроился у открытой двери вагона и выплескивал мыльную воду и щетину с бритвы на железнодорожную насыпь.

Промышленных предприятий в Вашингтоне почти не было, и он не расползался в стороны, как Чикаго. Так что город начался неожиданно. На горизонте возникли белый обелиск и белый купол, и все на них глядели, не в силах поверить, что правда смотрят на монумент Вашингтону и Капитолий. Грубый хор затянул «Америка прекрасная», к огромному удовольствию Расти Кригера, а потом «Джонни, бери ружье».

После долгого путешествия товарняками Дон ждала, что через Вашингтон пойдут нестройной толпой, но все оказалось организовано лучше многих военных операций. В северной части Потомакской грузовой станции их встретил своего рода почетный караул. Били барабаны, развевались знамена. Здесь были и полицейские на мотоциклах, и Гласфорд, начальник полиции, про которого знали, что он сочувствует Бонусному маршу. Неподалеку ждали грузовики, чтобы везти женщин, детей, инвалидов и седых ветера-

нов Испано-американской войны. Дон отправили в один из грузовиков. Хотя ноги у нее были поздоровее, чем у многих ветеранов, отказываться она не стала, так как была обременена тяжелым багажом в виде знамени, уложенного в армейский вещмешок. Оно находилось на попечении Дон и других чикагских женщин вместе с прочим хозяйством — котлами, консервированными бобами, инструментами и палатками. Мужчины выстроились, отсалютовали флагу (женщины с грузовиков кричали: «Ура!») и шеренгами по десять двинулись вслед за барабанщиками, горнистами и начальником полиции Гласфордом; копы на мотоциклах ехали по бокам, грузовики — сзади.

В поездах они изучали карты, а иначе Дон безнадежно запуталась бы. Сенаторы могли въезжать в город с севера и сходить на вокзале Юнион-Стейшн, но безработные бродяги, участники Бонусного марша и большевики въезжали с севера и вылезали из товарных вагонов на грузовой станции по виргинскую сторону Потомака. Соответственно они сперва прошли мили две на север вдоль берега до первого моста, пересекли реку и миновали несколько парков и каналов, прежде чем двинуться в общем направлении

монумента. Чуть не дойдя до Национальной аллеи, они свернули на курс, который должен был вывести их к южному фасаду Капитолия. Шествие уже превратилось в настоящий парад: зрители на тротуарах размахивали флагами и держали плакаты с надписями вроде «Бонус сейчас» и «Поддерживаем наших ветеранов!». Возле Капитолия упитанные, самоуверенного вида мужчины в летних костюмах пожимали ветеранам руки. Кто-то сказал, что это конгрессмены. На перекрестке грузовик остановился; Расти слез и объяснил, что ему, неветерану, дальше ехать не стоит. Ему есть где остановиться с некоторыми товарищами, сообщил он, конспиративно прикрывая рот рукой. Когда грузовик тронулся, Расти ухватил за лямку вещмешок с красным знаменем, сдернул его и закинул на плечо. Дон порадовалась, когда и вещмешок, и Кригер растворились в толпе.

Как только Капитолий остался позади, городской пейзаж совершенно переменился. Солнце говорило Дон, что они свернули к югу, внутреннее ухо — что едут под гору. Зрители на улицах были по большей части цветные, не считая отрезка, где стояли сплошь военные моряки и все кричали «ура»; играл даже военно-морской

оркестр. Впереди показалась вода: река и мост через нее. Памятуя отцовские слова про Петроград, Дон отметила, что мост и правда разводной. Она высматривала павильон управления, который нужно будет брать в первую очередь и потом оборонять. Все говорили, что это снова Потомак, но Дон знала, что это Анакостия. На карте их маршрут представлял собой великанскую подкову — место назначения находилось почти прямо через реку от Потомакской грузовой станции, где они вылезли из товарных вагонов. Впереди стройная колонна немного смешалась: люди в левых рядах тянули шею и толкались, пытаясь разглядеть что-то справа, некоторые вовсе отбежали к мосту, забрались на парапет и размахивали шапками, флагами, чем попало. Когда грузовик подпрыгнул на ухабе, Дон и остальные женщины увидели, в чем дело. На противоположном берегу реки, ниже по течению, раскинулся самый большой гувервилль, какой Дон видела в жизни: всегдашние лачуги и палатки, но выстроенные по точной сетке земляных улиц. У ближайшего конца стоял большой зеленый шатер Армии спасения. Было также открытое пространство, усеянное ромбовидными лужами и украшенное огромной белой фигурой,

которая в Северной Америке означает бейсбол. Посредине самостройного города возвышался деревянный помост, который Дон с первого взгляда приняла за виселицу. Однако на столбах развевались флаги, и на помосте был человек, не повешенный, а в ораторской позе, с белым раструбом, который он узкой стороной прижимал к губам. Из публики внизу некоторые слушали, другие занимались своими делами. Дела эти по большей части заключались в перетаскивании больших случайных предметов — толстых веток, автомобильных сидений, листов картона и фанеры. Проследив их движение вдоль берега, Дон увидела, что почти все это добывается на свалке, которая тянулась, как дамба, между городом и краем воды. В той мере, в какой у воды был край, ибо, по правде говоря, граница реки и земли проходила не так резко, как желательно для поселения с десятками тысяч обитателей и без канализации. Мужчины бродили по воде, оставляя за собой мыльные разводы, — искали место поглубже, чтобы окунуться. Женщины небольшими группками стирали одежду.

«Запрещаются: попрошайничество, спиртные напитки, радикальные разговоры», — гласили правила над входом в шатер, служивший сво-

его рода воротами в лагерь Маркс — всю эту огромную территорию назвали в честь местного полицейского, который по-дружески обошелся с первыми участниками Бонусного марша. Ради новеньких, которые не умели читать или не имели денег на очки, те же правила резко повторяли стражи в рубашках цвета хаки, проверявшие у них документы.

Папа не вошел со всеми, а дождался Дон, поскольку ее без него не впустили бы. Она нашла его полулежащим в полоске тени у шатра, с мокрой банданой на лбу, и помогла ему встать. Он высказался в том духе, что просто решил поваляться, но Дон подозревала, что долгий переход под июльским солнцем совершенно его доконал. Дышал он с натугой, говорил короткими фразами. «Радикальные разговоры», — повторил он, когда они проходили через шатер. Там было тепло и тесно, пахло немытым телом. Здесь же располагались библиотека, где люди рылись в книжках, и груды пожертвованной одежды, где оборванные женщины разглядывали драные детские комбинезоны и грязные ситцевые платья, держа их на вытянутой руке.

Папа вывел Дон на то, что выглядело главной улицей лагеря Маркс. До помоста было еще около

сотни метров.

— Заметь. Красные… не запрещены. Нам просто велят… помалкивать. Отлично. До поры. Умно.

Дон хотела сказать, что папа слишком много вкладывает в эту фразу — обычная ошибка советских интеллектуалов в Америке, — но ее отвлек гром аплодисментов из толпы, по большей части состоящей из новоприбывших. Только что представили оратора. Издали Дон приняла его за старшего армейского офицера, но, когда они с отцом подошли ближе к помосту, она заметила, что его одежда цвета хаки — чистая, накрахмаленная, отглаженная и очень похожая на военную форму — лишена каких-либо знаков отличия и мешком висит на худой фигуре. Белокурую голову покрывала не офицерская фуражка, а фетровая шляпа.

— Должно быть, главнокомандующий Уотерс, — сказал папа.

По бокам от Уотерса стояли двое тоже в защитного цвета форме, которая слегка не дотягивала до армейской. Они были помладше, но не молоды — в лагере ветеранов войны, закончившейся пятнадцать лет назад, молодежь попадалась редко. Такие, как Дон и Немой Эл, были исключением. Еще Дон приметила на помосте кремовую парасольку, и когда они с отцом пробирались вперед,

увидела, что держит ее высокая дама в белых перчатках. Дама время от времени обмахивалась выпуском «Новостей БЭКа». То ли из-за этого идеала женственности на помосте, то ли из-за слов Букера, что она будет кружить головы, то ли из-за влажной духоты в низине под июньским солнцем, но Дон чувствовала на себе жар множества мужских глаз. На ней была широкополая ковбойская шляпа: стоящий рядом человек попросил ее снять. Не зная, как отнестись к этой просьбе, Дон бочком выбралась туда, где толпа была реже, и на время потеряла папу из виду.

«Главнокомандующий» Уотерс (Дон теперь поняла, что звание не настоящее) произнес речь о том, что сражался с Панчо Вильей и немцами, как любой другой здесь, честно работал в долине Якима и Орегоне, а в итоге остался на улице. Что он вместе с несколькими сотнями ветеранов всего несколько недель назад создал в Портленде БЭК, потом ехал по железной дороге от побережья до побережья, собирая по пути сторонников, словно катящийся с горы снежный ком. Это слушать было интересно, но дальше он пустился в рассказ о том, как что было организовано, кто за что отвечал и когда следующий раз соберется Конгресс. Обо всей этой нудятине он говорил очень страст-

но. Дон заскучала и не особо слушала.

— Он все время подает в отставку, — объяснил стоящий рядом с ней старожил, — и не возвращается обратно, пока не сделают все, как он хотел.

— Я слышал, он просил «диктаторской власти», — сказал один из новеньких.

— И получил ее. Иначе в таких делах ничего не добиться, — заметил третий.

Эти политические дебаты были пресечены грубыми возмущенными голосами. Уотерс рассказал о людях, которые помогают ему с едой, одеждой и медицинской помощью, после чего представил миссис Кахун — даму с парасолькой. Она под аплодисменты вышла вперед и, обращаясь к женщинам, составлявшим в толпе крохотное меньшинство, сообщила, что они могут остановиться в настоящих домах, если хотят избавить себя и своих детей от тягот лагеря Маркс. Еще она сказала им, где взять пожертвованную одежду, которая здесь в избытке.

Они привезли из Чикаго списанные армейские палатки, которые поставили на краю лагеря, но уже к исходу следующего дня обнаружили себя в самой его гуще — к Бонусному экспедиционному корпусу присоединялись все новые участники. Как-то утром Дон проснулась от побудки и вдруг

осознала, что они здесь уже несколько суток. Ибо ощущение было, что происходит нечто великое, но на самом деле ничего не происходило. Да, каждое утро горнист играл побудку. Некоторые по привычке строились, делали зарядку и маршировали. Но то была армия без оружия, без субординации, без неприятеля и без задачи. Время от побудки до отбоя уходило на эпидемии слухов и тщательное составление планов, о которых постепенно забывали, потому что все внимание сосредотачивалось на еде. В лагере умирали маленькие дети, и не от болезней. Дон пришлось одолжить шило и провернуть новые дырочки в ремне, чтобы джинсы, которые и до того держались на честном слове, не свалились совсем.

Время от времени появлялась женщина с парасолькой. Папа знал, как ее фамилия, которую Дон в первый день расслышала неправильно, — Колхаун. В девичестве — Флинн. Она была из семьи нью-йоркских политиков, людей из Таммани-холла, наваривших кучу денег на сухом законе, и вышла замуж в семью, разбогатевшую на издании газет. Папа, ослабевший от голода и от того, как нездоровый воздух Анакостийской поймы действовал на его легкие, все время давал

Дон задания. «Постарайся, чтобы Ида Колхаун тебя заметила», — сказал он. Так что Дон вызвалась разбирать тюки старой одежды (их время от времени привозили в шатер Армии спасения). Иногда Ида Колхаун в этом участвовала, иногда нет. Женщин, помогавших в шатре, называли общим именем Салли.

Более важное задание привело Дон на другую сторону разводного моста; здесь, в телеграфном отделении на Капитолийском холме, она составила следующую телеграмму в Монтану: «БОЛЬШОЙ МЕСТНЫЙ СПРОС ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ВОЛЧЬИХ КРУГОВ ТЧК НУЖНЫ ЛЮДИ ЧИКАГО ТЧК ЗАДЕРЖКА ДОРОЖЕ СПЕШКИ». Текст она сочиняла всю ночь и, записывая его на бланке «Вестерн Юнион», боялась, что перемудрила. То, как на нее косились мужчины в летних костюмах и женщины в жемчугах, спокойствия не добавляло.

Невозможно было объяснить папе, насколько она бросается в глаза. Дон принялась карабкаться, первой ступенью наметив преображение косметическое. Жертвователи миссис Колхаун напрочь игнорировали тот факт, что лагерь Маркс состоит преимущественно из мужчин, поэтому женской одежды там скопилось выше крыши. Дон отко-

пала юбку, которую, вероятно, пожертвовали из-за старомодной длины, ей же она доходила до середины икры, как носили сейчас. Шила Дон не слишком хорошо, но все же кое-как довела юбку до такого состояния, чтобы модные девицы не смеялись над ней за квартал. Потом нашла блузку. И не важно, что рукава ей были на милю коротки — из-за летней жары она их все равно закатывала. Затем пару туфель — они были слишком тесные, но в них она дошла до обувного магазина и на коминтерновские деньги купила пару, в которой могла ходить. Принарядившись таким образом, она вернулась в «Вестерн Юнион» и получила ответную телеграмму: «ДВОЕ ЭБОМ ЗАВТРА ТЧК ПЕРЕДАВАЙ ПРИВЕТ БИЛЛИ БАХУ ФОРТ-МАЙЕРЕ».

— Кто такой Билли Бах? — спросил у нее папа в лагере Маркс, прежде чем сжечь телеграмму. Что «ЭБ» — это железнодорожная компания «Эмпайр билдер», он сообразил сам.

— Билли работал в конюшнях для поло-пони неподалеку от Джиллета, — сказала Дон. — Местный парнишка. Года на два меня старше, наверное. Видимо, он записался в армию.

— Политика?

— Он из семьи немецких католиков, очень

традиционной. У нас с ним ничего общего, кроме того, что мы вместе выгребали навоз.

— Но твоя родня поддерживает с ним связь.

— Да.

Так поступают все нормальные люди.

— Экономике капут, — сказал папа, додумывая остальное. — Семейную землицу сдуло куда-то в Небраску[7]. Крестьянский парнишка, чьи мозги, если они у него вообще были, одурманил какой-то темный деревенский попик, записывается в армию, чтобы не помереть с голоду. Там обнаруживают, что он дока в поло. Естественно, он оказывается в Форт-Майере.

Билли Бах помнился Дон в куда более благоприятном свете, чем на картинке, которую нарисовал из головы отец. Она постаралась об этом не думать.

— Почему естественно? — спросила Дон.

— Пойди сама и увидишь. Это сразу за Потомаком. Почти что видно отсюда.

— И все-таки. Разве я не должна заниматься

---

[7] Сноски: 7

В 1930–1936 гг. в США отчасти из-за засухи, отчасти из-за экстенсивного земледелия произошла серия пыльных бурь, получивших название «Пыльный котел». Некогда плодородные земли на огромных площадях превратились в пустыни, сельское население бежало от голода в города, пополняя армию безработных, что в значительной степени усугубило Великую депрессию.

другим?

Вместо ответа папа медленно обвел глазами лагерь. Негр и белый тащили ржавый кузов «форда», очевидно намереваясь превратить его в жилье. Белый поскользнулся в грязи и упал. Ближе к реке другой человек сидел на корточках над щелевой траншеей, издавая задним проходом трубные звуки.

— Трутница полна фантастических возможностей, — сказал папа, — но пока не вспыхнет искра, в ней мало интересного.

— Ладно, — сказала Дон, — но вряд ли Билли меня помнит.

— Я прошу тебя пойти туда не ради поддержания знакомства, а потому что Форт-Майер — ближайшая к Вашингтону кавалерийская база. Оттуда пойдет контратака. Я прошу тебя заняться военным шпионажем.

— Мне нужна стрижка, — выпалила Дон. — Лифчик. Прокладки. Знаю, ты скажешь, это всё роскошества. Но я не могу заниматься шпионажем, когда другие женщины за четверть мили угадывают во мне бродяжку.

Она была готова выложить и другие аргументы, но тут у папы в голове что-то щелкнуло, и он перебил ее коротким:

— Конспирация.

— Что?

— Разумеется, можно тратить деньги на конспирацию. Еще как можно, раз на питание тратить все равно нельзя.

Он имел в виду, что еду в лагере Маркс готовили и подавали в общих столовых. Неделей раньше им даже перепало свинины от сочувствующих хозяев нью-йоркского мясокомбината, но последние три дня Бонусная армия жила на дробленой пшенице.

— Может, тебе даже лучше отсюда съехать, — продолжал папа. — У РЛБВ приличный сквот в районе Тринадцатой и Юго-Западной Би. Расти тебя примет.

РЛБВ — Рабочая лига бывших военнослужащих — была красным крылом Бонусной армии.

— Если я подцеплю вшей, то перееду.

По лагерю кочевали страницы старых номеров «Вашингтон пост»; их читали и перечитывали, пока не замусоливали окончательно и не рвали на подтирки. Папа смотрел только первые страницы с новостями о выдвижении Рузвельта, Гуверовой отчаянной попытке вдохнуть подобие жизни в загнивающий труп капитализма. Красные революции в Перу и Бразилии, подъем

«стальных шлемов» в Германии. Популярнее и оттого дефицитнее были спортивные страницы. На первой из них обычно живописались бейсбольные подвиги Рута и Герига, на второй — скачки. Репортажи о поло всегда попадали на первую, вытесняя с нее малозначительные бейсбольные события. Однако в отличие от бейсбольных турниров, которые проходили каждый день, матчи по конному поло случались нерегулярно — в одних номерах «Вашингтон пост» о них было много, в других — ничего. Дон собрала карманный архив репортажей о поло и штудировала его в трамвае, пока ждала в парикмахерской, стояла за мылом или за супом в магазинной кафешке. Все это были ступени ее карабканья. Трамвай не остановится подобрать явную бродяжку. Девушку со вшами в волосах выставят из парикмахерской. В кафе, скорее всего, не обслужат одинокую молодую женщину, если та похожа на пугало. Продавщица в бельевом отделе поглядела на нее с сомнением, но, увидев модную короткую стрижку, решила рискнуть. В новом лифчике Дон могла смело войти в «Вудвард и Лотроп» и купить себе блузку по фигуре. Там ее взгляд зацепился за духи и губную помаду в отделе косметики, но она не отважилась пускаться в такие эксперименты без

матери или подруги, которые скажут, если она переборщит. Целью — основанием записать это в отчете Коминтерну как расходы на конспирацию — было привлекать к себе как можно меньше внимания. И ей это удалось — при следующем заходе в «Вестерн Юнион» Дон поймала на себе не больше взглядов, чем должно быть привычно любой девице ее роста и на каблуках.

Мотаться приходилось много, и она по совету отца воспользовалась случаем познакомиться с базами Бонусной армии внутри города. Главными из них были лагерь Гласфорд, названный в честь дружественного начальника полиции, и сквот РЛБВ, где жило большинство коммунистов.

Лагерь Гласфорд дислоцировался сразу к западу от Капитолия на южной стороне Пенсильвания-авеню. Это Дон знала и раньше, но лишь добравшись до него, убедилась, насколько это близко. Бывший автосалон «Форда» — штаб лагеря Гласфорд — отделяли от Капитолия лишь несколько сот ярдов травы и деревьев.

Сквот РЛБВ, распределенный по кварталу чуть юго-восточнее монумента Вашингтону, ближе к Белому дому, чем к Капитолию, был, в отличие от лагеря, почти незаметен. Кроме того, участники Бонусного марша заполонили еще несколько

зданий в городе.

Из пожелтевших страниц «Вашингтон пост» Дон узнала названия местных команд по конному поло: «Саперы Форт-Хемфри», «Шестнадцатый артиллерийский». «Сто десятый». Две команды министерства обороны, «Синие» и «Белые». «Морпехи Куантико». Однако лучшими были «Зеленые» и «Желтые» Третьего кавалерийского полка, стоящего в Форт-Майере. Она просматривала счета матчей, выуживала из репортажей имена лучших игроков — Дэвис, Мини, Паттон, Макфейл, Трускотт. По большей части капитаны и майоры. Большие матчи и турниры проходили в Потомакском парке — языке земли, который видишь, если глядеть с края лагеря Маркс через реку Анакостию.

Форт-Майер стоял выше по течению и для большинства был синонимом Арлингтонского кладбища. Туда-то Дон и поехала на трамвае, набитом по большей части туристами, если можно так назвать родителей и вдов, везущих цветы на могилы. Форт-Майер, стоящий на мертвых солдатах, был такой фитюлькой, что Дон при всем желании не смогла бы там заплутать. С задней стороны выстроились казармы и дома младшего и старшего офицерского состава, сужая при-

вычный иерархический клин к тому концу, где обитало армейское начальство. Все это окаймлялось открытым пространством, которое солдаты кропотливо очищали от листвы и мусора. С одного края разместилась целая конная цивилизация: конюшни, разделенные дорожками, по которым грумы водили лошадей — и рослых кавалерийских, и поло-пони. Дон прикинула, что последних скоро поведут чистить, после чего им предложат легкий перекус из сена перед пятичасовой кормежкой зерном. Большие лошади могут есть редко и помногу, у поло-пони желудки поменьше, так что им необходима шестиразовая заправка зерном и немного сена — поддержать силы в промежутках. «Зеленым» и «Желтым» нужны были по две дюжины пони в турнирной форме, плюс несколько лошадок помоложе, которые только учатся играть, и несколько стареньких для тренировки новых игроков. Чтобы кормить, выгуливать и чистить их всех, а также выгребать навоз, требовалось много людей.

Огороженная яма с деревянной лошадью посередине отмечала территорию, отведенную для поло. Дальше Дон видела легкие штанги ворот и щиты, ограничивающие игровую площадку. Несколько офицеров скакали по траве, разма-

хивая клюшками, — отдыхали в конце дня за неформальным дружеским чаккером. Не желая иметь ничего общего с офицерами, Дон свернула к конюшням.

Из американских военных баз она до сих пор видела только кавалерийский форт в прериях, реликт Индейских войн. Там женщина, появившаяся без спутника в конюшнях, произвела бы сенсацию, если не беспорядки. Здесь, судя по тому, как реагировали (или не реагировали) на нее конюхи, это было обыденное явление. Дон подошла к рядовому, который вел пони в стойло, но все еще не решилась спросить про Билли — ей вдруг стало страшно, что он ее не вспомнит. Она так и не успела открыть рот, когда из ближайшей конюшни раздался голос:

— Глаза меня обманывают, или это Дон Рэй, вся такая взрослая?

Билли Бах тоже был весь такой взрослый. Выше ее на ладонь и настолько раздавшийся в плечах и в лице, что она бы его не узнала. Он застыл навытяжку в трех шагах от Дон и с любопытством оглядел ее от ног до макушки. Возможно, проект по выкарабкиванию не совсем провалился. Она протянула руку. Он с сомнением глянул на свою.

— Ничего из того, чего твоя рука касалась, меня

не смутит, уж ты-то, Билли, должен бы знать, — сказала Дон.

— Ну, коли ты так говоришь… — Он подошел и пожал ей руку — крепче и продолжительнее, чем это обычно делают. Приятно и даже по-настоящему радостно было видеть мужчину, который молод, силен, не голодает, не оборван и не жалуется с утра до вечера на жизнь. Как будто на ранчо вернулась. Папин голос в голове напоминал, что все это основано на безжалостной эксплуатации. Однако Дон нуждалась в отдыхе от папиного голоса.

Лицо у Билли опечалилось:

— Я слышал про твою маму. Даже слов нет, как ее жалко. Такая молодая, такая здоровая.

— Спасибо, Билли. Я успела с ней немного побыть. Это было очень хорошо.

— В Чикаго?

— Да.

— Дон Рэй, не знаю, как это сказать, но… здесь не Чикаго.

Она на миг опешила, потом рассмеялась так, что несколько конюхов глянули в ее сторону, а лошади негромко заржали.

— Билли, либо я ошибалась насчет твоих мозгов, либо армия выдала тебе другие.

— У армии с ними не густо, — признал он, — но, должен сказать, в Третьем кавалерийском есть несколько башковитых малых. Настоящие аристократы.

— Не знала, что одно прилагается к другому.

— Не всегда. Помнишь того виконтишку в Вайоминге? Однако некоторые из них тебя удивили бы.

Билли огляделся и впервые заметил что-то, кроме Дон. Чуть поодаль стоял сержант, курил и посматривал на них с любопытством.

— Тебе из-за меня крепко влетит.

— Не крепко, если я буду работать, пока мы болтаем.

Продолжился разговор так: Дон стояла за дверью конюшни, с приличного расстояния наблюдая, как Билли осматривает лошади копыта. К одному он нагнулся понюхать, и Дон не сдержала улыбки. Она догадывалась, что это конюшни «Желтых», нынешней команды номер один в здешних краях, у которой, как она теперь видела, поло-пони исключительно хороши. Ни одна армия в мире не стала бы покупать таких лошадей; очевидно, они принадлежали богатым офицерам.

— Какие красавцы, — заметила она.

— А то, — ответил Билли, глядя прямо на нее.

— Я здесь с отцом, — коротко сказала она. — Ты его не видел.

— Слышал про него.

— Все врут, — пошутила она.

— Бонусная армия?

— Да.

— Ну… не все красные служили своей стране, когда потребовалось. Но твой отец ведь воевал?

— Да, и получил Пурпурное сердце.

— Коли так, у него не меньше прав на бонус, чем у остальных. Я за участников марша. Тут почти все за них. Пока они ведут себя мирно.

— Они за этим очень строго следят.

— Главнокомандующий Уотерс? Его ж так зовут?

— Да.

— Что он за фрукт?

— Человек в непривычной роли. На него это вроде как свалилось на сортировочном узле в Орегоне, а здесь он пытается понять, что делать с двадцатью тысячами голодных людей на речной пойме.

— Не хотел бы я оказаться на его месте.

— Я тоже.

— Жалко, что для них нет работы.

— Да.

Однако это граничило с политикой, от которой Дон уже мутило, так что она свернула разговор на семью Билли, а дальше — на то, как он здесь оказался. Болтали они не очень долго — минут двадцать, наверное. Скоро должен был прозвучать сигнал к приему пищи. Билли проводил Дон к маршрутному автобусу, который ходит к трамвайной остановке, и на прощание пожал ей руку чуть более чинно, чем в первый раз. У него теперь был адрес Дон (обитатели лагеря забирали письма в шатре Армии спасения), а у нее — его. Билли ничего не сказал о следующей встрече, но если бы он не попросил у Дон адрес, она бы неприятно удивилась.

Только по пути к лагерю Маркс Дон сообразила, что не собрала никаких военных разведданных.

Среди ночи ее разбудил сигнал горна, который она слышала по радио и в кино, но не знала, что он означает в армии.

— Сбор, — сказал отец, поперхнувшись словом. Он сел на койке, которую соорудил из подручных материалов, чтобы не лежать прямо в анакостийской грязи, потянулся к помятой кастрюле, служившей им ночным горшком, и что-то в нее отхаркнул. — Трубят сбор.

Спали они все равно в одежде, так что обулись и побрели к помосту, тускло освещенному керосиновыми лампами. Впрочем, навстречу им бежало не меньше людей, чем шло в одну с ними сторону. Один чуть не сбил Букера с ног, и тот растянулся бы в грязи, не подхвати его Дон.

— Красные идут! — крикнул вместо извинений бегущий. Ни у Букера, ни у других красных ответа наготове не нашлось. — Я за дубинкой! — добавил он и пропал в темноте.

Он был всего лишь песчинкой в песочных часах. В темноте и сумятице, которая довела бы до исступления любого, кто правда опасался бы красных, почти все обитатели лагеря Маркс собрались вокруг помоста, вооруженные топорищами, палками, обрезками труб и кирпичами. Все это время главнокомандующий Уотерс стоял на помосте, сперва навытяжку, затем постепенно расслабляясь до стойки «вольно». Время от времени он поглядывал на часы или поворачивал голову, чтобы выслушать новости от своих преторианцев в хаки. Иногда кто-нибудь из них с топотом сбегал по ступеням, и его окружали самые пылкие зрители, пробившиеся вперед. Взяв человек десять-двадцать, он вел их к какой-то части лагерного периметра, которую считал

уязвимой. Папа, Букер и Немой Эл — красный триумвират — никак по этому поводу не высказывались. Никаких объяснений не прозвучало. Главнокомандующий Уотерс так и не нашел правильного момента обратиться к толпе, но мало-помалу поблек до анонимной фигуры в желтоватом свете керосиновых ламп. Отбой так и не протрубили. «Учения», «ложная тревога», и «задали им жару, и они драпанули», — были наиболее часто повторяемые вердикты. Каждый член Бонусной армии сам решил, когда возвращаться в койку.

Утром папа остался очень доволен трудами Дон в Форт-Майере. Разговоры, которые она считала пустопорожними, он назвал ловкой обработкой источника и велел ей агрессивно развивать успех, но ни в коем случае не выказывать явного интереса. Дон решила, что хорошо сумела скрыть раздражение, и воспользовалась последними указаниями как предлогом проверить почту и зайти в «Вестерн Юнион». По дороге она увидела в палатке-столовой осунувшегося главнокомандующего Уотерса — он что-то обсуждал со своими любимчиками. Писем для Дон в шатре Армии спасения не обнаружилось, но там ее привлекли к сортировке одежды с целью отобрать всё сколь-

ко-нибудь напоминающее рубашки хаки или годное на переделку в них. Потратив на это достаточное количество времени, она ускользнула и доехала на трамвае до отделения «Вестерн Юнион» — далеко не ближайшего к лагерю Маркс, зато оживленного — по папиным словам, достаточно оживленного, чтобы Дон не заметили и не учуяли ее связей с БЭКом. Конспирация. Насчет этого Дон сомневалась. Девушка в окошке уже ее запомнила и протянула телеграмму раньше, чем Дон назвала свою фамилию.

«ВСТРЕЧА ТОМПСОНОМ ПЯТНИЦУ»

Она отправила в ответ адрес человека в Чикаго, которому отец поручил выплату задатка, указав вымышленную фамилию, а ему телеграфировала, чтобы ждал двух джентльменов, которые спросят мистера такого-то. До пятницы оставалось три дня.

Потом вернулась в шатер Армии спасения, где Салли проводили научные эксперименты с целью выяснить, можно ли покрасить белые рубашки в хаки чаем, кофе или их смесью.

— «Хаки» на урду означает «грязь», — сказал папа. — Неужели так трудно получить этот цвет?

Дон передала ценную информацию и проскользнула в шатер — прочесть письмо от Билли,

пришедшее с дневной почтой.

На следующее утро она в ответном письме написала, что согласна пойти с ним вечером пятницы на «Лицо со шрамом» в Дюпон-Серкл.

«ЗАПРАШИВАЕМ ДЕТАЛИ ПОСТАВКИ», — пришло ей на следующее утро.

«БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ОДЕЖДА ТРЕБУЕТСЯ СРОЧНО БОЛЬШИХ ОБЪЕМАХ», — телеграфировала она в ответ и пошла в Библиотеку Конгресса узнавать для папы про коричнево- и чернорубашечников. Хотя появились они вскоре после Великой войны и соответственно упоминались в книгах, новости об их деятельности можно было почерпнуть только из газет. Так что Дон несколько дней листала старые номера, выискивая заметки про штурмовые отряды, «Штальхельм, союз фронтовиков» и сквадристов. Поскольку в Чикаго жило много немцев, тамошние газеты подробно писали про Германию, а про Италию часто рассказывали лондонские издания, может, потому что репортеры любили туда ездить. И все равно Дон искала иголку в стоге сена. Папа, вероятно, не порадовался бы, узнав, сколько времени она читает итоги матчей по конному поло в Англии или красочные криминальные репортажи из Мирового центра скотобоен. Рассказы о

похищениях, происшествиях на железной дороге и утопленниках стали ее забавой на время, пока она ждала, когда в пойме Анакостии спадет дневной жар, или придет телеграмма из Чикаго, или наступит час свидания с Билли Бахом. Она прочла все статьи о похищении ребенка Линдбергов, о подвигах Амелии Эрхарт, о последних рекордах высотных аэростатов и о любопытной парочке со Среднего Запада — Бонни Паркер и Клайде Бэрроу. Клайд был сейчас на свободе и, как считали, планировал нападение на тюремную ферму, где до этого отбывал срок, а Бонни только что выпустили после того, как присяжные отказались признать ее виновной. Дон подумала, что папе, вероятно, пришлась бы по душе идея массового побега с тюремной фермы — он сразу вообразил бы ударный батальон солдат революции с лопатами на изготовку.

«ДВЕ ДЮЖИНЫ», — с этой телеграммой в кармане Дон сидела в кинотеатре рядом с Билли Бахом и смотрела «Лицо со шрамом».

Деление «северная — южная» части города, итальянцы на юге, ирландцы на севере, было до смешного упрощенным по сравнению с настоящей картой бандитского Чикаго. Однако Дон вынуждена была признать, что в фильме это

работает.

Тони, который Лицо со шрамом, имел обыкновение глядеть в окно на большую электрическую вывеску в форме глобуса со словами «Мир принадлежит тебе». Это напомнило Дон, что она еще до восемнадцати лет обогнула земной шар. Она задумалась, побывает ли еще когда-нибудь за границей. Или осядет в Монтане либо Чикаго, или (этот вопрос пора было уже себе задать) выйдет за Билли Баха и проживет свои дни армейской женой?

Взрослые отношения между мальчиками и девочками показывали в фильме с откровенностью, которая смущала Дон (и Билли, как ей думалось, тоже). Ничего такого, чего бы она не видела (или хотя бы не слышала) в коммуналке, но предполагалось, что здесь все иначе. Буржуазная мораль, может быть, и предрассудок, но у нее, по крайней мере, есть правила. Если их отменили, то непонятно, что будет дальше — как им с Билли смотреть друг на друга после того, как кинолента закончится и зажгут свет.

Однако эта забота была мелочью в сравнении с главной темой фильма — пистолетом-пулеметом Томпсона. Здесь «томми» фигурировали не просто как вещь, а как предмет одержимости,

катализатор и символ резких переходов власти. «Смотри-ка! — воскликнул Тони, лежа на полу в ресторане, где его обстреливали озверевшие ирландцы. — У них пулеметы, которые правда можно носить с собой! Будь у меня такие, я бы за месяц стал главным в городе!» Фильм демонстрировал уважение ко времени и сноровке, которые требуются для зарядки магазинов, к тому, что нужны хорошее освещение и чистая, ровная поверхность. Дон забыла последовательность шагов для подготовки к стрельбе и радовалась, что фильм их напомнил. Всем коммунистам надо прийти сюда и посмотреть этот фильм, пока на Потомакскую грузовую станцию не прибыли две дюжины «томми» в тюках с пожертвованной одеждой.

По крайней мере, так она думала большую часть фильма. Но под самый конец «томпсон» уступил еще более мощному оружию — слезоточивому газу. Его бьющие струи заполняли комнаты, обращая любые огнестрелы в игрушки. Тони, выбежавший на улицу, умер на мокрых трамвайных путях в перекрестье белых лучей, окруженный полицейскими, у которых было кое-что посерьезней «томми» — автоматические винтовки Браунинга.

Зажегся свет, и Дон заставила себя взглянуть на Билли, ожидая большей неловкости по поводу мальчиково-девочковых сцен. Однако по пути к трамваю выяснилось, что он видел совсем другое кино: про автомобили, автомобильные погони и перестрелки из несущихся автомобилей.

— Это будущее, — сказал он. — Вот что я буду создавать, Дон. Такое, только лучше.

— Что ты будешь создавать, Билли?

– *Landesjäger*.

Ей это ничего не сказало, но одно она с собой в лагерь Маркс унесла — выражение лица, с которым Билли произнес это слово, и то, как именно он его произнес — на верхненемецком, домашнем языке своих родителей.

Папа вздохнул, услышав про «две дюжины» — видимо, он рассчитывал на большее количество, — но тем не менее назвал адрес и фамилию человека, у которого лежат остальные деньги. На следующее утро, в субботу, Дон пошла в «Вестерн Юнион» и написала это все на бланке вместе с уточнением «СОБРАННЫЕ». В фильме «томми» доставали из ящиков готовыми к стрельбе; именно такими хотел получить их отец.

Прежде чем отправить телеграмму в Чикаго, она отложила карандаш и посмотрела в окно.

Очень странно увидеть этот мир накануне вечером в кино, а на следущий день самой в нем оказаться. «Эти ребята возят автоматическое оружие, как возят спиртное», — пожаловался коп в фильме, и хорошо, что в зале было темно, потому что у Дон кровь прилила к щекам. Она подозревала, что папа видел фильм и как-то вплел его в свои планы.

Ее родичи действовали в Чикаго бесконечно более сложном, чем показанный в фильме. Коп жаловался: «Простительно, когда идеализируют бандитов нашего старого Запада. Они встречались на улице средь бела дня и ждали, пока оба вытащат пистолеты. Но это твари подкрадываются, стреляют в спину и убегают».

«ПОСМОТРИТЕ ЛИЦО ШРАМОМ», — добавила она, прежде чем отдать бланк в окошко.

На следующее утро рядовой Бах забрал ее из лагеря на свидание. Накануне он развел таинственность: велел ей «одеться покрасивее» и ждать его у реки в 7:00. Она сделала как сказано и в итоге прождала полчаса, гадая, что именно означали последние слова. Насколько красиво надо было одеться? Будут ли ее сравнивать с другими девушками, одетыми в то, что в их мире считают красивым? Намекал ли Билли, что обыч-

но она одевается некрасиво?

Билли появился из речного тумана на защитного цвета лодке, то и дело поворачивая и оглядываясь. При виде Дон он налег на весла и очень быстро сел на мель. Она сняла туфли и заплескала к нему через сто футов ни воды и ни суши. Потом, когда Билли начал грести, она свесила ноги за борт, чтобы отмыть — насколько можно назвать чистым что-либо, входившее в контакт с рекой Анакостия.

С уровня воды этого было не разобрать, но перед лагерем Маркс сходились три водотока, разделенные узкими мысами. Считая с востока на запад, это были река Анакостия, Вашингтонский канал и Потомак, а разделяющие их полоски суши — мыс Баззард и Потомакский парк. На первом из них стоял Форт-Макнейр, небольшая база, в которой размещался Военный колледж армии США. Форт от лагеря Маркс отделяла четверть мили по прямой; собственно, главнокомандующий Уотерс потому и разместил свой первый бивуак в пойме Анакостии, что отсюда можно докричаться до военной базы — во всяком случае, сигнал горна там услышат. В Форт-Макнейре была зона отдыха, в частности, небольшая марина, где солдаты могли брать напрокат лодки и каноэ. Этим объяснялось

необычное и (должна была признать Дон) молодецкое появление Билли.

Он, впрочем, не стал грести обратно в Форт-Макнейр, но обогнул мыс Баззард и направил лодку в Вашингтонский канал — полосу воды метров триста шириной между военной территорией на востоке и полем для гольфа на западе. Через полчаса они добрались до маленькой пристани в Потомакском парке, и там Билли оставил лодку.

От пристани они дошли до площадки для поло, где как раз начался матч. Рядовой Бах, состоявший в команде поддержки, провел Дон через боковой вход, чтобы она смотрела бесплатно. Тут же взмыленные краснолицые мужчины принялись орать, чтобы он сделал то и это. Места, где стоять одинокой штатской девушке, толком не было. Очевидно, шляпка, откопанная в шатре Армии спасения, выглядела настолько респектабельно, что Дон сочли заблудившейся платной зрительницей. Чернокожий солдат указал ей на трибуну и не отставал, пока она туда не ушла.

Для него Дон, возможно, и выглядела прилично, но для большинства зрителей она была настолько ниже их уровня, что при ее появлении все разговоры стихали. Впрочем, не настолько ниже, чтобы тратить время и требовать ее выдворения.

Поло, если смотреть на него со зрительской галереи, оказалось чрезвычайно светским мероприятием. Чаккеры разделялись перерывами, за которые игроки успевали сменить пони, а болельщики — освежиться напитками. Обоняние говорило Дон, что здесь нарушают сухой закон, а поведение некоторых зрителей подтверждало догадку. В перерывах между матчами болельщики успевали перекусить бутербродиками.

В один из таких перерывов она, идя в туалет, столкнулась с Идой Колхаун, только что припудрившей носик.

Дон укрылась под полями шляпки и нырнула в дверь. Однако, когда она вышла, оказалось, что миссис Колхаун ее караулит.

— Ида, — объявила она так, будто это новость, и двинулась на Дон, выставив руку в перчатке. — Вы девушка из лагеря Маркс.

— Дон Глендайв, — сказала Дон, воспользовавшись названием монтанского городка.

— Я, возможно, не узнала бы вас, если б не эта очаровательная шляпка. Я на днях ее приметила и сказала одной из Салли, как жалко, что такая прелесть будет прозябать в лагере Маркс. Мне очень приятно, что вам хватило вкуса взять ее себе — она замечательно идет к вашему цвету

глаз.

Дон была вооружена против всего, кроме комплиментов. Она что-то пробормотала. Ида сочла это разрешением взять ее под руку и потащить обратно к своему месту на трибуне.

— Надеюсь, вы хотя бы следующий чаккер посидите рядом со мной, мне бы очень хотелось услышать ваше мнение о нынешнем положении в лагере… ах, ну правда же у «Шестнадцатого артиллерийского» лошадки хороши, а?

Явление Дон под руку с Идой расставило все по своим местам: очередной безумный благотворительный прожект. Миссис Колхаун, судя по всему, обладала значительным весом: все, кто до сих пор недовольно косился на Дон, теперь пытались с ней заговорить. Бонусная армия была неудобной темой для обсуждения. Дон свернула разговор на ранчо по разведению поло-пони, обойдя тему о том, как здесь оказалась и что делает. Именно этого ее собеседники и хотели — сломать лед и поговорить о поло. Теперь Дон могла просто сидеть и слушать, как они обсуждают те немногие ранчо, где работали она и Билли, а также знакомых пони с этих ранчо.

Как только мужчины вырвали у женщин руль разговора и втопили газ, Ида легонько тронула

Дон за локоть.

— Вы играете, Дон?

— О, нет, я…

— Очевидно, что в лагере Маркс такой возможности нет. Но ваши обязанности на ранчо, о которых вы говорили, включали и верховую езду. Владение клюшкой.

— Да.

— Возможно, вам любопытно будет узнать, что здесь есть женские команды.

— Я слышала, но…

— На самом деле «команды» — это громко сказано. Не всегда удается заполнить обе стороны поля. Чаще всего им приходится звать джентльменов, которые, боюсь, не принимают женскую игру всерьез.

Дон невольно взглянула на крупных, самоуверенных мужчин, взявших на себя ответственность за их разговор.

— Да, — сказала Ида, — вы видите наше затруднение.

Дон глянула на Иду. Та обворожительно улыбнулась и спросила:

— Сможете сыграть завтра?

Ее джинсы и рабочие ботинки вполне подошли. От Дон требовалось дополнить команду, собран-

ную для того, чтобы дочери Идиной соседки было с кем практиковаться. Играли на чьем-то «заднем дворе», где легко помещалось поле триста на двести ярдов. Помимо Дон в команду входили шестидесятилетний дядюшка, страдавший болезнью Паркинсона, но бодрый и компанейский; подросток, начавший учиться игре всего три недели назад и настолько парализованный зрелищем девичьих ягодиц в бриджах для верховой езды, что проку от него был почти ноль; и благовоспитанная девица Кэтрин, которую одолжила им другая команда, «Леди Блюз». Участницам «Леди Блюз» требовалось сыграться, для того все и затевалось. Кэтрин была из них самая неопытная и, как все новички, на поле сразу терялась.

«Леди», к их чести, тут же забили шесть голов подряд. Дон отчаялась выжать хоть что-то из своей команды и сосредоточилась на противницах. Она назначила себя беком и начала оттеснять их игрока номер один, которая атаковала напористо и неплохо владела клюшкой, однако ей недоставало маневренности. Пони у Дон был немного тугоуздый, зато быстрый, и она смогла провести несколько атак. «Леди» выиграли со счетом 8: 0.

Дон собиралась сразу после матча выйти на подъездную дорогу и сесть в машину с шофером,

которая ее сюда привезла. Не то чтобы эти люди ей не понравились, просто девушка ее статуса, ждущая внимания от таких, как «Леди Блюз», будет выглядеть исключительно жалко. Однако шофера в машине не оказалось. Ида отловила Дон, вернула ее и усадила в беседку, где цветные слуги подавали участницам матча лимонад и бутерброды с огурцом.

Рядом с Дон сидела игрок номер два, лучшая в команде «Леди Блюз» — она сегодня забила семь голов. Это была Адель, соседка Иды. По загадочным невербальным сигналам Адель и Дон определили, что симпатизируют друг другу и будут симпатизировать независимо от того, случится ли им между собой поговорить. Адель это подтвердила, а Дон ответила взаимностью через микроскопические изменения в позе и безмолвные соглашения о том, что будут и чего не будут ставить в укор. Напротив сидела Патриция, номер первый, сильно помятая и потрепанная, так как Дон, весящая на тридцать фунтов больше[8], оттесняла ее последние два чаккера.

— Мои бриджи! — воскликнула она и показала Дон несколько дырочек на ткани.

---

[8] Сноски: 8
Около 15 килограммов.

— Это крючки на ваших ботинках, — объяснила Адель и глянула вниз.

Дон увидела на своих крючках для шнурков обрывки бежевых ниток.

— Надо к следующему разу добыть Дон настоящие сапоги для верховой езды, — объявила Ида.

Дон впервые слышала о возможности следующего раза. Больше никто вроде бы не удивился.

Патриция — это был дом ее семьи — по-прежнему выглядела немного расстроенной.

Поскольку никто другой не собирался этого говорить (и поскольку ее уже пригласили играть снова), Дон сказала:

— Извините, если я слишком вас толкала. Но послушайте. Ваш пони — красавец. Я понимаю, за что вы его любите. Однако для номера первого он чересчур велик. Вы миниатюрная. Вам надо играть маневренно. Если вы не можете обогнуть бека, то вина на вас. Будь вы мужчина, вам бы на это указали. Так что указываю я.

В лагере папа захотел узнать всё. Отцовская гордость, антропологический интерес и политический гнев боролись у него в голове, порождая суммарный результат, который раздражал Дон. Дети умирали с голоду меньше чем в ста ярдах от их костра. Богатые женщины рассчитывали,

что она натренирует им команду по конному поло. И она втянута в операцию по доставке двух дюжин пистолетов-пулеметов в столицу, где с их помощью как-то свергнут правительство. Для папы она была готова на что угодно, кроме одного: печься о его чувствах.

— Я снова поеду туда в среду. Они готовятся к товарищескому матчу в субботу, а им еще учиться и учиться.

— Какая жалость, если они не сумеют блеснуть, — сказал папа.

Дон злила его ирония. Она знала, как это выглядит в его глазах: она пустоголовая девчонка, отвлекается на пустяки, недостаточно внимательна к требованиям мировой пролетарской революции. Однако нельзя было отвертеться от факта, что общение с Билли Бахом и «Леди Блюз» увлекало ее несравнимо больше происходящего в лагере Маркс. Исключением, подтверждающим правило, был Немой Эл, который по-прежнему пожирал ее глазами и вроде бы интересовался ее мыслями. Дон понятия не имела, подкатит ли к ней Эл в ближайшее время, но вынужденно признавала, что это было бы куда проще и менее чревато крахом, чем ее попытки быть девушкой Билли или подругой Адель.

— Ты хотел, чтобы я обратила на себя внимание миссис Колхаун. Так и вышло. Если хочешь, могу подарить ей «Капитал» и прочесть нотацию.

Папа глянул обиженно, однако разговор на этом закончился, чего Дон и хотела.

С Билли Бахом она больше всего общалась по почте. В его письмах все больше и больше говорилось о технике. Автомобильные погони в фильме заново пробудили интерес Билли к моторам и колесам, пугающе откровенные постельные сцены нагнали страха. Итак, машины. Броневики и танки — будущее кавалерии. Вместо выгребания навоза и ухода за копытами — замена масла и выпрямление гнутых осей. Его взяли в программу обучения и скоро повысят. Возможно, таким образом он намекал на свою будущую финансовую стабильность. Если так, Дон должна была почувствовать себя польщенной. Но она не чувствовала ничего. «Томми» задерживались из-за сложностей, о которых уклончиво сообщали в телеграммах. Мышцы, задействованные при верховой езде, после годового перерыва болели так, что она еле-еле могла сесть на корточки в нужнике. Ида хотела знать размер ее обуви и длину шагового шва. Дон ушла в библиотеку — единственное место,

где могла слышать собственные мысли. Бонни и Клайд залегли на дно. Заголовки криминальной хроники перетянул на себя Красавчик Флойд, расстрелявший полицейских в Канзас-Сити. У коричнево- и чернорубашечников объявился британский поклонник Освальд Мосли, который создавал у себя на родине фашистскую партию. Некий англичанин по фамилии Чедвик открыл штуку под названием нейтрон. Шлезвиг-Гольштейн собрался на следующих выборах стать нацистским. В России ожидался неурожай. Японцы делали что-то нехорошее в новой стране под названием Маньчжоу-Го.

Днем Дон сыграла чаккер с «Леди Блюз». Бедра по-прежнему болели адски. Ида не сумела добыть настоящих сапог ее размера, разжилась только черными мужскими ботинками — сойдет. Вакса пачкала бриджи противниц и была некомильфо. Но Патриция облачилась в свои потрепанные, так что неважно.

Дон полагала, что встречается с «Леди» в последний раз, однако выяснилось, что товарищеский матч пройдет в Форт-Майере перед балом, который Третий кавалерийский полк дает по случаю тридцать пятой годовщины битвы на холме Сан-Хуан. Билли уже пригласил Дон на

бал. Ида попросила ее приехать заранее и поддержать «Леди». Так что следующие два дня она делила время между контрабандой оружия и попыткой соорудить бальное платье из обносков, найденных в шатре Армии спасения. Тут Салли оказались бесценными помощницами. В лагере Маркс не с кем было обсуждать поло, и очень немногие знали о проекте по нелегальной доставке пистолетов-пулеметов Томпсона, а вот подключить Салли к созданию платья оказалось легче легкого, тем более учитывая характер мероприятия: патриотический и одновременно светский. Они даже постарались придать наряду кубинский дух. Дон во всё это не вникала.

На рассвете в субботу она в джинсах и рабочих ботинках стояла на улице перед шатром Армии спасения, — ждала Идиного шофера. Бальная экипировка была упакована в большой старый чемодан. От своих постов у входа за Дон наблюдали два рослых хакирубашечника — члены новой организации, о создании которой главнокомандующий Уотерс объявил вчера восхищенным газетчикам. Следуя примеру великих европейских вождей, он, пользуясь своим уникальным положением, начал формировать отряды, которые направят энергию безработных

на укрепление нации. Дон спрятала улыбку, когда эти двое щелкнули каблуками и отсалютовали подъехавшему за ней черному автомобилю. Один вышел и помог ей уложить чемодан в багажник.

Непростой операцией по переброске двадцати четырех пони из северовиргинских конюшен в Форт-Майер занимались люди, которым отцы девиц платили за то, что они обихаживают их лошадей и водят их машины. Более того, любезные хозяева из Форт-Майера предоставили в распоряжение дам своих рядовых, и Билли вызвался быть в их числе. Тем не менее работы у Дон было хоть отбавляй. Десять взвинченных родителей с уложенными для бала прическами пытались усадить пять богатых девушек в седло на незнакомом поле, одновременно дружески переговариваясь с зашедшими поболтать старшими офицерами. У Бланш, которая должна была играть третьим номером, приключилось женское нездоровье, о чем из дамской комнаты поступали бюллетени не менее таинственные, чем чикагские телеграммы от родственников Дон, и едва ли менее зловещие, чем известия из Шлезвиг-Гольштейна. Номером третьим обычно ставят самого неопытного члена команды, так что бедняжку заменили Кэтрин, их запасной. Дон

в своих чудовищных старых джинсах и защитной рубашке, украденной у хакирубашечников, вынуждена была забраться в седло и показать Кэтрин несколько основных движений. Кроме того, требовалось размять пони, чтобы те привыкли к новой обстановке и запахам. За этим занятием Дон начала ловить на себе любопытные взгляды кавалеристов, рассаживающихся на трибунах. Билли и вовсе не сводил с нее глаз. От этого и от обычных движений при верховой езде ей сделалось жарко.

На поле выехали противники. Форт-Майер мог бы выставить сильнейшую команду и компенсировать это огромным гандикапом, но тогда бы игра шла в одни ворота и зрители заскучали. Вместо этого с их стороны выступали хорошие игроки, но не такие, чтобы сразу раздавить соперниц. Седоусый полковник Нанн. Британский офицер Гатакр, прикомандированный к американцам для взаимодействия. Лейтенант Асквит на исключительно хорошей лошади. И миссис Пирс, жена одного из офицеров Третьего кавалерийского полка, большая энтузиастка женского поло и приятельница девушек из «Леди Блюз».

Наконец игроки заняли места на поле, а конюхи увели запасных лошадей в конюшню. Дон нашла

в углу трибуны удобное место, чтобы стоять и смотреть. Прозвучала речь о том, что к матчу не следует относиться чересчур серьезно — это просто забава и тренировка для новых игроков. Лица «Леди» выражали что угодно, кроме веселости. «К черту! — воскликнул лейтенант Аксвит, молодой человек на великолепной лошади. — Я надеялся улучшить мой гандикап!» Всю разминку Асквит гарцевал возле «Леди», давая непрошеные советы. В основном он показывал, как держать клюшки, для чего требовалось часто брать девушек за руку и поглаживать по плечику. Время от времени он отвлекался от этого полезного занятия, чтобы подскакать к товарищам, сидевшим вместе, и отпустить замечание, за которым следовал взрыв скабрезного смеха. Они аплодировали и кричали всякий раз, как Асквит находил повод промчаться мимо во весь опор. Тем не менее Дон не назвала бы лейтенанта хорошим наездником. Было что-то неправильное в его посадке. Он слишком скованно и жестко держал повод — если никто не вправит ему мозги, он быстро испортит своему красавцу-пони рот. Жестокости, которую здешняя конелюбивая публика заметила бы сразу, он не проявлял, но его нечуткость могла в конечном счете травмировать лошадь хуже, чем

если бы ее били. Оставалось предположить, что Асквит привез с собой слуг, опытных конюхов, и те упорным трудом устраняют ущерб, который он каждую минуту в седле наносит дрессуре пони. Дон удивляло, что его друзья этого как будто не замечают. Что за кавалерия берет на службу таких офицеров? И тут она сообразила: это новая поросль. Им предстоит воевать на машинах и танках, которые будет обслуживать Билли. Весь лошадиный мир станет анахронизмом, как пудреные парики, поэтому не имеет значения, хороший ли ты наездник.

Матч проходил неплохо, обе команды время от времени показывали отличную игру. Зрители начали обсуждать манеру отдельных игроков, затем бурно на нее реагировать. Патриция сменила призового скакуна на неказистого, но проворного пони и ловко объезжала полковника Нанна, когда тот без особого напора пытался ее теснить. Гола она не забила ни одного — забивала Адель, — зато хорошо передавала мячи, посланные ей Аделью и беком «Леди Блюз», крепкой, решительной студенткой Ирен. Ирен, впрочем, в основном была занята тем, чтобы блокировать Асквита, игравшего вторым номером. Забивал он немного — видимо, ему было приказано не

усердствовать, — но лихо носился по полю. Дон не понимала, делает ли это Асквит для того, чтобы посмешить публику, и глянула на Гатакра, британского офицера. Хотя тот наблюдал за Асквитом с непроницаемым лицом, Дон подозревала, что внутри его душит ненависть. Свою предопределенную игрой участь — он был номером первым, так что его толкала и теснила Ирен, — Гатакр сносил безропотно. Во время затишья он, видимо, подбрасывал Ирен советы — указывал руками и что-то оживленно говорил, а Ирен смотрела и задавала толковые вопросы.

Судя по тому, как переглядывались Ида и миссис Пирс, матч полностью оправдывал их надежды. Так шло до финальных секунд пятого чаккера. Кэтрин скакала за мячом. Ирен была на три корпуса позади нее, готовая принять пас назад, который передала бы Патриции — та наконец оторвалась от вымотанного полковника Нанна. Кэтрин, неуверенная в себе, поминутно оглядывалась через плечо на Ирен, просчитывая удар. Тут перед нею возник Асквит, до опасного близко к фолу из-за агрессивности натиска и неспособности сдержать возбужденную лошадь. Все пошло не так. Пони Кэтрин резко остановился, и ее удар пришелся мимо мяча. Ирен продолжала скакать

вперед — быть может, рассчитывала подобрать мяч. Судья засвистел; собирался ли он засчитать Асквиту фол или дать сигнал о конце чаккера, неизвестно. Кэтрин его не услышала. Она вновь попыталась сделать пас и опять промахнулась. Клюшка по инерции ушла назад — прямо в лицо Ирен. Раздался хруст, трибуны взвыли. Ирен, обеими руками держась за лицо, стойко развернула лошадь коленями. Дон, видевшую худшее, реакция зрителей заинтересовала не меньше, чем медицинские/стоматологические последствия. Она поглядывала на группу старших офицеров Третьего кавалерийского, майоров и полковников, которых явно загнали сюда силком. Поначалу они скучали, потом увлеклись игрой и личностями игроков не меньше остальных и теперь искренне огорчились из-за бедняжки Ирен, которая успела стать общей любимицей.

Вердикт гласил, что Ирен может лишиться зуба (или нескольких) и ее надо срочно везти к дантисту. Кэтрин была чуть ли не в худшем состоянии, чем Ирен, и ее пришлось долго успокаивать. Перерыв перед шестым (последним) чаккером удлинили, чтобы «Леди» сделали замену. Майор из Третьего кавалерийского представился и учтивейшим образом спросил, может ли быть

полезен.

Ида и миссис Пирс зазвали Дон в кладовку.

— Мы можем поставить на место Ирен добровольца из числа зрителей, — сказала Ида, — и сделаем так, если придется. Но…

И она взглядом как будто передала мяч миссис Пирс.

— Миссис Колхаун говорит, вы умеете играть, — сказала миссис Пирс с впечатляющим южным акцентом. — На неподходящий наряд можно закрыть глаза. Мне не хочется принимать рыцарственный жест, я бы предпочла, чтобы матч доиграли чисто девичьим составом. Вы готовы?

Дон была готова. Она заняла позицию бека вместо Ирен. Зрители, которые поначалу скучали, потом заинтересовались, потом стенали из-за приключившейся с Ирен драмы, теперь оживились при появлении загадочной девушки в джинсах. Ей досталась лошадь покрупнее, пятнадцати ладоней в холке, но отлично выученная. Дон чувствовала, что сидит на больших деньгах. Единственной каплей дегтя была некоторая нервозность — очевидно, пони рос в деревне и никогда не видел разом больше людей, чем садится за стол для бриджа. Однако в целом он был разумный, и Дон полагала, что управится с ним.

Она намеревалась не упустить и секунды из семи минут чаккера. В последние дни на нее накатило предчувствие чего-то очень нехорошего. Она запросто может оказаться в тюрьме. Свободой и силой, которые она ощущала, сидя на великолепной лошади, надо было насладиться сполна.

Противники поначалу играли осторожно; они были огорчены из-за Ирен и ничего не знали про Дон. Она перехватила медленный пас Асквита Гатакру, развернулась и галопом поскакала по самой кромке поля, ведя мяч короткими ударами и высматривая Патрицию или Адель. Последнюю блокировал полковник Нанн — на свежем пони он снова выглядел живчиком. На пони поменьше Дон, возможно, попыталась бы развернуться и послать мяч к воротам, но побоялась рисковать на незнакомой лошади. В любом случае Адель уже оторвалась от миссис Пирс и была в самом центре поля. Дон чуть повернулась и сделала пас, быть может, чересчур сильный, но Адель сумела перехватить мяч и забросить в ворота.

Зрители восторженно завопили. Группа старших офицеров была сейчас прямо перед Дон. Пони под ней испугался криков и встал на дыбы. Дон как раз тянула поводья, чтобы развернуться, —

она успела почувствовать, что лошадь вскинется, и без особого труда удержалась в седле. Пони, уловив ее желание повернуть, задержался на задних ногах, медленно переступая по дуге. Ожидая, когда его передние копыта коснутся земли, Дон с любопытством огляделась и нечаянно поймала взгляд учтивого майора, предлагавшего выехать вместо нее. Тот отсалютовал. Руки у Дон были заняты, так что ей пришлось вместо ответа только подмигнуть. На другом конце поля сторонники Асквита добродушно подначивали его, советуя вложить в следующий удар побольше огонька.

Дон вообще-то не хотела связываться с лейтенантом Асквитом, но так вышло, что примерно через минуту она скакала за ним, когда он размахнулся и не попал по мячу, — возможно, хотел вложить в удар слишком много огонька. Дон рванула к мячу. Асквит, разворачиваясь, оказался у нее на пути. Судья засвистел и назначил штрафной. Друзья Асквита безжалостно улюлюкали. Патриция, бившая штрафной, промахнулась на несколько дюймов, так что урон понесла лишь гордость Асквита. Через минуту он отчасти себя реабилитировал, когда воспользовался глупой ошибкой Дон и забил гол, после чего подъехал к своим сторонникам для поздравлений. Те

высказали восторг сдержанно, вперемешку с оскорблениями, за которые из некоторых мест выгнали бы взашей. Каким-то образом Асквит стал главным действующим лицом на поле. Он был из тех, кому обязательно нужно пребывать в центре внимания, пусть даже и враждебного.

Минуту спустя Кэтрин отпрянула от агрессивного натиска Асквита, оставив мяч на открытом месте. Дон галопом устремилась к нему, рассчитав, что Асквит не успеет быстро поворотить пони для приличного удара. И не ошиблась. Услышав, что она приближается, и не желая уступать ей мяч, Асквит откинулся назад в седле и неловко двинул клюшкой у себя за спиной. Дон пролетела мимо правой передней ноги его лошади, чтобы подрезать с тыла. Мяч был в пределах ее досягаемости. Однако в последний миг она резко повела клюшкой вверх и зацепила клюшку Асквита, затем изо всех сил стиснула рукоять, готовясь к рывку, и отклонилась вбок — иначе клюшка выскочила бы как пробка. Асквит не удержал свою клюшку, но петля на запястье затянулась, вывернула ему руку назад и сдернула его с седла. Дон услышала глухой удар о землю за миг до того, как толпа изумленно взвыла. Впрочем, довольно скоро все затихли, поскольку Асквит не встал и

стало ясно, что у него вывихнуто плечо. После этого он получил столько внимания, сколько мог пожелать.

Матч остановили, решив, что на сегодня травм более чем достаточно. Пока девушки, у которых имелась другая одежда, переодевались, им накрывали перекус. У Дон было с собой только бальное платье, а для него время еще не пришло, так что она осталась неприкаянной. Новости об Асквите уже достигли клубного здания. Ирен эвакуировали. Бланш возлежала на диване и жалела, что не видела последних минут. Кэтрин и Патриция не знали, что сказать Дон. Однако Адель направилась прямиком к ней, обняла ее и звонко чмокнула в щеку. Ида Колхаун стояла у входа, обеими руками стискивая сумочку и поджав губы, словно всасывает цементный раствор через невидимую соломинку для коктейля. На Дон она смотрела так, будто гадает, что за исчадие ада нечаянно ввела в приличное общество. Миссис Пирс, удивительное дело, была, судя по всему, в полном восторге, но держалась на расстоянии.

Дон нечем было заняться, пока остальные переодевались, так что она выскользнула в боковую дверь клуба, обошла конюшни и зарыдала — впервые по-настоящему взахлеб с тех пор,

как умерла мать. Ее могли увидеть с дороги, так что она отвернулась к стене и дала себе полную волю.

В поле ее зрения возник носовой платок с монограммой. Дон распрямилась и выхватила его из руки в перчатке. Она прижала холодную ткань к лицу и держала, пока не овладела собой.

— Всегда советуют высморкаться. Мне не помогает.

— Вы часто плачете?

— Постоянно.

Дон отвела платок от лица, явив собеседнику красные зареванные глаза. Как она и догадалась, это был вежливый майор.

— Спасибо, — сказала Дон.

— О нет, вам спасибо, юная леди.

— За что?

— Вы спасли мою карьеру.

— Что?!

— Я уже собирался выбежать на поле и прибить Асквита.

— А, вы об этом? Я… — Что сказала бы Ида? — Чрезвычайно рада была помочь.

Он напряженно, почти свирепо улыбнулся:

— Я пришел сказать, на случай, если вы еще не знаете, что вы — потрясающая женщина. Окру-

женная, я уверен, мужчинами, не способными признать этот факт.

— Мой папаша знает. — Она всего лишь шутила.

— Каждый отец так думает. Вам нужно услышать это от кого-то еще. Если я могу чем-нибудь вам помочь или как-то вернуть долг, только скажите. Меня зовут Джордж Паттон.

— Мне придется обдумать ваше предложение, майор Паттон. Я, к слову, Дон.

— Вынуждать мужчину ждать — прерогатива дамы. А пока, я надеюсь, вы будете моей гостьей до конца дня. После ланча намечена экскурсия по новым объектам с демонстрацией, а вечером бал.

— Спасибо, я и так собиралась быть на балу.

— Какой же юный Аполлон достоин вести под руку Диану?

— Билли Бах.

Майор огорчился.

— Рядовой Бах! Неужели? Что ж, он вроде бы очень приличный малый, но совершенно вас не стоит. Если вы остановитесь на таких, как он, то однажды пожалеете, что не поберегли себя чуть дольше. Не знаю и не мое дело спрашивать, как вы дошли до того, что рыдаете за конюшней в

джинсах. Однако в одной из прошлых жизней вы были принцессой, и вам стоит об этом помнить при выборе кавалеров. Платок ваш.

Он отсалютовал, пожал ей руку и ушел прочь.

Билли куда-то испарился, делать ей было нечего. Она приняла приглашение Паттона и таким образом оказалась в группе из примерно двадцати важных вашингтонских шишек. Женщины обращали на нее внимание одного сорта, мужчины — другого. В итоге никто из них с ней не разговаривал, что Дон находила вполне разумным.

Сперва они сидели на трибунах и смотрели, как наездники выполняют гимнастические трюки на лошадях — Дон про такое слышала, но никогда не видела. Трюки выглядели забавными спортивными упражнениями, но она угадывала за ними приемы, служившие рыцарям в конном бою.

Потом некоторое время катались по базе, обозревая виды, и, наконец, очутились в той части Форт-Майера, где Дон прежде не бывала, — у ряда хозяйственных построек за Арсеналом. Они выглядели заброшенными и неуместными, хотя подгнившие доски заменили новыми и освежили краску. Паттон, который до этой минуты ехал на заднем сиденье открытого автомобиля и ничего

не делал, только читал документы, которые подавал ему адъютант, теперь вылез из машины и предложил гостям либо остаться на удобных сиденьях, либо выйти и размять ноги — кому что больше хочется. Дон была в числе немногих женщин, решивших выйти. Паттон уже ждал, чтобы подать ей руку в перчатке и помочь сойти с подножки.

— Убежден, что могу положиться на всех присутствующих и никто из вас не станет распространяться о том, что увидит, — сказал Паттон, шагая к низкому строению, по виду — бывшей конюшне. — Газетчики, если пронюхают, все переврут. Всякий знающий меня знает, что я люблю лошадей, как никто из *мужчин*. — Подчеркивая это слово, он подмигнул Дон. — Поэтому я не хочу, чтобы вы сочли это отречением от традиций конной кавалерии. Но дело в том, дамы и господа, что в следующей войне армия на гром канонады поедет на колесах.

Он остановился перед первой дверью конюшни и дождался, когда гости выстроятся перед ним.

— Мы не намерены оставаться в хвосте, когда придет этот страшный день. Вы можете спросить, как такое развитие согласуется с тем, что мы в Форт-Майере — маленькой военной базе посреди

большого города. Да, танковую дивизию здесь не разместишь. Однако многие гражданские даже не подозревают, насколько хорошо бронированные машины годятся для уличных боев. — Он сделал эффектную паузу, потом широко улыбнулся. — Я слышу, вы говорите: «Уличные бои! Что за глупости, майор Паттон? Мы в Соединенных Штатах Америки!» Что ж, возможно, вам любопытно будет узнать, что меньше чем в пяти милях по прямой отсюда, на расстоянии короткого перехода от Капитолия и Белого дома, развернут вооруженный армейский лагерь двадцатитысячной армии, состоящей по большей части из закаленных боями ветеранов. В эту организацию внедрились коммунисты, получающие приказы напрямик из Коминтерна в Москве. Это очень тревожное положение, как, надеюсь, вы со мной согласитесь. При чем тут Третий кавалерийский полк, спросите вы. Что ж, во-первых, мы тесно сотрудничаем с немецкими коллегами, которые после войны столкнулись с похожей опасностью во многих своих городах. Методом проб и ошибок они нашли оружие и тактику, позволяющие разгромить коммуняк раз и навсегда, чтобы те больше не поднялись. Эти методы и оружие они передали новому корпусу, который назвали

«Ландесъегер» — национальные охотники или егеря нации, как вам больше по вкусу. Немцы умеют лепить слова, они набивают их как сосиски. Ландесъегерцы любезно объяснили нам, что и как надо делать. Так что когда президент Гувер пригласил генерала Макартура в Овальный кабинет и выразил озабоченность по поводу большевистской угрозы, мы уже знали, что нам нужно. Ребята, покажите нашим гостям американский «Ландесъегер».

Солдаты, ждавшие внутри, распахнули ворота, зажглось электричество, и взгляду открылся ряд новеньких блестящих машин. Взревели моторы, машины выкатились на свежий гравий. По меньшей мере сто человек пряталось внутри, и они выдвигались эшелонами: сперва шоферы, моторизованная кавалерия с «томми», автоматическими винтовками Браунинга и ружьями на подножках, артиллеристы и танкисты за рычагами больших орудий, за техникой — колонны пешей кавалерии, а сзади, в отверстой пасти конюшни — механики. Дон, еще недавно гадавшая, куда подевался Билли, почти не смела туда глядеть. Однако человека его роста не заметить трудно. Билли был не больше чем в десяти шагах от нее и смотрел прямо перед собой, но скосил

глаза, чтобы узреть ошеломляющее видение: Дон, дочь коммуниста, рядом с майором Паттоном.

— Ладный молодец, в этом ему не откажешь, — заметил Паттон, обращаясь к ней одной.

— Именно это я вроде как пытался тебе сказать, — шепнул ей Билли несколько часов спустя, во время первого танца.

— Что ж, — ответила Дон, — в некоторые вещи, наверное, не поверишь, пока не увидишь.

— Они тут правда настроены серьезно.

— Я поняла.

— Майор Паттон говорит, просто дать несколько залпов, пугнуть, чтобы разбежались, — это только воздух зря сотрясать. Они скоро снова осмелеют. А когда дым рассеется — что ж, у них будет парочка мучеников. Он говорит, нужен показательный урок. Массовые жертвы.

Дон была практически уверена, что они — единственная в бальной зале пара, обсуждающая массовые жертвы.

Разумеется, она еще никогда не бывала на балу. Несмотря на все усилия заботливых Салли, платье на ней было убогое, из драгоценностей — только медальон Смольного института, единственное ее украшение. Лицо и прическа явственно говорили, что она провела день в седле. Дон чувствовала,

что на нее многие смотрят. Не потому, как она выглядит, но из-за того, что произошло раньше.

— Зацепить клюшку лейтенанта Асквита и сдернуть его с лошади было очень грубо, на грани фола, а также противно духу и традициям игры, — сказал Гатакр, танцуя с Дон. — Хотел бы я сам это сделать — и чтобы мне сошло с рук!

Позже полковник Нанн тоже с ней танцевал, хотя говорил мало. Миссис Пирс подошла обменяться любезностями. Все это плюс внимание майора Паттона вроде бы сгладило случившееся. Распорядитель объявлял новых и новых гостей, каждая следующая пара была значительнее предыдущей. Постепенно Дон забыли — все внимание переключилось на сенаторов, послов, генералов и богатых невест. Генерал Макартур, начальник штаба сухопутных войск, пришел со своим адъютантом, Эйзенхауэром; оба были с женами. Кружа в медленных танцах с Билли и некоторыми другими рядовыми, Дон разглядывала их всех. Макартур держался холодно и надменно, Паттон и Эйзенхауэр общались по-свойски и беседовали, как подозревала Дон, о танках.

— Мы с вами воины, — шепнул ей на ухо Паттон во время танца. — Потому-то и узнаём друг

друга, как если бы сражались бок о бок в некой древней битве. Люди не знают, как с нами быть. Во время войны мы им нужны. Между войнами мы должны искать себе место либо достойно самоустраняться.

Танец требовал, чтобы они разошлись на несколько шагов. Дон продолжала смотреть на Паттона. Она и раньше встречала таких людей. Он будет вещать в том же духе, принимая молчание за согласие. А она молчала. Не потому, что соглашалась, а потому, что он говорил так странно и она не знала, как на это ответить.

— Мне как мужчине в армии мирного времени приходится непросто, — продолжил он, когда они снова сошлись. — Понятия не имею, что посоветовать вам как женщине. Боюсь, мы с вами в эту цивилизацию не вписываемся, и я говорю это в укор цивилизации.

Дон чувствовала, что он почти невменяем. Однако все это было не сюрреалистичней бала и остального происходящего. Паттон говорил прямо, и ей это нравилось. Пусть даже он немножко псих, его теории что-то объясняли про Дон и ее место в мире лучше, чем это получалось у папы. Жалко, что он собрался перебить Дон и ее друзей.

— Обо мне не беспокойтесь, — ответила она. — Я знаю, где, возможно, буду ко двору.

— Что ж, в таком случае это местечко, каких поискать.

Паттон проводил ее туда, где она стояла прежде. Идти было далеко, и все на них смотрели. Больше из-за Паттона, чем из-за нее. Дон понимала, что о ней уже почти забыли, и ей хотелось, чтобы поскорее забыли совсем.

— Ты боишься, ведь правда, — сказала она Билли во время последнего танца, — что меня арестуют или моя фотография попадет в газеты, Паттон обо всем узнает и у тебя будут неприятности. Так вот, не беспокойся. У него передо мной должок.

— Я куда сильнее боюсь, что тебя убьют, — ответил Билли.

Дон взяла ночное такси до лагеря Маркс. Если Коминтерн выразит недовольство, можно в оправдание представить разведданные, купленные этой ничтожной ценой. Боялась же она, совсем как школьница, что придется вылезать в бальном платье на глазах у хакирубашечников у входа. Однако те отчего-то бросили свой пост. Таксист оставил Дон с чемоданом перед темным шатром Армии спасения. В лагере слышались

крики, во влажном воздухе над поймой блуждали огни. Дон прошла через шатер, где пахло пылью от библиотечных книг, духами и нафталином — от пожертвованной одежды. Со стороны помоста доносились ритмичные выкрики, толпа хором считала: «…одиннадцать… двенадцать… тринадцать… четырнадцать… ПЯТНАДЦАТЬ!»

Дон раздвинула полы шатра и увидела, что помост освещен фарами автомобилей и грузовиков. На помосте стоял главнокомандующий Уотерс в галифе и черных сапогах, которые носил с создания организации хакирубашечников. Вокруг него расположились главные любимчики. Все они смотрели на происходящее прямо перед помостом, что-то, чего Дон не видела за скоплением народа. Ревущая толпа вновь хором досчитала до пятнадцати и разразилась криками «ура». У главнокомандующего Уотерса была под мышкой офицерская тросточка — он указал ей на что-то внизу, и через несколько мгновений счет возобновился. Какой-то танец или игра? Люди орали, как пьяные, хотя спиртное в лагере было под строгим запретом. Она добралась до края толпы, но там никто толком не знал, что происходит, кроме того, что дело в красных. Дон продолжала проталкиваться, пока перед глазами и вправду

не заплясали красные пятна, а за спинами людей не начало угадываться нечто жуткое, хотя и малопонятное.

Наконец она пробилась вперед и увидела все разом: шесть человек, голых по пояс и привязанных за вздернутые руки к ограждению помоста. Некоторые из шестерых были черные, некоторые — белые. Кровь бежала из параллельных рубцов у них на спине, заливая верхнюю часть брюк. Одного хлестал рослый мужик, сбросивший рубашку хаки, чтобы не забрызгать ее кровью. «Шесть… семь… восемь…» — орала толпа. В свете фар Дон видела оскаленные ухмылки.

Били ее папу. Остальных Дон тоже узнала — Немого Эла, Букера, всех, с кем она делила кров.

Папа извивался и выплясывал на веревке, словно выброшенная на берег рыба. Дон знала — это не от ударов, а от того, что ему трудно дышать. Она бросилась к нему. «Десять… одиннадцать… двенадцать…»

В такси, по пути сюда, она думала о том мгновении матча, когда что-то толкнуло ее не ударить по мячу, а зацепить Асквита и сбросить того с лошади. Отчего она так поступила? У Паттона была теория. Занятная и по-своему для нее лестная. На площадке для поло это было вполне

ничего. Но что будет сейчас, если она добежит до рослого мужика на счет «тринадцать» или «четырнадцать»?

Этого Дон так и не узнала, потому что кто-то, скача в подобии экстатического танца, случайно наступил ей на подол. Дон рухнула на бок, услышала треск рвущейся ткани, почувствовала коленом чавкающую грязь. Когда она с трудом поднялась, от юбки осталась только половина, одной туфли не было. Дон сбросила вторую и побежала к папе. Уотерс повел тросточкой; те, кто стоял рядом с ним, подбежали к перилам и встали на колени, чтобы перочинными ножами разрезать веревки. Когда папину веревку перерезали, он повалился окровавленной спиной на руки Дон. Она не устояла на ногах, они вместе упали в грязь, папа сверху, судорожно дыша. Дон глянула вверх и увидела летящие в них плевки.

— Там есть один человек, Паттон, остальные не важны. Паттон — убийца, он дни напролет думает, как нас раздавить. У него есть орудие на грузовике, которое стреляет патронами размером в мою руку. Бронированные машины, из которых во все стороны торчат пулеметные дула — тридцатый калибр для людей, пятидесятый, — для зданий и машин. — Дон не упомянула, что

Паттон ею пленился, поскольку это не имело отношения к делу и было бы плохо воспринято ее слушателями — центральным комитетом РЛБВ, собравшимся на пленарное заседание в подвале разрушенной ТЭЦ в нескольких кварталах от Белого дома. — Если вы двинетесь против него, вас всех убьют.

— Мы знаем про Паттона, — сказал папа. Он мог говорить только тихим голосом, но это лишь придавало его словам весомости и заставляло остальных слушать очень внимательно. — Да его бы в живых не было, если бы не Джо Анджело, который вытащил его из бомбовой воронки после того, как он словил осколок в задницу. Джо Анджело, который голодает сейчас в лагере Маркс.

Последняя фраза, впрочем, утонула в хохоте из-за раненного в жопу майора Паттона. Дон вынуждена была отдать папе должное — умел он подпустить пропагандистскую остроту. Мало кто здесь слышал про Паттона. Никто его не видел. Попытку Дон их напугать подавила в зародыше папина шутка — теперь при упоминании Паттона они будут вспоминать про его смешную рану, а не про арсенал 75-миллиметровых снарядов.

Папа, видимо, прочел это на ее лице, потому что, когда все отсмеялись, он продолжил:

— Я не отрицаю, что он убийца. Но это не монополия буржуазии. Вспомни героев Великой Октябрьской социалистической революции.

— Их здесь нет.

— Они *здесь*, просто их время еще не пришло.

— Их время пришло вечером субботы.

Был вторник. Субботу и воскресенье они пытались оклематься после исхода из Анакостии — шесть полуголых, истекающих кровью мужчин, несколько их сторонников и Дон, босая, в окровавленных обрывках бального платья. Забрать вещи им не дали. Папа лишился пиджака с зашитыми в подкладку деньгами. Дон потеряла чемодан с джинсами и ботинками для верховой езды. Сейчас она была в мужской одежде.

Впрочем, она должна была признать, что из штаба РЛБВ картина выглядела иначе. В городе тысячи коммунистов. Почти все предпочли уважать антикрасную политику лагеря Маркс и поселились в сквоте РЛБВ ближе к центру событий. Папина маленькая ячейка в лагере Маркс была одиноким форпостом с гарнизоном из фанатиков. Дон его затея с каждым днем казалась все более безнадежной. Зачем добывать две дюжины «томми» для шестерых? Теперь их вновь приняла в свои объятия небольшая армия большевиков,

беззаветно преданных делу революции. Здесь папины рассказы выглядели более вменяемыми. Дон понимала, отчего людям, прожившим на этом красном островке несколько недель и не видевшим Форт-Майера с его ландесъегером, будущее рисуется в радужных тонах. Здесь были коммунисты из Детройта, Сент-Луиса, Сиэтла, Сан-Франциско — столько и все такие яркие личности, что у нее голова шла кругом от одной попытки в них разобраться. Один, высокий блондин, итальянец из Хартфорда, определенно не желавший выслушивать девчачьи советы, вмешался в разговор:

— Думаешь, мы приехали сюда, не ведая, что у сил капитала есть наймиты-убийцы и мы с ними столкнемся? Ты нас за детей держишь?

Позже, когда они с папой вдвоем вышли подышать вечерним воздухом на крыше, Дон попыталась объяснить ему не только опасность их положения, но и то, как задевают ее такие слова. Вспомнив Гришу в грузовике, она сказала:

— Я тоже не ребенок. Я видела то, о чем они не знают.

— А они видели такое, что удивило бы тебя.

Они говорили по-русски.

День был серый и промозглый, от недавнего

дождя на плоской крыше остались лужи. Сейчас вечернее солнце пробилось из-за туч и заливало янтарным светом монумент Вашингтону в нескольких кварталах к северо-западу, подчеркивая границу примерно на трети высоты, где работы остановились на время войны Севера и Юга. Город был тих. Конгресс ушел на летние каникулы, не выделив ветеранам их бонусов. Внизу изредка шуршали по мелким лужам шины автомобилей. Вечерок выдался довольно приятный. Следующий день обещал быть удушливо-жарким.

— У всех у нас есть что сказать полезного, — настаивала Дон. — Хорошо бы мои сведения принимали всерьез.

— Уровень подробностей в твоем отчете впечатляет, — сказал папа.

— Спасибо.

— Скептик полюбопытствовал бы, отчего тебе позволили увидеть так много.

Эти слова ошарашили ее как ничто другое со дня их отъезда из Чикаго. Минуту она молчала, обдумывая, как эпизод в Форт-Майере может быть превратно понят… и даже непременно будет превратно понят особым типом параноидального византийски-большевистского ума. Такого, как

у ее отца.

И она поняла, что этого никакими силами не исправить. Потому что все произошло по череде случайностей. Ида узнала ее шляпку. Ирен получила клюшкой в физиономию. Асквит упал с лошади. А Паттон — очень странный человек. Не просто очень странный, но именно такого рода, какой коммунистам труднее всего понять. Или хотя бы принять всерьез.

Она пересказала им кое-что из своего разговора с Паттоном. Не дикие слова про реинкарнацию и воителей. Только то, что объясняло, отчего ее взяли на экскурсию.

— Это было подстроено, — сказал папа. — Паттон знает, кто ты. Откуда ты. Среди нас есть шпион.

Беда была в том, что она выпустила дикие слова, а без них история утеряла правдоподобность. В каком-то смысле это не папина вина, что он не поверил.

— Все, сказанное тебе Паттоном, — тактика, чтобы затащить тебя к гаражу и показать их жестянки и чтобы ты вернулась и напугала нас до потери сознания. Сломить наш дух, подавить пролетарскую революцию до того, как она началась.

Дон знала, что он скажет дальше: что казаки и

Дикая дивизия отказались стрелять по рабочим в Петрограде.

— Твой приятель Билли, те солдаты с «томпсонами» на подножках бронированных автомобилей — они не так уж отличаются от казаков. Вообрази, каким подспорьем нам станут бронированные автомобили, когда шоферы наконец поймут, что для них лучше!

Дон сдалась. И папа, как Паттон, счел ее молчание знаком согласия. Но нет. Она знала, что папа неправ. Дело было даже не в том, что он считал ее малолетней дурочкой. Это обижало. Но она к такому привыкла. Выслушивать нравоучительные наставления — часть детства, которую она с радостью оставила бы позади. Суть заключалась в том, чего папа никогда не узнает и понять не сможет: то, что сказал Паттон, придало ее жизни смысл и указало цель, в которой она нуждалась, даже не сознавая, что ей чего-то недостает. Согласиться, что Паттон всего лишь водил ее за нос, значило отбросить новообретенное достоинство и цель. С утратой бального платья Дон могла смириться, а с таким — нет.

Папа смотрел на нее, пытаясь понять, дошли ли его слова. Они дошли, но не так, как он хотел. Он выглядел жалким, уязвимым, и Дон подумала,

что тут примешивается и ревность — не к Билли как ухажеру, а к Паттону как отцу. Быть может, папа чувствовал или даже знал, что он ей вовсе не отец. Дон улыбнулась, бережно обняла его за шею и поцеловала в щеку.

По-видимому, его это успокоило.

— А теперь, — сказал он, — насчет поставки из Чикаго.

У революционно настроенных интеллектуалов-коммунистов, как у всех остальных людей, есть сильные и слабые стороны. Определенно вторые проявились во всей красе при решении задачи, как перевезти партию «томпсонов» на расстояние четыре мили по прямой с Потомакской грузовой станции в сквот РЛБВ на юго-западе Вашингтона между Смитсоновским музеем и Приливным бассейном. Автоматы ехали из Чикаго в тюке с «пожертвованной» одеждой на паллете четыре на четыре фута. Симпатизирующие Бонусной армии работники станции должны были присмотреть за грузом, пока за ним не явится какая-нибудь Салли. До сих пор все было совершенно обыденно — оттого-то они и выбрали этот способ. Пожертвования привозили все время.

Обратной стороной обыденности, однако, была

опасная вероятность, что их груз спутают с другими такими же. Одежду, еду и прочее доставляли на Потомакскую грузовую станцию каждый день. Добровольные помощники БЭКа забирали это всё в зависимости от того, когда удавалось выхлопотать грузовики, и везли через реку в лагерь Маркс, где выгружали на импровизированном складе.

Как только Дон получила из Чикаго извещение, что груз едет, ее начал преследовать кошмар: что будет, если железнодорожные рабочие по доброте душевной забросят палету в ближайшую машину, идущую в лагерь Маркс. Поскольку груз состоит якобы из благотворительной одежды, он окажется в шатре Армии спасения, где Салли вскроют тюк и начнут разбирать вещи. Это было бы довольно плохо, живи Дон и ее товарищи в лагере Маркс, но их ведь оттуда выгнали.

Первым делом требовалось достать грузовик. И приехать на Потомакскую станцию по возможности сразу после того, как тюк окажется на месте. Тут, по крайней мере, была их сильная сторона: каждый железнодорожный узел Америки кишел людьми из кочевого племени, знающего о расписании поездов столько же, сколь асквиты и паттоны сего мира о лошадях. Из коммунистиче-

ской наличности пообещали небольшую награду, так что о прибытии поезда и о месте стоянки конкретного вагона им должны были сообщить в течение часа.

Раздобыть грузовик, по всему, труда не составляло. Немой Эл вышел на безработного водителя из Балтимора — тот обещал приехать по первому зову и выполнить поручение в качестве взноса в общее дело. Им предстояло заплатить только за бензин. Дон поедет с ним в кабине. Она уже забирала благотворительные грузы, ее узнают и не удивятся, что она приехала за тюком пожертвованной одежды. Многое все равно могло пойти не так, но ничего лучше они в этих условиях придумать не сумели.

В ожидании прибытия поезда Дон отправилась по магазинам. Она сбежала из лагеря Маркс в разорванном платье. Кроме того, требовалось купить одежду для шести человек, оказавшихся в сквоте полуголыми и окровавленными. Папа положил сколько-то денег в банк, но не мог пойти за ними в нынешнем виде. Так что снова предстояло карабкаться.

У Джона Пейса деньги были, но ему требовалось решить, допустимы ли подобные траты, когда у него на руках пара тысяч голодных коммунистов.

Именно о таких вопросах коммунисты любили спорить на своих восьмичасовых собраниях. Споры обычно заходили в тупик, и какой-нибудь напористый вожак силой решал их в свою пользу.

Пейс, стойкий детройтский коммунист и бывший морпех, стал главой РЛБВ после уже почти легендарного отчаянного путешествия в Вашингтон, когда ему пришлось на каждом шагу уворачиваться от копов. Позже он стал водить своих людей в прямые атаки на Белый дом, но обнаружилось, что Белый дом окружен кордоном, ворота заперты, повсюду пикеты Секретной службы и полиции, а копы останавливают всех еще на соседних улицах.

Однако приличного вида девушка вполне могла бы пройти и провести разведку.

Пейс не стеснялся привлекать к работе женщин. Почти напрашивался вывод, что он за время военной службы полностью разочаровался в мужиках и теперь готов дать шанс женскому полу, а то и вовсе заменить им мужской. Среди его лучших вербовщиков было немало девушек из Лиги молодых коммунистов. Он без колебаний выдал Дон наличные и поручил купить одежду взамен той, что осталась в лагере Маркс, в том

числе «наряд Салли» для нее и что-нибудь, в чем папа сможет пойти в банк, где снимет коминтерновские доллары, из которых вернет Пейсу долг вместе с щедрой надбавкой — она и пойдет на закупку муки и картошки.

Ничто в сквоте РЛБВ не оставалось тайной, так что Дон слышала недовольные голоса — дурость, мол, тратить их скудные деньги на буржуйские финтифлюшки. Однако красный бывший морпех остается бывшим морпехом, и Пейс подавил раскол жестко, даже жестоко.

— На обратном пути сверни в Белый дом, — крикнул он вслед Дон, — загляни к Гуверу и спроси, нет ли у него свободного места в парке Эллипс, а то у нас тут стало немного тесновато.

Он выразительно глянул разом и на беженцев из лагеря Маркс, и на недовольных в собственных рядах.

В одолженных брюках и мужской рубашке Дон зашагала на север по Двенадцатой стрит — одной из улиц, пересекающих Национальную аллею. Она обошла маленький чудной замок Смитсоновского музея справа и увидела впереди Капитолий. Перейдя Национальную аллею, Дон оказалась в треугольнике между Конститьюшн-авеню и Пенсильвания-авеню. Эти трущобы из обреченных

на снос пустующих коммерческих зданий (на их месте планировалось возвести правительственный комплекс) целиком захватили бездомные ветераны и другие сквоттеры. Дон страшновато было бы здесь идти, не будь в тот день на улице столько полицейских.

К северу от Пенсильвания-авеню начался район поприличнее: с офисами, банками, аптеками и кафешками для офисных служащих. Дон повернула на восток, в сторону Чайнатауна. Если долго идти в этом направлении, она добралась бы до вокзала Юнион-Стейшн с заманчивым выбором поездов куда угодно. По пути, если знать, куда смотреть, можно было найти несколько магазинчиков, торгующих подержанными вещами — единственным, что бодро продавалось в нынешнее время.

Через три часа Дон вышла с другого конца Чайнатауна, одетая как нормальная человеческая женщина своей эпохи. В обеих руках у нее болтались пакеты с брюками, рубашками и нижним бельем для папы, Букера, Эла и остальных, кое-какими мелочами по заказу Джона Пейса и нитками-иголками, о которых просили женщины. За плечо был закинут длинный сверток, купленный по наитию в ломбарде.

Теперь предстояло выполнить следующее поручение — разведать подходы к Белому дому далеко в той стороне, откуда она пришла. Дон решила пойти на юг по Третьей стрит к западному фасаду Капитолия. Таким образом она попадала на Пенсильвания-авеню, а там через тринадцать кварталов на запад-северо-запад будет и Белый дом. Кроме того, этим маршрутом ей предстояло пройти мимо лагеря Гласфорд, где в брошенном автосалоне «Форда» и пустующем армейском складе в каких-то двух тысячах футов от ротонды Капитолия располагался штаб главнокомандующего Уотерса. Найти его было нетрудно, поскольку автосалон окружали краны с болтающимися на канатах чугунными бабами, видимые за несколько кварталов. Чугунные бабы бездействовали, так как несколько недель назад определенное под снос здание захватили ветераны. Уотерс выставил на улице пикеты хакирубашечников. Дон, подходя ближе, ощутила легкое беспокойство — вдруг кто-нибудь из них узнает в ней коммунистку, которую двумя днями раньше вышвырнули из лагеря Маркс. И одновременно ей нравилась идея поддразнить их в таком месте, где они не смогут устроить военно-полевой суд. Впрочем, как оказалось, все они

были заняты — курили и болтали с местными копами, так что на нее внимания не обратили. По последним сведениям, Уотерс договорился с властями и пообещал завтра частично освободить здание, так что им было что обсуждать.

Дон по Седьмой стрит вернулась к Национальной аллее и прошла наискосок к Смитсоновскому музею. Всего в нескольких кварталах за ним располагался сквот РЛБВ. Там Дон оставила покупки дожидавшимся. Папе она отдала костюм — подержанный, не по размеру, но достаточно респектабельный, чтобы его не вышвырнули из банка. Впрочем, папа лишь мельком глянул на одежду, поскольку был занят разговором с бродягой. Тот несколько минут назад принес с Потомакской станции новость: прибыл их груз из Чикаго.

Если честно, Дон отчасти надеялась, что все пойдет наперекосяк и «томми» обнаружат изумленные Салли в лагере Маркс. Ничто в грузе не позволило бы связать его с Дон, ее отцом или их сообщниками в Чикаго. Оружие, скорее всего, передали бы копам, так что оно не досталось бы папе, Джону Пейсу и витающим в облаках коммунистам под их началом.

Увы, все прошло без сучка, без задоринки. В

10:00 погожего июльского утра Дон сидела на пассажирском сиденье безбортового грузовика, отъезжающего от Потомакской станции с закрепленной на платформе палетой. В криминальной хронике о таком пишут «бесследно скрылись с места преступления». На коленях у Дон лежал длинный узкий пакет с приобретенной в ломбарде вещью.

Куда ехать дальше, решили чуть ли не в последнюю минуту. Папа и остальные, еще не совсем оправившиеся после экзекуции в лагере Маркс, предлагали планы один бредовее другого. Дон, слушая их, мало-помалу поняла: они просто не представляют, насколько груз большой и тяжелый. Один барабан к «томпсону», заряженный патронами сорок пятого калибра, весит десять фунтов. Сам пистолет-пулемет — еще десять. Из Чикаго отправили две дюжины «томми» и четыре дюжины заряженных магазинов. Уже получается больше семисот фунтов. Одежда, в которую они упрятаны, — еще несколько сотен фунтов. Палета четыре фута на четыре, шесть футов высотой, забита досками и фанерой — она одна потянет минимум фунтов на сто. Ничего из этого собравшиеся в комнате не учитывали. Очевидно, тюк нельзя было вскрывать на стан-

ции — его следовало куда-то отвезти. В какое-то надежное тайное место, достаточно большое, чтобы распотрошить тюк и достать оружие. Только оттуда оружие можно будет перевозить, по несколько стволов зараз, в сквот РЛБВ и раздавать тем двадцати четырем людям, которых папа и Джон Пейс сочтут самыми боеспособными.

Из всех мужчин в комнате практическую сторону понимали только Немой Эл и Джон Пейс. Однако у Джона Пейса были на руках две тысячи голодных коммунистов, и он мог слушать разговор не более пяти минут кряду. Итак, хотя Дон страшно не хотелось вознаграждать Немого Эла за масляные глазки, она наконец-то приняла тягостное решение посмотреть прямо в лицо призраку, уже недели маячившему на краю ее поля зрения. Это был почти ощутимый шок, словно коснуться провода под напряжением. Она боялась, что он будет гаже, похотливее. Но Эл лишь секунду-другую смотрел ей в глаза, а затем кивнул, как получивший приказ сержант, и обратился к собравшимся. «Дальше я сам, мэм». Дон смотрела, как Эл говорит, и, к своему ужасу, нашла его привлекательным. Он был крупнее, больше мужчина и меньше мальчишка, чем Билли Бах. Может быть, такого ее кавалера Паттон

бы одобрил.

Эл все уладил. Про оружие и грузовики они готовы были слушать исключительно мужчину. И Немой Эл, к его чести, сказал именно то, что сказала бы Дон. Что она на самом деле и говорила. Только он изложил это спокойно, тихим ровным голосом, не допускающим возражений, — и оттого, что он до тех пор почти не раскрывал рта, слова обрели силу.

Итак, они выяснили, что всего в нескольких милях на запад от Потомакской станции, на окраине Александрии, есть пустующий амбар. Достаточно близко, чтобы дойти туда за час с небольшим. Этого, впрочем, не требовалось, поскольку место было всего в полумиле от деревенской станции, через которую проходили поезда из разных частей Виргинии к вокзалу Юнион-Стейшн. Банк забрал ферму за долги и вышвырнул прежних хозяев; постройки стояли заколоченные, с объявлениями, что это собственность банка. Забраться в дом значило привлечь внимание — банковская охрана приглядывала, чтобы туда не заселились сквоттеры, — но вот спрятать что-нибудь в старом амбаре можно было без особой опаски. Чтобы не вызывать лишних подозрений, решили, что Немой Эл придет туда пешком до зари, вскроет

дверь и будет дожидаться грузовика.

Так все и произошло. Ящик был настолько тяжелый, что даже двое мужчин и Дон не могли бы его сдвинуть, поэтому, как только амбарная дверь закрылась, они вскрыли его ломом и начали бросать одежду в угол, встряхивая каждую вещь и проверяя, не завернута ли в нее какая-нибудь деталь. Некоторые части «томпсона» — деревянный приклад и ствольную коробку — длинную, увесистую стальную рельсину со сложной фрезеровкой — не заметить было бы трудно. А вот детали поменьше — тормоз-компенсатор, который надевался на дуло, и маленькая, но очень важная бронзовая штучка под названием затвор Блиша — легко могли затеряться. Слой за слоем они снимали тряпье; солнце проникало в темный амбар через щели в рассохшейся дощатой стене, и они подставляли блестящий металл под эти лезвия косого желтого света. Небольшие, но очень тяжелые магазины, беременные свинцом. Передние рукоятки — изящное резное дерево с выемками для пальцев. Спусковые рамы целиком состояли из взаимосвязанных защелок и рычагов. Дон указала, что «томпсоны» надо прислать собранными, но «собранные» — понятие относительное; их почистили от заводской смазки и

собрали в большие узлы, которые можно было в считаные мгновения защелкнуть и получить готовое к стрельбе оружие. Одну за другой Дон подавала детали Немому Элу, который раскладывал их рядами на брезенте, расстеленном на земляном полу. Шофера они отослали на станцию выпить чашку кофе и съесть кусок пирога — незачем ему на все это смотреть. К его возвращению на платформе осталась лишь пустая палета. Он взял деньги за бензин плюс добавленную Элом пятерку и уехал.

— Никогда их прежде не видел, — сказал Немой Эл, — кроме как в гангстерских фильмах, само собой.

Теперь они стояли в амбаре одни, уставившись на детали — каждой по двадцать четыре штуки. То, как ровно Эл разложил их на брезенте, говорило об упорядоченном уме.

— Я видела, — ответила Дон, — и изучала их. Армейские инструкции в Библиотеке Конгресса. Там все есть. А теперь и здесь.

Она постучала себя по голове, из-за чего Эл перевел взгляд с «томпсонов» на нее, и Дон обнаружила, что ей это совсем не противно. Если бы он склонен был к ней приставать, то начал бы сейчас. Он не начал. Она взяла переднюю рукоят-

ку и ствольную коробку и, немного подвигав на пробу, сумела их защелкнуть. Следом встали на место ствол и тупомордый тормоз-компенсатор с рядом аккуратных прорезей на верхней стороне. Из них будут вырываться пороховые газы, так что дуло не станет уходить вверх. Не забыв сдвинуть затвор, она вставила спусковой механизм и присоединила приклад. Немой Эл начал повторять за Дон почти сразу. Через несколько минут оба собрали по «томпсону», однако магазин Дон вставлять не стала, поскольку из этого вышли бы одни неприятности.

Она почти забыла про длинный сверток, который прихватила утром. Шофер, прежде чем уехать, передал его в окно. Теперь Дон развернула сверток и вытащила потертый, но прочный скрипичный футляр.

— Очень смешно, — сказал Немой Эл.

Дон открыла футляр, достала скрипку и бросила ее на груду тряпья.

— Судя по всему, все правда, — сказала Дон. Приятно было видеть, как Эл ошарашен. — Не просто хохма из гангстерских фильмов. Эта штука действительно влезет в футляр для скрипки.

Она положила открытый футляр на брезент, затем взяла приклад — самую большую деталь.

Если он влезет, поместится и все остальное. Оказалось, что приклад идеально входит в узкий конец футляра, где располагался бы гриф скрипки. Уложив его, Дон взяла ствольную коробку и один из десятифунтовых магазинов.

Немой Эл по-прежнему не мог взять в толк, зачем это.

— Что ты делаешь? — спросил он наконец. — То есть я вижу, что ты убираешь его в скрипичный футляр. Но просто для хохмы или…

— Революционная дисциплина, — ответила Дон, чуть заводя глаза к потолку. — Пойми. Интернационал доверил папе кучу денег. Часть их в Чикаго — упрятаны там и сям в тайных местах. Уговор был, что мы платим за «томпсоны» половину вперед, остальное — как получим груз. Как только у папы будет подтверждение, что они пришли, он телеграфирует ребятам в Чикаго и сообщит, где забрать вторую половину денег. Приехать сюда и сосчитать автоматы он не может, поэтому велел привезти ему один. Образец. Просто чтобы он увидел своими глазами. Чтобы было что сказать Интернационалу, если руководство будет кипешить насчет денег. Раз я еду в сквот на поезде, мне надо везти образец, не привлекая внимания. Поэтому вчера, бегая по

поручениям Джона Пейса, я увидела эту штуку в витрине ломбарда и сказала себе…

— Что доктор прописал, — кивнул Немой Эл.

— Именно. Конспирация. Я могу сойти за старшеклассницу. Школьница со скрипкой в Северной Виргинии — велика невидаль. А вот гангстер в пижонском костюме, идущий со скрипкой по Чикаго…

Немой Эл кивнул.

Объясняя, Дон укладывала в футляр остальные детали, комбинируя, чтобы все поместилось. Настоящим гангстерам футляры, очевидно, изготавливали на заказ — с гнездами, чтобы части автомата не громыхали. Это Дон уладила, выудив из груды в углу мелкие предметы одежды и забив их в промежутки между деталями, чтобы металл нигде не соприкасался с металлом. Когда она закончила, ей пришлось налечь на крышку всем телом и держать, пока Немой Эл закрывал защелки. У футляра был замок, дешевенький, с торчащим из него жестяным ключом на грязной розовой ленте, привязанной к ручке. Отверткой его за секунды взломает любой. Однако от риска, что футляр распахнется и детали автомата вперемешку с тряпками рассыплются по трамваю, он подстрахует. Дон повернула ключик, выдернула

его, а ленту надела на запястье.

— Кстати о конспирации, — сказал Немой Эл. — Назад надо ехать отдельно.

— Согласна.

— Ты иди вперед, а я заколочу обратно дверь и замету следы. Товар будет в целости, пока мы не приедем на машине забрать остальные двадцать три.

— Меня устраивает, — сказала Дон, ничуть не кривя душой, — она была рада никак больше в этом не участвовать.

— Увидимся в сквоте, Дон.

— Увидимся.

По счастью, у скрипичного футляра имелся ремень. Со скрипкой нести его за ручку было бы еще туда-сюда, но с двадцатью фунтами свинца и стали внутри он становился тяжеленной дурой. Дон повесила его на плечо. Вместо дамской сумочки у нее была холщовая торба с фляжкой, ланчем и другими мелочами. Ее Дон повесила на другое плечо и побрела к станции в каких-нибудь пятнадцати минутах оттуда. Это был, по сути, полустанок на перекрестке, где стояли почта и кафе. Дон не хотела привлекать внимание местных жителей, поэтому села на скамейку на перроне и стала ждать следующего поезда в Вашингтон.

Он пришел через полчаса, а еще через полчаса доставил ее на вокзал Юнион-Стейшн. Она подумывала сойти остановкой раньше, чтобы сократить путь. Однако от вокзала можно было повторить вчерашний маршрут и глянуть на лагерь Гласфорд. Ей хотелось посмотреть, что там происходит, и, возможно, принести полезные разведданные товарищам в сквоте РЛБВ.

Сегодня на улице под кранами с чугунными бабами народу оказалось куда больше, чем вчера. Дон, нагруженная скрипичным футляром и холщовой сумкой, пыталась на краю толпы выяснить, что творится, и собрать из слухов общую картину. Она уже знала, что Уотерс пообещал утром мирно освободить некоторые здания. Большинство сходилось на том, что полиция не выполнила свою сторону договоренностей и начала вытаскивать из домов всех участников бонусного марша скопом и что начались беспорядки. Дон не видела ничего, что отвечало бы ее представлениям о беспорядках. Здание и прежде выглядело так, будто пережило гражданскую войну: стен не было, комнаты и лестницы стояли открытые всем ветрам. Идя по Пенсильвания-авеню на запад, Дон заглядывала в эти пустые ячейки и видела не хакирубашечников, а копов.

Они переворачивали матрасы и вытряхивали ящики. Искали, как она догадывалась, большевистское оружие.

Инстинкт тянул пройти, как вчера — наискосок через Национальную аллею, самым коротким путем. Однако Пейс хотел узнать, где стоят полицейские кордоны у Белого дома. За последние часы, если полицию и впрямь сняли оттуда и отправили подавлять «беспорядки» в лагере Гласфорд, многое могло измениться. Возможно, это шанс для Пейса осуществить свою мечту — выкурить сигару в Овальном кабинете и поднять красный стяг над Северным портиком. Так что Дон пошла по Пенсильвания-авеню. Двигалась она медленно. Авеню запрудили ветераны из лагеря Маркс, полицейские, журналисты и зеваки, и Дон пробивалась навстречу потоку людей. Впрочем, ближе к Белому дому толпа поредела, и Дон уже быстрее зашагала между трущобами слева и более благополучным районом справа.

Поэтому она ясно увидела одинокого всадника, выезжавшего из ворот там, где одна из дорог, обрамляющих Парк Эллипс, стыкуется с пересечением Пятнадцатой стрит — восточной границы территории Белого дома — и Пенсильвания-авеню, по которой шла Дон. Он ехал от Нулевого

камня. Солдаты в касках распахнули ворота, отсалютовали и заперли за ним створки. Он выехал на середину Пенсильвания-авеню, словно странствующий рыцарь. Его каска сверкала, сапоги были начищены, галифе наглажены. Левой рукой он держал поводья своего белого скакуна, огромного, не меньше семнадцати ладоней в холке, однако узда была чистой формальностью, настолько едина была воля человека и лошади. В правой он держал обнаженную саблю клинком вверх. Его голубые глаза смотрели прямо вдоль авеню на Капитолий, белое здание, замаранное понизу толпой у лагеря Гласфорд. В такой позе он и проехал мимо Дон.

— Мисс Глендайв, — сказал он, — какая неожиданная радость увидеть вас снова.

— Майор Паттон, — ответила она, — что будет?

— Кому, как не вам, из всех юных леди в городе это знать? До свидания, мисс Глендайв.

— До свидания, майор Паттон.

Она прошла последний квартал Тринадцатой стрит и теперь могла через ограду увидеть Эллипс. Сбоку вдали высился мемориал Линкольну, а еще дальше — усеянный могилами холм Форт-Майера. Оттуда прибыли — нет, еще прибывали — войска ландесъегера, выстраиваясь в колон-

ны посередине Эллипса. Перед ними туда-сюда расхаживал генерал Макартур в темных очках и галифе, рядом с ним держался его адъютант, Эйзенхауэр.

Дон могла бы увидеть еще многое, но не стала ничего больше высматривать, а припустила на юг по Пятнадцатой стрит. Три длинных квартала вывели ее на Конститьюшн-авеню, которую Дон перебежала, уворачиваясь от сигналящих машин, на сторону Национальной аллеи. Обогнув восточный склон холма с монументом Вашингтону, она оказалась в небольшом парке на Индепенденс-авеню возле Четырнадцатой стрит, где коммунисты любили устраивать пикники и гонять мяч сразу за углом сквота РЛБВ.

Двумя минутами позже она была там — хотя трудно сказать, что означает «там» в трущобах, где две тысячи человек живут в нескольких зданиях, разбросанных по целому кварталу.

Дон вошла в комнату, где последний раз видела Джона Пейса, и с отчаянием, но без удивления обнаружила, что ни его, ни кого-либо другого из руководства там нет.

В своей пробежке через сквот она обзавелась свитой, которая теперь обратила внимание на ее взмокшие волосы и одежду, вздымающуюся

грудь и красное лицо. Некоторые хотели знать, где она была весь день. Другим — по большей части детям — было просто любопытно. Некоторые и впрямь смогли сообщить ей нечто важное: ее отец с Пейсом и почти всеми крепкими мужчинами ушел в направлении лагеря Гласфорд несколько часов назад, как только стало известно о беспорядках. Дон спросила: «Поехал ли кто-нибудь в Виргинию?» Потому что вопрос: «Забирает ли кто-нибудь автоматы?» — представлялся неосторожным. «Позвонил Немой Эл, — последовал ответ, — и Букер с еще двумя уехал на такси».

Дон задумалась.

— Эвакуируйтесь, — сказала она. — Макартур здесь, сразу за Национальной аллеей, у него броневики, пулеметы и люди, уверенные, что с такими, как мы, можно разговаривать только пулями. Не знаю, двинутся они сперва сюда или на лагерь Гласфорд. Учитывая их отношение к коммунистам…

Следующий час — или ей так показалось — ушел на то, что забежать в каждый отдельный дом, здание, лачугу или палатку, лично сообщить о наступающих войсках и поспорить с каждым мелким самозваным вожаком. Помочь людям ор-

ганизовать и собрать то, что понадобится им для выживания в пути, который может растянуться на недели. И собраться самой — упихать одежду, еду и остальное необходимое в торбу, которая стала почти такой же тяжелой, как скрипичный футляр.

И внезапно осознать — почти разочарованно, — что кавалерия не прибыла.

А значит, войска направились к лагерю Гласфорд. Паттон ехал туда разведать поле боя.

Бежать Дон не могла — слишком устала и слишком тяжело была нагружена, — поэтому то шла, то припускала трусцой всю дорогу по Национальной аллее в сторону Капитолия. По его фасаду проплывал дым от малой войны в двух тысячах футов северо-восточнее.

Нет, поняла она, подобравшись ближе, это не дым, а что-то химическое. Слезоточивый газ. А битва закончена. Ландесъегер сделал свое дело здесь и двинулся дальше, к лагерю Маркс. Паттон, должно быть, ехал сейчас на белом коне по разводному мосту на Одиннадцатой стрит, зеленый шатер Армии спасения справа отражался в сверкающем клинке его сабли.

Лагерь Гласфорд походил на мусорную свалку даже больше, чем несколько часов назад. Копы,

ветераны, пожарные, водители карет скорой помощи, мародеры и журналисты бегали по дымящемуся остову здания, словно армии, ведущие каждая собственную войну. Дон могла бы искать неделю и не найти папу, если бы не заметила кумачовый водопад в разбитом окне высоко на фасаде старого автосалона «Форда». Это было угловое помещение с видом на Конститьюшн-авеню и Капитолий. Папа мечтал водрузить свой красный флаг над Казначейством или над Белым домом. Однако она ясно видела, как он прибыл сюда за миг до того, как началось безумие. При виде Макартура с кавалерией, наступающего со стороны Эллипса, он устремился взглядом к этому окну. Забросил вещмешок на незажившую спину, с хрипом, мучительно поднялся по лестнице — видимой с улицы, поскольку стену сломали уже давно, — на самый верх и развернул знамя революции, призывая рабочих сплотиться под серпом и молотом.

Всю дорогу до верхнего этажа Дон дышала через паттонов носовой платок, потому что слезоточивый газ еще не выветрился и мог ее задушить. Облако газа выплыло из помещения, когда она распахнула дверь, так что ей пришлось отступить и ждать, пока оно рассеется.

Правильной — хотя и буржуазно-сентиментальной — реакцией при виде скрюченного на линолеуме папиного тела были слезы, хотя Дон уже и так плакала от газа. Две гранаты влетели в то самое окно, из которого он вывесил знамя. Наверняка они за секунды наполнили помещение газом. Он, конечно, и без того уже едва дышал после рывка по Национальной аллее и подъема по ступеням. Не мог, как Лицо со шрамом, выскочить из облака газа, с боем пробиться по лестнице и встретить врагов на улице автоматным огнем.

Дон уложила его на полу ровно — трупное окоченение еще не наступило. Втянула знамя в окно и укутала им отца, как саваном.

Вновь закинув на стертые плечи торбу и скрипичный футляр, она спустилась по лестнице, вышла из здания и зашагала прочь от лагеря Гласфорд, затем на юг мимо Капитолия. Ходьба изматывала, но идти надо было еще далеко. Через полчаса она добралась до полоски парков и марин вдоль канала, ведущего к Приливному Бассейну. Дон глянула через воду на площадку для поло, но там сегодня не играли. Она в одиночестве прошла по набережной Форт-Макнейра на мыс Баззард, где сходились Анакостия и канал, затем мимо Военного колледжа к докам, где держали

прогулочные каное и лодки. Вокруг царила суета, потому что с какой-то базы ниже по течению подошел большой пароход, доставил войска в помощь ландесъегеру. Чтобы освободить ему место, лодки вытащили на берег и рассовали где придется. Это непредвиденное обстоятельство сыграло Дон на руку. Она позаимствовала лодку. Никто не заметил — все были заняты происходящим в лагере Маркс. Дон выгребла в Потомак, и течение подхватило ее, пытаясь унести в море. Как ни велик был соблазн, она повернулась к Виргинии спиной и принялась изо всех сил грести в другую сторону, на запад. Лучшей позиции, чтобы обозревать Анакостийскую пойму, было не найти. Ландесъегерцы катились по берегу на танках и на лошадях, но пожар, который они запалили, двигался быстрее. Поначалу Дон различала отдельных всадников и машины; ей вроде бы даже удалось высмотреть в этом столпотворении Паттона. Дальше она видела лишь, как целые ряды лачуг на пути огня окутываются паром, затем дымом, затем взвиваются оранжево-алыми языками. К тому времени, как ее лодка села на мель у Потомакской грузовой станции, весь лагерь Маркс превратился в полосу пламени, из которой росла колонна дыма, закрывшая полнеба.

Рабочие собрались у края воды смотреть на пожар. Вид девушки, которая вылезла из армейской лодки с солдатским вещмешком на одном плече и скрипичным футляром на другом, изрядно их озадачил. Дон чувствовала: они настолько потрясены, что ни о чем недолжном сейчас не думают.

— Когда следующий товарняк на запад? — спросила она. — Я еду в Чикаго.

7. Магнитогорск. Январь 1934 г

— Моя фамилия Шпак. А вы — Аврора или Дон? — так этот человек начал разговор.

Первый в череде многих, возможно? Она понятия не имела, кто ее собеседник. Одет так, чтобы казаться старше своих лет. Редкие волосы подстрижены очень коротко. Чисто выбритые щеки. Очки без оправы. Костюм с галстуком. Он мог быть юристом в Иллинойсе или бухгалтером в Берлине.

Она полчаса прождала его в кабинете внутри тюремного комплекса, куда ее днем раньше неожиданно перевели из больницы. Одежду ей вернули. И она отлично отдохнула в маленькой одиночной камере. Со временем изоляция и темнота, наверное, начнут угнетать, но в ту ночь Аврора спала как убитая.

— Я въехала в Советский Союз как Аврора и под этим именем намерена жить до конца дней, — сказала она.

— Не путайте меня с кадровиком, — одернул ее Шпак. — Я не спрашиваю, как вас *зовут*. Я спрашиваю, *кто* вы. Это моя работа. Выяснять

такие вещи.

Она подумала было спросить, психиатр ли он — быть может, начальник Стасовой? Однако ее не перевели бы в тюрьму для психиатрического исследования. И врача не сопровождали бы солдаты. Дон знала, что их двое — стоят в коридоре по сторонам двери. Это казалось избыточным; впрочем, она понимала, как полезно ходить в сопровождении людей с винтовками.

Она позволила себе оглядеться, ища подсказки. В кабинете Шпак первым делом (сразу после того, как повесил тяжелое шерстяное пальто на вешалку у двери) подошел к дубовому креслу за столом и осмотрел его с тем же настороженным скепсисом, с каким теперь смотрел на Аврору. На сиденье лежала матерчатая подушечка. Прежде чем снять кожаные перчатки, Шпак взял ее двумя пальцами и бросил в дальний угол. Очень разумная предосторожность против вшей. У Авроры стул был голый деревянный, так что ей, вероятно, вши не угрожали. В любом случае это не кабинет Шпака — он просто вышвырнул прежнего хозяина, — так что высматривать подсказки бесполезно. Пальто ничего ей не говорило, кроме того, что у Шпака есть доступ в особые магазины, где продаются западные товары. В первые

послереволюционные годы чекисты предпочитали черные кожанки, поскольку в них вши не заводятся. Однако те чекисты жили в бараках и коммуналках. Шпак жил в каком-то хорошем месте. Ему стирали одежду.

По пути сюда плотину не проезжали. Значит, они по-прежнему на западном берегу Заводского озера, в одном из зданий, воздвигнутых года два назад при начале проекта. Со временем его сменит новая тюрьма в каком-нибудь из кирпичных строений, возводимых сейчас на Пятом участке, сразу к югу от фабричных ворот. Иные здания там были этажей восемь, однако над всеми возвышался двухэтажный штаб ОГПУ на холме чуть сбоку. Он был еще не достроен.

Иногда самое очевидное объяснение и есть правильное. В данном случае очевидное объяснение было таким: Шпак работает в ОГПУ — ЧеКа, — и чекисты держат арестованных в старой тюрьме, пока их новое здание не построено. Вот только одна нестыковка: Шпак выглядел важной особой, Аврора же не понимала, для чего кому-то важному тратить на нее время. Может, это из-за того, что она в Вашингтоне встречалась с высокопоставленными американскими офицерами. А может, героическая смерть отца придала ей

какой-то особый статус.

— Это не похоже на психбольницу, — заметила она.

— Это не она. Доктор Стасова засвидетельствовала вашу полную вменяемость.

Шпак потянулся к кожаному портфелю, который оставил на полу рядом со столом, и вытащил документ примерно на десяти машинописных листах. Он лизнул палец и перевернул несколько страниц. Хотя, безусловно, все уже прочел.

— Вы должны понять, что некоторые детали вашей истории показались товарищу Тищенко странными и заставили его заподозрить некое психическое расстройство. Тищенко… — Шпак вздохнул. — Тищенко верен, энергичен, беззаветно предан делу социализма, но мало где бывал. Малообразован. Некоторые вещи просто не укладываются в его ограниченный взгляд на мир. Впрочем, как только вы объяснили все доктору Стасовой, вопросы снялись. Мы смогли проверить некоторые подробности. Существование ранчо для разведения поло-пони в окрестностях Джиллета, штат Вайоминг. Героическая гибель вашего отца на улицах Вашингтона. Эти хулиганы Бонни и Клайд, которыми вы так восхищаетесь. Беспорядки в Северной Дакоте. Все сходится! — Он

шлепнул документ на стол лицевой стороной вниз. Перевернул страницу. — Но зачем? О, это больше не психиатрический вопрос. — Шпак поднял руки ладонями к потолку, напоминая Авроре, без особой, возможно, надобности, что они в тюрьме. Не в больнице. — Для чего было такими стараниями «убивать» Дон? И правда ли она мертва?

Та ли вы, за кого себя выдаете? Да, Шпак из ОГПУ. ЧеКа минус черная кожанка. Огненный меч пролетариата.

— Мне пришлось убить Дон из-за Немого Эла.

Ему потребовалась секунда, чтобы это переварить. Он не ждал немедленного прямого ответа.

— Агент федеральной полиции, — проговорил Шпак, заглядывая в отчет. — Который внедрился в вашу ячейку в Вашингтоне и предал вашего отца.

— Да. Он все знал про Дон.

— Если бы вы его убедили, что Дон погибла в перестрелке, ее досье было бы закрыто. Вам бы ничего не угрожало.

— Именно так.

— Ваш интерес к Бонни и Клайду был обусловлен чем-то большим, нежели юношеским преклонением перед героями.

На самом деле это было не что иное, как юношеское преклонение перед героями. Однако Аврора видела, куда клонит Шпак, и решила, что лучше согласиться.

— Конечно. Они просто хулиганы, как вы сказали. О, их действия отражают законное недовольство угнетенных классов. Это очевидно. Однако у них нет понятия о революционной дисциплине, и они не смогли бы внести вклад в пролетарскую революцию, кроме как сея хаос. Нет, я интересовалась ими по причине, которую вы уже угадали. Построив действия Дон по образцу бандитов вроде Бонни и Клайда, я могла обставить ее гибель таким образом, чтобы подтвердить всё, что у Немого Эла и других федералов было, вероятно, в моем досье.

— И тогда досье Дон закрыли бы. Вы могли бы не бояться дальнейшего расследования.

— Верно.

— Почему вы считали, что Немой Эл по-прежнему ищет Дон?

Причин было две. Аврора не знала, упоминать ли первую. Однако она вспомнила, как Тищенко ее допрашивал и как отреагировал на пробежавшие по ее лицу чувства. То, какую власть ей это дает. И еще было что-то в реакции Шпака на

упоминание Немого Эла.

— Во-первых, — сказала Аврора, — если вы женщина, вы иногда понимаете по тому, как мужчина на вас смотрит, по некоторым мелочам в его поведении, что он о вас думает. Если вам это неприятно, лучше рядом с ним быть начеку. И Немой Эл всегда был одним из таких.

— Вы имеете в виду ваше знакомство в Вашингтоне. До того, как вы узнали, что он федеральный агент.

— Да. Но это просто женская интуиция, и писать о ней в официальном отчете, возможно, не стоит. Настоящий ответ состоит в том, что Немой Эл видел меня в Чикаго. Он меня узнал, я уверена.

— В Чикаго.

— Да. На «Солджер Филд». Это стадион на берегу озера.

Шпак заинтересовался и в каком-то смысле обрадовался, что Аврора упомянула Чикаго.

— От моего внимания не ускользнуло, — сказал он, — что между героической гибелью вашего отца летом тысяча девятьсот тридцать второго и перестрелкой в Северной Дакоте в сентябре тысяча девятьсот тридцать третьего остается большой пробел. Мы смогли проверить ваше утверждение, что вы провели значительную

часть этих месяцев в Чикагской коммуне. Деля комнату на третьем этаже с двумя женщинами — латышкой и еврейкой.

Аврора почувствовала, что краснеет. *ОГПУ смотрит днем и ночью миллионом глаз. Солги мне, детка, и я тебя поймаю.*

— Вы проводили много времени вне дома. Чем именно вы занимались, неясно. Вы говорите, что посетили по меньшей мере одно спортивное мероприятие на «Солджер Филд». Матч по американскому футболу, быть может?

— Запуск стратостата.

Приятной мелочью было увидеть, что Шпак ошарашен.

— В августе прошлого года, — продолжала она. — Ваши источники в Чикаго легко смогут это подтвердить. О запуске писали во всех газетах.

— Для чего было устраивать его на стадионе? И зачем вы пошли его смотреть?

— Это было не просто буржуйское развлечение, а научное событие.

— Исследование космических лучей, — кивнул Шпак. Теперь пришел ее черед удивиться, что он это знает. — Вы таким интересуетесь? — спросил он немного фальшиво.

— Мой парень.

— Тот самый, от которого вы забеременели?

— Да.

— Отец «монстра»?

— Ну да.

— Кстати, — сказал Шпак, указывая на нее авторучкой, — ваш красочный рассказ про монстра по-прежнему вызывает недоумение. Однако доктор Стасова подтверждает… э… акушерские свидетельства. За отсутствием других симптомов шизофрении она полагает, что подробности можно будет выяснить в ходе дальнейшего расследования.

Аврора кивнула.

— Расскажите, что вы делали в Чикаго в тысяча девятьсот тридцать третьем.

8. Чикаго. Июнь 1933 г

Здания сногсшибательные, цвета еще более сногсшибательные, все вместе – окошко в волшебную страну, превосходящую красотой мечты самого смелого воображения.

Л. А. С. Вуд, управляющий отделом электрического освещения компании «Вестингауз» в речи на конференции инженеров-светотехников накануне массового паломничества на всемирную выставку «Век прогресса» в Чикаго, 1933 г.

Детективы Чикагского полицейского управления расследовали кражу из висконсинского автомобиля двух столетних ульев с живыми пчелами; в каждом было по двадцать пять фунтов меда. Кражу пчел, очевидно, совершили, не планируя ее заранее, воры, специализирующиеся на автомобильных деталях; на ульи они наткнулись, когда раздевали автомобиль до осей.

Дон Рэй О'Фаолейн, она же Дон Глендайв, она же Аврора Максимовна Артемьева, спала на

чердаке в двух кварталах от места преступления. Было начало июня, ночи стояли теплые, и окна она оставила открытыми. Ночная кража автомобильных деталей потревожила ее сон не больше сверчков. Однако вопли пасечницы в шесть часов утра оказались посильнее любого будильника. Дон, чувствуя, что все равно больше не заснет, накинула халатик, сунула ноги в стоптанные мужские тапки и начала спускаться на улицу — узнать, что происходит. Первый и самый опасный отрезок пути проходил по шаткой конструкции, больше похожей на стремянку, чем на нормальную лестницу. По ней Дон попала с чердака на верхний этаж и, прошлепав по занозистым половицам и преодолев два пролета лестницы для детей и слуг, достигла уровня, где у мелких буржуа Позолоченного века, первых хозяев дома, располагались спальни. Теперь Дон шла по ступеням вишневого дерева между обшитой деревянными панелями стеной и резными перилами. Книзу лестница расширялась и поворачивала, изливаясь в вестибюль, смотрящий витражными окнами на авеню. Раздвижные двери отделяли его от гостиной, где, заглушая происходящее на улице, храпели немецкие коммунисты. Они только что прибыли, и от их

одежды еще пахло сожженными книгами. Все они были люди храбрые — чтобы оставаться коммунистом в Германии, требовалась изрядная храбрость, — но трудно всерьез продвинуться к мировому пролетарскому раю в стране, где коммунистов и даже социалистов безнаказанно забивают до смерти в ресторанах. А именно это происходило там в последние месяца три.

Два месяца назад Гиммлер созвал пресс-конференцию, чтобы объявить о создании нового концентрационного лагеря специально для коммунистов в Дахау, недалеко от Мюнхена. Тогда-то мужчины и женщины, спящие сейчас в гостиной, и рванули к границам Третьего рейха. В следующие недели те, кто не разбредутся, станут просачиваться все выше и глубже в дом-коммуну, который Дон про себя называла коммуналкой, настоящий американский плавильный котел. Здесь они будут делить комнаты, еду и мыло с двумя-тремя десятками более или менее постоянных обитателей: аспирантами Чикагского университета, составлявшими что-то вроде местного политбюро, их друзьями — писателями и художниками, воббли, мигрировавшими с сортировочных станций Энглвуда на западе или с Иллинойской Центральной железной до-

роги, идущей по берегу озера, американскими коммунистами, русскими, оказавшимися здесь либо потому, что держатся неправильной версии марксизма, либо из нежелания умереть с голоду, а также различными товарищами, которых привлекли в Саут-сайд свобода слова, дешевая арендная плата, аппетитные студенточки, буйный и многочисленный пролетариат, джаз и обилие в районе людей, умеющих готовить их еду и говорящих на их языке — польском, литовском, немецком, украинском, сербохорватском, венгерском или идиш.

Дон отперла входную дверь и ловко увернулась от всегдашней лавины газет на всех упомянутых языках. Некоторые из них, просто листки, не уносило ветром лишь потому, что их придавила своей тяжестью «Чикаго трибьюн». Сегодня огромный заголовок на ее первой странице извещал об открытии «Века прогресса», как назвали всемирную выставку.

Дон мгновение помедлила, прежде чем выйти на улицу в халате и тапочках. Ее раннее детство прошло в другой коммуналке, в Петрограде, теперешнем Ленинграде. После того как родители развелись и мама уехала в Монтану, самой дорогой для нее женщиной стала Вероника, пуле-

метчица по роду занятий, боец Красного женского батальона смерти. Из-за некой неприятной истории с белоказаками во время Гражданской войны Вероника жила в состоянии сверхповышенной бдительности и перед миром или, по крайней мере, перед улицей не расслаблялась ни на миг. Она не вышла бы из дому, не надев шинель Рабоче-крестьянской Красной армии, не натянув сапоги с ножом за правым голенищем и не проверив затвор самозарядного пистолета на правом бедре. В те бурные послереволюционные дни большевики часто ходили вооруженными.

С тех пор Дон выросла и тоже научилась управляться с автоматическим оружием. Неведомо для остальных в доме она хранила в тайнике под скатом крыши разобранный пистолет-пулемет Томпсона и заряженный магазин на сто патронов. Однако попутно она узнала о жизни женщины — высокой и приметной женщины — в сложном городском обществе кое-что, с чем так и не освоилась Вероника. Дон знала, что в шесть утра, когда какая-то другая женщина воет на улице, вполне допустимо выйти в халате поверх ночной рубашки и что ее, как Флоренс Найтингейл на фронте, не тронут мужчины и, как монахиню на свадьбе, не осудят дамы. Она любила Веронику,

думала о ней каждый день, гадала, жива ли еще та в России. Однако она пришла к пониманию, что не должна во всем до последней мелочи быть в точности как Вероника. И она считала, что именно суровость Вероники, ее нежелание чувствовать себя уязвимой в конечном счете сделали ее уязвимее.

Оставшись без матери, Дон усваивала все это из наблюдений за женщинами, с которыми сталкивали ее причудливые перипетии жизни, — не только ковбойками и коммунистками, но и светскими дамами, генеральскими женами, певичками, нищенками и проститутками. Чтобы добиться уважения (поняла она), надо вести себя так, словно его заслуживаешь, и в то же время делать вид, будто оно тебе безразлично. И она догадывалась, что теоретически могла бы пройти по ближайшим улицам в ночной рубашке и не нарваться ни на что плохое. Это ужаснуло бы обитателей коммуналки, которые, несмотря на любовь к джазу и политические лозунги, побаивались негров. И это разгневало бы Веронику. Однако Дон верила, что такое возможно, и в подтверждение указывала взглядом на негритянок в чистых платьях и белых перчатках, ждущих воскресным утром трамвая на остановке.

Прежде чем ступить на тротуар, она крепко схватила «Трибьюн» обеими руками и тряхнула, разворачивая — нет ли в подвале первой полосы чего-нибудь о Бонни и Клайде. Увидев только материалы о Гитлере, Муссолини и депрессии, Дон облегченно выдохнула. Странноватая увлеченность Бонни Паркер — восхищение и каждодневный страх узнать, что закусившая сигару бандитка убита в перестрелке (или, еще хуже, взята живой), — привела к некоторой интроспекции или, как сказали бы в доме, откуда она только что вышла, психоанализу. У более правильно воспитанной юной леди навязчивое отождествление себя с женщиной, которая раскатывает по Среднему Западу в угнанных восьмицилиндровых автомобилях, решетя пулями служителей закона, действительно настораживало бы и заслуживало внимания. Однако в случае Дон те же симптомы были довольно банальны. Чтобы стать загадочной женщиной с тайными противоречиями, ей следовало бы заняться более глубоким самокопанием.

Про Клайда Бэрроу говорили, что он был заурядным малолетним преступником, пока в восемнадцать лет (на год больше, чем сейчас Дон) его не отправили отбывать срок на Истхем-

скую исправительную ферму, где он воспылал полубезумной обидой на Техас, тамошних полицейских и тамошние тюрьмы и сделался самым опасным бандитом в Америке. Или, говоря словами самой Бонни:

Да, Бонни и Клайд стреляют в людей.
Это не нравится вам?
Но Клайда мне довелось узнать,
Когда он был честен и прям[9].

Хотя в газетах такого не писали, те немногие американские негры, которых приглашали обедать в коммуналку, прямо и откровенно высказывались об очевидном для них обстоятельстве: на тюремной ферме Клайд подвергся насилию, возможно многократному, и это объясняет его, в точности как (по мнению Дон) история с белоказаками объясняла Веронику.

На тротуаре лежал изящный полумесяц пыли, часть дюны, образовавшейся во дворе неделю назад, во время черной бури. Это была почва из Канзаса или Небраски. С тех пор дюна постепенно мигрировала по участку, вслепую продвигаясь на

[9] Сноски: 9

Здесь и далее отрывки из стихотворения Бонни Паркер «Конец дороги» приведены в переводе С. Белова с небольшими изменениями.

восток к озеру Мичиган. Днем ее растаптывали входящие и выходящие, а пока они спали, восстанавливал ветер. Дон перешагнула через дюну, отчасти потому, что не хотела нагрести Небраски пальцами ног, но главным образом потому, что не хотела портить эту обтекаемую форму, этот угол естественного откоса.

Редкий кордон женщин в банных халатах, мужчин в пижамах, озадаченных бездомных и любопытствующих собак окружал двух полицейских, из которых один составлял описание украденного имущества со слов северных пасечников, а другой с некоторым профессиональным восхищением созерцал остов автомобиля. Воры поработали так основательно, что Дон сама не поняла, каким чутьем опознала в машине «Виллис Уиппет», — как опознают труп по стоматологической карте.

Ей трудно было воспринимать чикагских копов с должной серьезностью. А все потому, что она, как почти все на планете, видела их главным образом в гангстерских фильмах. Требовалось усилие воли, чтобы напомнить себе: они не актеры, ждущие команды, чтобы ухватиться за воображаемую огнестрельную рану и рухнуть на мостовую.

Над местом преступления шальными пулями носились пчелы — очевидно, они вылетели из улья во время ограбления и остались неприкаянными, когда пчелокрады смылись на манер Клайда Бэрроу. Это возносило отчаяние пасечницы на еще более оперные высоты, когда она оплакивала их неизбежную участь — умереть, но прежде обезуметь и бессмысленно жалить всех без разбора. Дон гадала, не это ли ждет лишившихся родины немецких коммунистов.

К тому времени, как она вернулась в коммуналку, на кухне шло пленарное заседание, посвященное будущему завтраку. Дон не увлекала ни здешняя кормежка, ни политические страсти, которыми сопровождалась готовка. У каждой национальности имелся собственный набор ритуалов, связанных с кухней нищеты: кашей для восточно-европейцев, мамалыгой для южан, овсянкой для северян. На самом деле все это не имело особого смысла, поскольку даже обитатели этого дома — примерно три десятка хобо, беженцев и аспирантов, объединенных в коммуну, — не были по-настоящему бедными и голодными. Во всяком случае, по меркам мира в целом и особенно России, чье молчание было красноречивей громких новостных кинолент

о голоде и массовых смертях. Даже в разгар Великой депрессии на краю Пыльного котла еды было вдоволь, если вы не против сухарей и бобов с подливкой.

Женщины, которые оказались на общей кухне и от которых мужчины ждали еды, за отсутствием общего языка кое-как выработали систему коммуникации, по крайней мере жестовую. Это не были вопросы типа «что будем готовить на обед?» и уж тем более «не добавить ли капельку уксуса?»; вся коммуникация относилась к иерархии, старшинству, уважению. Среди женщин попадались образованные — жены и коллеги, но костяк кухни составляли тещи, дальние родственницы, деревенские бабушки и неграмотные бродяжки. Именно между ними политическая борьба у плиты и кухонного стола обретала накал, выходящий за рамки всякого вероятия. Драма, сопровождавшая приготовление каждого завтрака, обеда и ужина, напоминала московские показательные процессы: действо являло собой не то, за что выдается, а сцену, на которой участники могут принимать позы, декламировать реплики и получать от зрителей политические сборы. Если бы ежедневное пропитание Дон и впрямь зависело от кухни, ее, возможно, склонили хо-

тя бы к номинальному участию. Однако у нее имелись кое-какие средства, о которых другие не знали, и она не отказывала себе в удовольствии тратить их в кафе и столовых вокруг университета. Деньги были коминтерновские (отец доверил их ей перед тем, как прошлым летом пал смертью храбрых в двух шагах от американского Капитолия), то есть, строго говоря, не ее. В доме были люди, которые, возможно, экспроприировали бы эти деньги, если бы про них проведали, и Дон не смогла бы возразить. Поэтому каждая слойка, купленная ею в кафе, была маленьким грехом против Революции. Воспитание Дон — не большевистское в Петрограде, но американское в Монтане — говорило ей, что она даст ответ за каждый глоток кофе, за каждый откушенный кусочек бекона. Когда-нибудь в Кремле или на Лубянке состоится суд: комиссары, листая толстые огэпэушные досье, запишут в два столбца ее достижения и издержки, сопоставят их по некой строгой научной методе и вынесут вердикт.

В тот день она позавтракала с остальными — казалось лишней морокой идти переодеваться и снова выходить на улицу, когда тарелку овсянки можно получить прямо здесь. За столом с американцами и несколькими немцами, которые

еще только пытались усвоить английский, Дон рассказала про пасечников. Она допустила ошибку, упомянув, что они из Висконсина. Чикагцы ненавидели висконсинцев нутряной ненавистью сродни той, что существовала между белыми и красными или евреями и казаками. Они рядили ее в магические одеяния политического дискурса, но Дон знала, что источник (или, по крайней мере, следствие той же общей причины) — футбольное соперничество между «Чикаго Беарз» и «Грин-Бэй Пэкерс». О пострадавших пасечниках говорили свысока, безо всякой пролетарской солидарности. То, что они ехали демонстрировать свои ульи на выставку «Век прогресса» — само это название собеседники Дон произносили не иначе, как заключая его в интонационное подобие кавычек, — превращало равнодушие в нескрываемое презрение. Во всяком случае, у чикагцев. Немецкие коммунисты только настороженно слушали и перешептывались между собой, споря о значении незнакомых терминов вроде «улей» (у этого слова, очевидно, нет похоже звучащего немецкого аналога) и «Пэкерс», пытаясь изогнуть губы в «дабл-ю» и выговорить «уисконсин».

Из-за этого всего Дон и пошла на «Век прогресса».

До выставки было всего несколько миль, и она, судя по всему, притягивала не только пасечников. Однажды, например, Дон видела карлика, покупающего на улице газету, а на следующий день двух в трамвае, и внезапно они оказались повсюду, многие в баварских народных костюмах. Индейские вожди или, по крайней мере, индейцы во впечатляющих уборах из перьев. Автобусы девиц из варьете, исполнителей йодля, ветеранов войны Севера и Юга и пляжных красоток, старинные паровозы на автомобильных платформах, грузовики с аллигаторами и страусами, исполинскими тыквами, холодильниками, рикшами, рентгеновскими аппаратами, флоридскими апельсиновыми деревцами в кадках — всё двигалось на север по Дрексел-авеню и обратно не возвращалось. Некий К. Ч. «Слим» Уильямс прогнал по улице собачью упряжку, на которой приехал из своего дома в Коппер-Сентере, Аляска, из них первые тысячу восемьсот миль — по снегу, остальное — на колесном устройстве, отделившем сани от мостовой. Квотербек из Далласа прошагал по Дрексел-авеню со стотридцатипятифунтовым тюком хлопка на спине — он тащил этот груз тысячу двести миль, чтобы мир не прозябал в неведении о сельском хозяйстве Техаса.

Следом проехала машина для уборки хлопка, занимавшая в ширину весь бульвар. Ее тянул самый большой тягач в мире (ВМ); утверждалось, что она заменяет сорок восемь негров. Все это паломничество создавало почти ощутимую силу тяготения, влекущую Дон к «Веку прогресса», хотя в конечном итоге заманили ее туда хаски Слима: они не только тащили сани так быстро, как только могли, но еще всю дорогу дрались и спаривались между собой, а также оставляли на асфальте дорожку изумительно пахучего дерьма. Не пойти за ними был бы грех.

Так что Дон позволила потоку себя увлечь под предлогом, что ведет прогуляться недавно прибывших немцев. Как преследуемые члены партии, они едва ли могли купиться на пропаганду. Да и в любом случае их дети вертелись под ногами, а их не говорящие по-английски женщины пытались навести чистоту и порядок в помещениях, на взгляд старожилов коммуналки, не требовавших такого вмешательства. Теперь же они обратили свою энергию (которой у них было не меньше, чем у хаски) на предстоящее посещение выставки. Дон предложила пойти пешком, чтобы не ехать в набитом трамвае и чтобы маленькие фрицы могли выпустить пар.

Переведенные на немецкий, ее слова приобрели значимость, для самой Дон не вполне ясную, но очень понятную матронам. Они тут же принялись укладывать корзинки и чинить рюкзаки, как будто собирались уходить от коричневорубашечников через Альпы. Эти люди брались за прогулку, как машина мощностью в сорок восемь негров — за уборку хлопка.

Дон пришлось задуматься об одежде. Из походной обуви у нее были только мужские рабочие ботинки, которым недавно заменили подметки. Надеть их с платьем она не могла, если не хотела оказаться в ярмарочной палатке с табличкой «Поразительная деревенщина из Монтаны», поэтому надела джинсы, рубашку с длинным рукавом, чтобы не сжечь руки на солнце, и соломенную ковбойскую шляпу. В деловом центре Чикаго на нее бы косились, но на выставке она надеялась затеряться среди лилипутов, квотербеков, самого толстого фермера Соединенных Штатов, мисс Японии, вождя Вечнозеленое Дерево и герцога-одзикуро Квей Кунту с Золотого Берега, который вместе со своими воинами-танцорами ашанти должен был демонстрировать церемонию Золотого Трона внутри экспозиции «Чернейшая Африка».

Отчасти проникшись бестрепетным духом немцев, Дон предложила пойти менее прямой, но более живописной дорогой прямо на восток и пересечь Иллинойскую Центральную железную дорогу раньше, а не позже. По дороге она тихо забавлялась, воображая, как бы ее подопечные восприняли мысль проехать часть пути зайцами в товарном вагоне. Впрочем, немцев уже и без того слегка напугало число бродяг и вонь от их поселений, так что Дон повела свою группу на восток до самого озера. Дальше они двинулись вдоль чистой голубой воды по правую руку через череду парков, соответственно увидели «Век прогресса» издалека и продолжали видеть еще долгое время, пока шагали по дороге, размахивая альпенштоками и бодро распевая немецкие дорожные песни.

Выставка ошеломляла масштабами. Дон была слегка подавлена мыслью, что нечто настолько большое — больше значительной части так называемых городов — выросло, совершенно для нее неведомо, из ничего в нескольких милях от места ее обитания. Странным образом это напомнило ей, как год назад она приехала с отцом в Вашингтон и впервые увидела лагерь Бонусной армии на берегу Анакостии. Но там был вонючий

гувервилль, а здесь — дивная страна фей, какой бы та выглядела, будь у фей вместо волшебных палочек логарифмические линейки и твори они магию из электричества. За последний час их ходьбы температура поднялась с семидесяти двух градусов Фаренгейта до семидесяти шести[10]. Дон знала это по термометру компании «Хавелин», двухсотфутовому обелиску с красной неоновой трубкой, такой яркой, что показания читались даже в прямом солнечном свете. И термометр был далеко не самым высоким сооружением на выставке. Рекорд принадлежал двум ажурным стальным башням, каждая — в три раза выше термометра. По канатам между ними скользил воздушный поезд из гондол в форме ракет. Еще выше висело серебристое семя аэростата компании «Гудъер» и роились аэропланы — к одним были прицеплены транспаранты, с других прыгали отчаянные парашютисты. За полмили Дон и ее спутники начали различать объявления, транслируемые через самый большой частный телефонный коммутатор ВМ на самые большие ВМ-репродукторы. В должное время они приобрели билеты (50 центов взрослый, 25 — детский),

---

[10] Сноски: 10
22 и 25 градусов Цельсия.

по которым прошли за самую большую и дорогостоящую металлическую ограду ВМ на Главную аллею выставки между двумя статуями — надо думать, ее домашними божествами. Однако не в пример праздным богам или героям древности обе фигуры не красовались в торжественных позах, а склонялись над работой. Слева лысый бородатый ученый изучал пробирку у себя в руке, а указательным пальцем свободной руки водил по странице раскрытого на коленях тома. Слева мускулистый юноша восседал на исполинской шестерне и двумя руками поворачивал маховик некоего важного клапана.

Это напомнило Дон то, о чем она прочла в «Трибьюн» день или два назад.

Какой-то важный чинуша на открытии сказал в речи, мол, вся выставка основана на великой теореме, а именно, что промышленность, производство и торговля «почти непосредственно» определяются фундаментальной наукой.

До того, как нагромождение прогресса скрыло от них термометр фирмы «Хавелин», тот показывал восемьдесят два градуса[11]. Время от времени он снова выскакивал перед ними, когда

[11] Сноски: 11
28 градусов Цельсия.

они огибали очередной угол; неон все так же неумолимо полз вверх. С территории выставки обозреть общую картину было невозможно, чем, вероятно, объяснялась необходимость ракето-гондол и воздушных судов. Только на то, чтобы пройти ее из конца в конец, требовалось полдня, не столько из-за расстояния, сколько из-за невозможности просто шагать вперед. Труппа из ста танцовщиц в матросках столкнулась с контингентом конной полиции в проливе между копией деревенской хижины с плато Озарк и толпой, смотрящей, как чикагские пожарные тушат загоревшийся ларек с попкорном. Озарк-ское фермерское семейство с любопытством наблюдало, как конные полицейские, приподняв шляпы, дают девушкам-матроскам протиснуться между информационным центром негритянской выставки и «Вигвамом», где демонстрировали графин для виски, принадлежавший некогда Аврааму Линкольну. Дон воспользовалась случаем пристроиться за матросками. Немецкие коммунисты дисциплинированно последовали за ней. Вскоре они уже пробирались между гудящими трубами, по которым вода поступала в искусственный альпийский водопад Деревни лилипутов, но вынуждены были остановиться

и пропустить санитаров, бегом выносящих на носилках укротительницу львов.

За отсутствием другой ясной цели они несколько часов пробирались в направлении Немецко-американского павильона. По пути миновали павильоны югославов, итальянцев, болгар и Южно-Маньчжурской железной дороги (туда стояла очередь, потому что внутри находилась мисс Япония). Хорошо одетые светские девушки — добровольные гиды, вызвавшиеся водить по ярмарке орду обездоленных детей, — силились помешать малолетним экскурсантам сорвать чемпионат по поеданию арбузов. С потекшим от жары макияжем и безнадежно помятыми прическами, в съехавших набок шляпках, они одолевали неподъемную задачу — сохранять приличия на таком мероприятии в мире, где столько голодных. Наконец впереди показался строгий фасад Немецкого павильона, и Дон с ее спутниками устремились туда в обоснованной надежде найти внутри побольше порядка. Однако немцы застопорились у входа, внезапно предпочтя жару и толчею тому, что могло оказаться внутри. Дон, убежденная, что ничего страшного в павильоне нет, провела своих подопечных через дверь в прохладную тень. После недолгой паузы немцы

разразились негромкими, но радостными восклицаниями. Видя любопытство в глазах Дон, доктор Фогт сделал к ней полшага и позволил себе чуть расслабить лицевые мышцы, что в его случае было ближайшим подобием улыбки.

— Нет свастик, — объяснил он.

Дон это ничего не сказало.

— Оглядитесь! — объяснил профессор. — Нет свастик.

Она, видимо, по-прежнему смотрела недоумевающе, так что он объяснил:

— В Германии они теперь везде. Здесь — ни одной. Кто-то решил, что их тут не будет. И уверяю вас, кто-то другой очень из-за этого зол.

Женщинам и детям не хотелось покидать место, где говорят по-немецки, не приветствуют нацистов и подают пиво (Рузвельт легализовал его в тот самый день, когда Гиммлер открыл Дахау), так что они построили в биргартене небольшую крепость из стульев и укрылись в ней, а Дон и некоторые мужчины тем временем совершали разведывательные вылазки. Пока они шли от входа, она ощущала что-то сродни тошноте — из-за сочетания жары, влажности, толчеи, хаоса, запаха масла, карамели и горячего жира. Посидев минутку в сортире, чтобы прийти в себя,

Дон вспомнила олицетворения Науки и Техники по бокам ворот… и теорему. Когда они вышли в следующий раз, она постаралась не отвлекаться на ближнее, низкое скопление ярмарочных забав: автодром, огромные овощи, выложенные на подушках, словно отрубленные царские головы, прилавки с едой и музыкантов, бренчащих на банджо. Она подняла взгляд и стала выискивать вещи более высокие и грандиозные, связанные с теоремой. Они обнаружились сразу, поскольку высились над Главной аллеей, словно колоссы, воздвигнутые научными фараонами. Только в отличие от египетских памятников они создавались всего на пять месяцев. Не обремененные требованием, чтобы их творения простояли хотя бы одну чикагскую зиму, фантасты — язык не поворачивается назвать их архитекторами — употребили на истинную цель все те ресурсы, что при обычных обстоятельствах ушли бы на практичность и долговечность. На фасадах красовались набранные модными рублеными буквами названия: «Форд», «Дженерал моторс», «Вестингауз», «Файрстоун». Дон знала, что думают немецкие коммунисты и что сказали бы жители коммуналки: вся выставка — не более чем пропаганда капитализма. Однако Дон вырос-

ла на пропаганде и видела, что это не вся правда. Легко можно было вообразить, что отправляешься на партийный съезд в СССР или на торжества в Германию и видишь такие же здания, посвященные тому же, только шрифты будут отличаться. Как бы ни хотели государства думать, будто соревнуются между собой, они работали по общей программе теоремы. Первого ноября после закрытия выставки статуи от входа можно было бы упаковать в ящики и отправить дирижаблями в Берлин или Москву — вдохновлять нацистов или коммунистов на те же самые свершения.

На островке, связанном с Улицами Парижа полукруглой дамбой, если миновать Голливуд, ресторан «Пабст Блю Риббон казино», сельскохозяйственный павильон, где демонстрировали цветную капусту размером с тыкву и тыквы размером с корову, сразу к северу от Заколдованного острова, располагался подковообразный Электротехнический павильон. Он стоял под одной из башен канатной дороги и потому издали в сравнении с ней казался приземистым, вблизи же не уступал величайшим творениям итальянского футуризма, а многоцветьем превосходил любое здание в истории. Ибо в продуманном контрасте с Белым городом чикагской всемирной

выставки сорокалетней давности «Век прогресса» сиял красками, и более всего — гудящий, потрескивающий Электротехнический павильон с его радугой неонового водопада и органом Американской радиовещательной корпорации, который превращал музыку в перетекающие оттенки и проецировал их на экран. Как ни аляповато это было, Дон, воспитанной красными, читавшей про появление чернорубашечников в Италии, коричневорубашечников в Германии, а в прошлом году наблюдавшей самозарождение хакирубашечников среди ветеранского гетто в Вашингтоне, приятно было оказаться там, где дозволено больше одного цвета. Она вернулась в Немецкий павильон, забрала нескольких старших детей, которым пора было проветриться, и отвела их испробовать чудеса в Зале электрического быта компании «Вестингауз» с его научной игровой площадкой. Ей самой больше всего нравился рентгеновский аппарат, позволявший увидеть кисти рук на просвет. Она несколько раз к нему возвращалась, прижималась лицом к маске с окулярами и вставляла ладони в теплую щель. Рентгеновские лучи из трубки в основании светили через ее руки на флюоресцентный экран, и каждая маленькая косточка проступала

черным на спектральном зеленом поле.

Дон для забавы делала вид, будто что-то пишет, наблюдая, как фаланги пальцев обхватывают воображаемую ручку, когда ее наконец настиг человек, несколько раз кричавший ей вслед: «Эй, ковбойка!»

Дон знала его только по голосу. Да, она была красной революционеркой и боготворила Бонни, однако все равно твердо держалась правила не оборачиваться к незнакомому мужчине, который тебя окликает, и не встречаться с ним взглядом. Однако то, что она видела краем глаза, реакция окружающих и что-то в голосе незнакомца убедили ее, что он — всего лишь назойливый приставала. Теперь деваться было некуда. Она вынула руки из аппарата, выпрямилась во весь рост, задрала веснушчатый нос и посмотрела прямо на дядьку лет за пятьдесят, на голову ее ниже, с темными глазами навыкате и большой лысиной, которую уже не скрывало аккуратное канотье, поскольку он в качестве приветствия обнажил голову. На нем были гетры поверх двуцветных оксфордов, начищенных в последние несколько часов. Он приметил ее в начале дня и принялся окликать, начав с «Эй!» и продвигаясь по нарастающей от «Эй, привет!» к «Эй, ковбой-

ка!» и «Эй, высокая ковбойка!», а теперь, когда удача, электричество и рентген свели их наконец вместе, к «Эй, высокая красивая ковбойка!».

— А. Т. Грин, — представился он и, хотя сохранял почтительную дистанцию, согнулся в поясе, то ли изображая рудиментарный поклон, то ли пытаясь дотянуться до расстояния рукопожатия, не передвигая начищенных оксфордов.

— Дон Глендайв, — ответила она.

Наступила неловкая пауза. Дон сделала полшага вперед и протянула руку. А. Т. Грин взял ее в свою и поцеловал воздух шестью дюймами выше — жест настолько чудной, что ближайшие посетители выставки смущенно захихикали.

— Вы очень настойчивы, мистер Грин. Как вы можете видеть, я тут с детьми — иностранными гостями.

— О, как мило!

— Я уверена, вам хочется произвести на них хорошее впечатление.

Ее слова имели целью отшить А. Т. Грина. Вместо этого он стукнул каблуками, прижал канотье к груди и почти водевильно щелкнул пальцами, как мюзик-холльный певец перед новым номером.

— О, у меня есть как раз то, что вам нужно! —

воскликнул он.

— Правда? — чуточку неосторожно спросила Дон.

— О да! Для девушки, которая, как вы, интересуется соединением анатомии с электротехникой? Безусловно.

Во фразе чувствовалась какая-то загадочная двусмысленность, но они были на выставке и вокруг толпились люди. В конце концов Дон с немцами пошли за ним. Ее мысленная карта «Века прогресса» окончательно скомкалась. Они прошли по дамбе под натянутой стальной паутиной канатной дороги, мимо гордо реющих на ветру флагов, и обошли северное крыло величественного здания с высокой центральной башней — Иллинойского павильона. Пройдя между ним и своего рода языческим храмом «Сирс Роубак», а потом пробившись через толпу, осаждающую Павильон науки, они вошли в вечернюю тень стадиона «Солджер Филд», где стоял ряд ларьков, торгующих сувенирами, галантереей, патентованными лекарствами, фотопленкой и другими мелочами.

А. Т. Грин не пытался идти рядом с Дон или вести разговоры, а шагал футах в двадцати перед ней и ее немецкими коммунистами, ничего

не понимающими, но готовыми к любым приключениям. Он ни разу не обернулся. В другом человеке это выглядело бы самомнением, но в его случае казалось наивностью. Дон шла за ним лишь потому, что, обернувшись и не увидев их, он бы почувствовал себя жертвой жестокого розыгрыша и навсегда разочаровался в высокой красивой ковбойке.

Он торговал обувью.

Вернее, он владел палаткой, где толстая, потная, краснолицая женщина (его жена? сестра? мать?) торговала обувью. От прочих обувных лавчонок заведение А. Т. Грина отличали два новшества. Во-первых, он продавал лишь один вид обуви: «практичные, но изящные и модные дамские оксфорды», разработанные специально, чтобы ходить по выставке целый день. Главным элементом его бизнес-стратегии было донести информацию об этом товаре до женщин, имевших глупость посетить выставку на каблуках. И во-вторых, у него имелся рентгеновский аппарат вроде того, в котором Дон полчаса назад изучала свои руки, но устроенный так, чтобы просвечивать стопы для демонстрации покупателям, как располагаются в обуви пальцы их ног. Дон была в разношенных ботинках; ее призрачные

ноги в аппарате были окружены аккуратными рядками сапожных гвоздей, а положение плюсневых костей более или менее соответствовало фотографии с подписью «здоровые стопы», закрепленной на крышке аппарата. Почти всю площадь крышки (что неудивительно) занимали фотографии менее здоровых стоп, и за исключением нескольких особых случаев («косолапость», «обморожение», «шрапнель»), помещенных здесь для курьеза, нездоровость их была вызвана неправильной обувью. Всякий посетитель выставки, изучая фотогалерею на крышке, не мог не подивиться опрометчивости среднестатистических дам. Аппарат стоял перед палаткой на улице, так что буквально создавал пробку. Все немцы проверили свои ноги и убедились, что их плюсневые кости тоже, как и следовало ожидать, в полном порядке.

Однако мистер Грин рассчитывал не просто на случайных прохожих, образовавших затор перед его палаткой. Его стратегия была глубже. На нее намекало определение «красивая», добавленное в качестве последнего средства к существительному «ковбойка». Дон отлично знала, как выглядит на фоне остальных девушек, и понимала, что «красивая», если это не наглая ложь, означает

что-то вроде «ты выделяешься в толпе».

На следующий день она расхаживала по выставке поразительно легкой походкой в практичных, но изящных и модных оксфордах. На голове у нее красовалась широкополая ковбойская шляпа с заправленной под ленту табличкой «Спроси меня про мою обувь!». Всем, кто спрашивал (и некоторым из тех, кто не спрашивал), она вручала листовки.

Ковбойский наряд был первым из-за простоты и очевидности. Время от времени Дон видела другую девушку в такой же обуви, с теми же листовками в руках, но одетую грацией, валькирией, принцессой или ангелом и в целом более модную и ухоженную, чем она сама. А. Т. Грин при посредстве миссис Грин (то есть либо жены, либо матери, но уточнить Дон не решилась) нашел относительно необидный способ развернуть ее оксфорды к парикмахерской, которых на выставке было несколько. Там ее оценили и начали приводить в порядок женщины, способные на полном серьезе выговаривать фразы вроде «кардинальная реформа силуэта в конце двадцатых» и «прорыв в искусстве укладки волос». Ибо как дамские парикмахеры на выставке они были своего рода миссионерами и не проповедовали

уже обращенным городским дамам, а несли радикальное подрывное учение провинциальным матронам и юным фермершам. Дон предполагает носить шляпку? Значит, ее потребуется модно сдвигать на правый глаз, а следовательно, подойдет асимметричный вариант боб-каре «Век прогресса» — новой прически, обрамлением мягких кудрей в духе финдесьекль, намекающей на моду прошлой выставки, но со здоровой современной перчинкой.

По пути домой в трамвае Дон немного растрепала укладку, но преображение было столь очевидным, что ей оставалось лишь сознаться во всем, и будь что будет.

Ей во всех смыслах нечего было больше делать. Теоретически она все еще принадлежала к воббли, но ИРМ сперва раскололи внутренние разногласия, затем обескровили правительственные репрессии и, наконец, сменила более мощная и лучше финансируемая компартия. То, что Дон в роли продажной девки рекламирует обувь на выставке «Век прогресса», не могло понравиться коммунистам. Однако еще раньше Дон уяснила: почти что угодно сойдет ей с рук, если назвать это конспирацией и намекнуть, что она собирает разведданные о привычках и слабых сторонах

буржуазии.

Не каждой молодой революционерке такое бы простили, но из-за событий прошлого года в Вашингтоне Дон стала чем-то вроде местной знаменитости и таким образом оказалась на длинном поводке. Да и непонятно было, кто должен держать поводок, учитывая, что мать и отец у нее умерли и ни на кого конкретно она не работает.

Ей все больше казалось, что прошлого лета в Вашингтоне вообще не было. Она растеряла связи со всеми выжившими, за исключением некоего Боба Оверстрита, висконсинского инженера лет тридцати, работавшего теперь на металлургическом заводе в Гэри, штат Индиана. Он был из тех пламенных социалистов, которым удается полностью слиться с истеблишментом. Аккуратно подстриженные каштановые волосы, хорошие манеры, заботливое внимание к женщинам. Вероятно, голубой, но не так близко знаком с Дон, чтобы в этом сознаться. Инженерный бакалавриат в Висконсинском университете, магистратура в Ренселлеровском политехе. Да, когда руководству сквота РЛБВ требовался человек поговорить с полицейскими или юристами, неизменно отправляли Боба.

После фиаско в Вашингтоне Боб и Дон оказались в одном товарном вагоне вместе с десятком других беглецов. Боб дежурил, пока Дон спала, она в свою очередь дежурила, когда спал Боб. Если бы вооруженные бродяги напали на спящего Боба, Дон оставалось бы только открыть скрипичный футляр, старательно собрать «томпсон», вставить магазин на сто патронов и устроить бойню. И все же самый факт, что она это *может*, придавал ей особую уверенность, которая вроде останавливала тех, кто посматривал на бумажник и чемодан храпящего Боба. Дон гадала, обладала ли Вероника той же усмиряющей силой. Она же не везде ходила с пулеметом.

Боб пригласил ее выпрыгнуть из вагона вместе с ним, когда поезд медленно полз через Гэри, и она без колебаний согласилась. Боб на несколько дней поселил Дон у себя, дав ей возможность вымыться и купить новую одежду, пока сам он ходил на работу, будто и не провел летний отпуск за разжиганием коммунистической революции. На чердаке его большого старого дома в Гэри валялся пустой фанерный чемодан, брошенный прежними владельцами, поскольку спускать такую огроменную развалюху по чердачной лестнице было себе дороже. По предложению

и с помощью Боба Дон перетащила чемодан в аккуратную подвальную мастерскую, где инженер занимался мелким ремонтом. Судя по всему, какие-то немцы полвека назад эмигрировали с этим пароходным кофром в Штаты. Система внутренних отделений наводила на мысль, что сколотивший его баварский плотник был одержимцем и располагал неограниченным временем. Дон плотником не была, но как всякая девушка с фермы умела держать инструмент, и переделала чемодан так, что скрипичный футляр поместился внизу. Сверху она приспособила второе дно и другие внутренние перегородки. Туда она уложила одежду, какую смогла купить в благотворительных магазинах и ломбардах Гэри. Чемодан заполнился всего на треть, но это было начало.

Бдительным соседям Боб сказал, что Дон — деревенская кузина, заглянувшая на летних каникулах. Прежде чем в этой истории усомнились, он проводил гостью на станцию, и она уехала пассажирским поездом, так что в Чикаго прибыла американской провинциалкой, пусть небогатой, но куда более приличной, чем Дон, ехавшая на товарняке от Потомакской станции вообще без вещей.

Поселившись в коммуналке, она обнаружила, что чемодан еле-еле влезает в застенное пространство под скатом крыши на чердаке, который ей предстояло делить с несколькими другими девушками. Для защиты от пыли, сквозняков и летучих мышей оно закрывалось съемной панелью. Дон вытащила из чемодана всю одежду, кроме одного комплекта, который держала в рюкзаке на случай, если придется уходить в спешке. Рюкзак отправился в чемодан, а чемодан — за панель, которую Дон задвинула своей кроватью. Остальные даже не узнали, что там есть тайник.

Все это она проделала за первые два часа после заселения в коммуналку и, пряча чемодан, думала, что кто-нибудь из Коминтерна скоро обратится к ней с вопросом, где двадцать четвертый «томми». На триумфальной пресс-конференции, которую ФБР устроило в спрингфилдском амбаре через несколько дней после разгрома лагеря Маркс, показали двадцать три автомата. Дон прочла газетные статьи в публичной библиотеке Гэри, изучила фотографии, пересчитала «томпсоны», аккуратно разложенные на брезенте. Очевидно, Немой Эл воспользовался новоприобретенным умением их собирать, чтобы обеспечить более угрожающие кадры. Уж

наверняка кто-нибудь из Коминтерна прочел те же статьи, рассмотрел те же фото, насчитал то же число автоматов, заметил расхождение. Как только коминтерновцы заявятся в коммуналку, Дон отдаст им скрипичный футляр и ключик на розовой ленточке, который обычно носила с собой, чтобы кто-нибудь не отпер замочек из любопытства. Она ни разу не открывала футляр с той минуты, как Немой Эл помог его закрыть.

Однако день этот так и не наступил. Сутками, потом неделями Дон не вспоминала о том, что хранится по другую сторону панели за ее кроватью. Иногда мужчины внизу смело обсуждали, что будет, если в коммуналку нагрянет ФБР, и тогда у Дон на миг холодело сердце: она видела, как агенты обыскивают чердак, замечают панель, вытаскивают чемодан, вскрывают подозрительно тяжелый скрипичный футляр. Но и этот день не наступил. Дон поняла, что разговоры про ФБР относятся к области фантазии. Беглецы из Германии, правда боявшиеся рейдов секретной полиции, разжигали пыл доморощенных революционеров, которым наскучило сидеть в коммуналке и ждать, когда что-нибудь произойдет.

Не имело смысла бороться с пропагандистской

частью выставки, поскольку этим занимались все. Куда полезнее или, по крайней мере, интереснее было изучать те ее части, которые представлялись общими для пропагандистов всех стран. К тому же это оказалось куда веселее для семнадцатилетней девушки без друзей и без каких-либо иных занятий. И вновь Дон испытывала то сладкое чувство мелкой шкоды, с которым тратила коминтерновские деньги на чашку кофе и пончик с джемом. На каждой листовке, которую она вручала, стояли ее инициалы, и каждая женщина, дошедшая до лавочки мистера Грина, приносила Дон десять центов, так что скоро у нее завелись собственные деньги на кофе. Она приходила рано и уходила поздно, потому что работа была легкая и на каждом шагу встречалось что-нибудь увлекательное — в том-то и смысл ярмарок. Скоро Дон знала выставку, словно старый город, в котором жила от рождения: могла направлять заблудившихся посетителей туда, где стояли рикши и молодые люди с креслами-каталками (именно там лучше всего ловились женщины со стертыми ногами), к Индейской деревне (на самом деле пяти деревням разных племен), к Самой Большой Картине всех времен и народов (панораме Великой войны, для

которой выстроили целый отдельный пантеон), к Храму майя, к Итальянскому павильону со святилищем Муссолини, к Украинскому павильону, откуда раздавались звуки Чикагского украинского хора в одни дни, Цыганского украинского струнного оркестра — в другие, создавая конкуренцию еженедельным хоровым собраниям в Павильоне науки и знаменитому радиоведущему Сету Паркеру с его шоу, в котором обычные люди исполняли религиозные гимны. Поток слов из репродукторов резко сократился на второй неделе, когда оглохшее руководство запретило передавать личные любовные послания молодых людей подружкам. Дон знала, как найти «Чернейшую Африку» с каннибалами из племени убанги, водное родео на бревнах, камеру хранения инсулина, где посетители-диабетики могли оставить лекарство в холодильнике, маленькую, но совершенно настоящую фабрику в павильоне компании «Файрстоун», где у вас на глазах изготавливали шины для автомобилей, которые по вашему индивидуальному заказу собирали на экспозиции «Дженерал моторс», так что уже вечером того же дня вы могли укатить домой на своей покупке. Стильные оксфорды несли ее по авенидас Старого Мехико, по мостам через каналы Венецианского

карнавала, по Улицам Парижа, где в «Кафе де пэ» выступал «Оркестр Золотого Берега» Фредди Уильямса — единственный негритянский ансамбль на выставке. Ее энциклопедические знания росли и скоро уже включали менее известные достопримечательности: установленный на трех ногах миллионовольтный искровой разрядник Массачусетского технологического института, самую большую карту ВМ (рельефный макет США площадью шестьдесят три на сорок три фута), самую большую выставку миниатюр ВМ, самую длинную стойку для продажи содовой ВМ (которую сотрудникам аптечной сети «Уолгрин» пришлось в панике удлинять, так как ее не хватало на всех любителей газировки), Страну механических чудес, аттракцион «Попади в черномазого», где можно было искупать негра в чане с водой, если попасть мячом в цель, и Деревню лилипутов, где лилипуты-шоферы гоняли на автомобилях с одноцилиндровым мотором, а лилипуты-боксеры лупили друг друга на крошечном ринге.

Как и задумывалось, все это привлекало посетителей: 600 торговых агентов компании «Нордж» специальным поездом железной дороги Балтимор-Огайо из Филадельфии, 176 разносчиков газет из Буффало специальным поездом

Нью-Йоркской Центральной железной дороги, 60 епископов Епископальной церкви, 180 работников Гражданского корпуса охраны окружающей среды по пути на юго-восток в лагеря по добыче сосновой смолы, 100 солдат Национальной гвардии Миннесоты. Руководители студии «Парамаунт» из Голливуда, члены благотворительного клуба «Лайонс» из Сент-Луиса, масоны из Форт-Смита, рабочие завода «Плимут» из Детройта, кредитные агенты из Милуоки, труженики резиновой промышленности из Акрона, розоводы из Пасадены — все прибывали специальными поездами железных дорог Рок-Айленд, Санта-Фе, Питсбург и озеро Эри, Чикаго и Восточный Иллинойс. Пятьсот служащих фабрики копировальной бумаги из Стерджиса, штат Мичиган, приехали тем же поездом, что и 270 членов Еврейского социалистического союза из Нью-Йорка. Нью-Йоркская центральная линия приняла обратно 5000 рабочих, уволенных из-за Великой депрессии, только чтобы удовлетворить потребность в специальных поездах. Избегая перегруженных железных дорог, целая армия фармацевтов из Огайо погрузилась на озерный лайнер, который вошел прямо в разветвленную систему бухт и причалов выставки, разметав флотилию греб-

цов, разминавшихся перед полуфиналом гонок на каноэ. Высадившись, они прямой наводкой перебросились в Павильон пищевой и сельскохозяйственной продукции, где 300-фунтовая негритянка тетушка Джемайма накормила их оладьями. Волна оголодавших огайских аптекарей хлынула в помещение, где хранилось 200 000 представленных на конкурс образцов консервированных и бутилированных продуктов, и некоторые дождались торжественного разрезания арбузов из Джорджии, прежде чем рассеяться и безнадежно смешаться с остеопатами из Миссури, Ассоциацией Техасской оперы, Чикагским клубом любителей кактусов, делегацией завода по выпуску кофезаменителя «Постун» из Батл-Крика и Ассоциацией производителей кирпича — все они были здесь в полном составе. На следующий день прибыли Ассоциация военных хирургов, батальон детей в инвалидных колясках из интерната для детей-калек Ла-Кросс, Итальянский национальный фашистский синдикат инженеров, Объединенные печатники Новой Англии, Нью-Йорка и Нью-Джерси, Гильдия брайлевского театра и «Ансьен комбатан» — группа ветеранов из Франции.

Как ни велики были эти группы, их числен-

ность не могла сравниться с теми, кто приезжал на ярмарку семьями на поездах, автобусах и автомобилях со всего континента. «Трибьюн» отправила тайных репортеров, замаскированных под обычных посетителей выставки, разоблачить происки кассиров, которые, сея слухи о пробках и невозможности припарковаться, отговаривали людей ехать в Чикаго на своих машинах. Представитель автобусной компании принес формальные извинения, провинившихся наказали.

Точно не на автобусах прибывали такие видные люди, как английский вице-консул, отмечавший день рождения Георга V в Бухте историй на Заколдованном острове; князь Людовико Потенциани из Италии, проинспектировавший Итальянский павильон в преддверии страстно ожидаемого трансатлантического перелета воздушной армады маршала Бальбо; Джордж Феррис, создатель колеса обозрения; генерал Джон Томпсон, создатель пистолета-пулемета; мистер Файрстоун, шинный магнат; миссис Джонс, асбестовая вдова. Из интересных Дон: княжна Александра Кропоткина, ведущая род напрямую от Рюрика. Ее встретили у ворот Двенадцатой стрит конные казаки, они же со-

провождали по выставке ее инвалидное кресло — потомок Рюрика в Айове растянула щиколотку. Келли, мэр Чикаго, получил миниатюрный ключ от Деревни лилипутов из рук лилипутского мэра. Губернатора Северной Дакоты, князя Токугава Иэсато, махараджу Бароды, а также поверенных в делах Ирландского свободного государства и Румынии встречали бóльшим или меньшим числом выстрелов из артиллерийских орудий. Лейтенант Тито Фалькони, итальянский ас, знаменитый тем, что пролетел вверх тормашками из Сент-Луиса в Джольет, пронесся над землей «на спине», приземлился вниз колесами, весь день на выставке подогревал ажиотаж перед прибытием колоссальных гидросамолетов Бальбо, а всю ночь кутил в кабаре «Пиратский корабль» Мари Луизы Техас Гинан, где смотрел фантастические и комические номера: балет, каскадеров на льду, метание ножей и цирк лилипутов. Джек Джонсон боксировал со всеми желающими, платя двадцать пять долларов тому, кто продержится против него раунд. Маркиз Гульельмо Маркони посетил Павильон радиотехники и осмотрел механическую диораму, на которой бесконечно показывали кораблекрушения до и после радио: во втором случае число жертв снизилось до

пренебрежимо малой величины. Он свободно говорил по-английски без всякого конспекта, но когда ему пришло время обратиться через свое изобретение к народу Италии, вытащил из кармана бумажку и под бдительным оком князя Людовико Потенциани зачитал что-то с частыми упоминаниями Муссолини.

Были на выставке и августейшие особы попроще. Дон приятно побеседовала о туфлях с мисс Миртл Суав, победительницей конкурса красоты в городе Айрон-Ривер. Ни одного выстрела из орудий не удостоились леди Антрацит из Майнерсвилля в Пенсильвании и Королева мехов, которая торжественно прошествовала по Улицам Парижа в счастливом неведении, что французский посол заявил в госдепартамент дипломатический протест с требованием взорвать это безобразие к чертям собачьим; мисс Берта Байндер, Королева сахарной свеклы из Сибавинга в Мичигане; мисс Ардот Шнайдер, Любимица родео Калифорнии; Фанни Нат, победительница конкурса красоты в Джорджии, и небольшой контингент победительниц из Саут-Сент-Пола. Хелен Джонсон, которую на Всеамериканской молочной выставке в Сент-Луисе выбрали самой типичной деревенской девушкой США. Старей-

ший лилипут и самый юный радиолюбитель. Королева Вишневого фестиваля в Мичигане. Мисс Верна Сокет, Самая Очаровательная Девушка пляжа. Оклахомские тройняшки.

Дон свободно дрейфовала с приливами и отливами гостей, чистила оксфорды дважды в день, меняла их на новую пару каждые две недели. У «Века прогресса» возник собственный разум, сохранявшийся несмотря на то, что одни посетители сменялись другими. Два здания на территории выставки были оборудованы кондиционерами, в том числе Иллинойский павильон, и он сделался любимым прибежищем усталых посетительниц, страдающих различными женскими недугами. На его большой тенистой веранде с видом на Авеню Флагов можно было попивать лимонад и чувствовать себя разом в центре всего и одновременно в стороне от толчеи, а современный холл с прохладным кондиционированным воздухом давал укрытие перевозбужденным и малокровным. В другом конце располагалась копия гостиной Авраама Линкольна и святилище Великого Освободителя, а посередине — лекционный зал, расписанный коровами и прочими иллинойскими буколическими сценами. Время от времени кто-нибудь более или менее известный выступал

с лекцией перед большей или меньшей аудиторией. Особенно много мероприятий происходило здесь в особые дни (День Лютера, Филиппинский, Болгарский, Еврейский день, День штата Юта, День американского дома и так далее). Дон они интересовали исключительно потому, что привлекали натрудивших ноги филиппинок и жительниц штата Юта — десять тысяч каждый день — на веранду и в холл, где они жаловались друг другу на гинекологические проблемы.

Палатка мистера Грина размещалась в двух шагах от Иллинойского павильона. Именно там Дон и ее легконогим коллегам, или конкуренткам, выгоднее всего было подстерегать женщин, пришедших в неудобной обуви. Настолько выгоднее, что миссис Грин пришлось для прекращения ссор установить график — какая девушка когда там может находиться. Дон в целом предпочитала ходить, а не стоять столбом, но прохладный воздух и легкие деньги любила не меньше самого прожженного капиталиста, так что почти все свои смены проводила в Иллинойском павильоне.

Датский физик Нильс Бор, который выступал как-то вечером в лекционном зале и собрал преимущественно мужскую аудиторию, выглядел практически бесполезным с точки зрения прода-

жи обуви: немногие дамы на лекции были обуты куда практичнее среднего и в любом случае пришли послушать про физику, а не гулять по ярмарке. Дон сачканула работу и пошла на лекцию отчасти потому, что слышала про Бора, отчасти из уважения к фундаментальной теореме выставки. Как не особо ревностный христианин, ходящий в церковь только на Пасху, Дон чувствовала себя обязанной посетить бесплатную лекцию Нильса Бора, раз уж все равно кормится от выставки, которая, если вычесть итальянских воздушных асов, летающих вверх тормашками, водное родео на бревнах, лилипутов и фигуристов-каскадеров, как будто бы целиком посвящена науке.

К тому же ни у одной девушки не было более подходящего к случаю наряда. Мистер Грин поручил в точности скопировать его с рекламного плаката выставки, которым обклеили сейчас весь Чикаго. Центральной и главной фигурой плаката была высокая, стройная, но притом мускулистая молодая женщина, стоящая на глобусе. Палец ее ноги размером со штат Висконсин указывал точно на Чикаго; вскинув голые руки над головой, она вбирала сноп бьющей с небес лучистой энергии. Композиция была многим обязана церковным изображениям дев в миг

сверхъестественного зачатия или хотя бы озарения, однако контекст явственно говорил, что это другое сияние, может быть вроде рентгена, которым аппарат мистера Грина просвечивал ноги клиенток, только шло оно сверху, как космические лучи. Так или иначе, одеяние на женщине с плаката было фантастическое: длинная прозрачная юбка, развевающаяся на астральном ветру, а над узкой талией — сверкающая кираса (костюмеры мистера Грина изготовили ее из папье-маше и покрасили серебряной краской) с обтекаемыми стальными чашечками на грудях. В промежутке между ними (груди у девицы были очень широко расставлены) красовался девиз «Буду»[12]. Из соображений приличия и коммерции в версии наряда, надетой сейчас на Дон, ниже было приписано: «рассказывать вам про мою обувь!» Ансамбль завершал головной убор в виде распростершего крылья молодого орла, который как будто вылетал прямо из мозга молодой женщины. Дон и другие девушки носили его по очереди. В жаркие дни кираса немного

[12] Сноски: 12

Образ, «выражающий дух Чикаго» (богиня в боевом облачении с орлом на голове и надписью «I will» между грудями), был создан художником Чарльзом Холлоуэем накануне Всемирной выставки 1893 г. Слова «I will» стали неофициальным девизом Чикаго, однако, написанные между женскими грудями, они выглядели довольно двусмысленно.

мешала дышать. На лекции Нильса Бора Дон постаралась сесть так, чтобы за спиной никого не было. Если бы ее попросили снять головной убор, ей пришлось бы уйти или встать у дальней стены, потому что орел (чучело из ломбарда) был неотделим от ее прически.

В любом случае ее вдохновляющий образ, хоть и привлек одобрительные взгляды многих, в том числе самого Нильса Бора, ничуть не оживил лекцию. Дон маялась и страдала в точности как ребенок, который ждал, что на пасхальной службе Христос во славе сойдет с небес, а теперь слушает, как скучный пастор что-то бормочет про единосущность.

Про Бора она читала прошлым летом, когда просиживала долгие летние дни в Библиотеке Конгресса. Тысяча девятьсот тридцать второй год выдался для физики урожайным, так что писали о ней много — по большей части бойкие репортеры, которых интересовало одно: поможет ли наука выигрывать на скачках. Некоторые журналисты, впрочем, вроде понимали физику или, по крайней мере, умели занимательно о ней писать, что для Дон разницы не составляло. Сенсацией прошлого года стало открытие частицы под названием нейтрон, из которой состоит примерно

половина материи во вселенной. Казалось бы, в таком случае наука должна была узнать о нем раньше. Однако из-за отсутствия заряда он долго оставался неуловимым. Его удалось вычислить, лишь распутав некую логически-математическую детективную историю, улики для которой требовалось добывать очень специфическими экспериментами. Жолио и Кюри проделали эти эксперименты в Париже, но неправильно истолковали результаты; Чедвик в Кембридже нашел верную разгадку, изобретя или открыв в процессе нейтрон, и подтвердил его существование еще серией опытов. Цепочку рассуждений, хоть и длинную, не составляло труда понять. Всё легко объяснялось аналогией с бильярдными шарами. Менее очевидной была часть, связанная с расщеплением атома. Чедвику и Жолио-Кюри требовалось выпустить протоны и нейтроны из ядерной тюрьмы. А для этого нужно было, чтобы шрапнель от разрушения нестабильных ядер била в цели иного типа и вышибала из них частицы. Широкой публике это объясняли аналогиями вроде «расколоть полено пулей».

Трудность заключалась в том, что, если следовать этой аналогии, щепки не просто падали на землю, а разлетались в стороны с энергией

большей, чем сообщила пуля. Таким образом доказывалось эйнштейновское уравнение $E = mc^2$ — энергия, приобретенная щепками, объясняла небольшую недостачу в массе полена. Массу можно превращать в энергию, более того, это превращение каждую секунду происходит в звездах. Что при этом получается фантастическое количество энергии, известно каждому по солнечному теплу, а ученым — по менее очевидным феноменам.

Все пересказанное обычные люди могли прочесть в газетах получше и в определенном смысле «понять» — это была физика бильярдных шаров, приправленная феноменом превращения материи в энергию. Однако Нильс Бор хотел говорить о других вещах, которые зрели в физике с середины двадцатых. По-видимому, он считал, что ленивые журналисты не уделяют им должного внимания, предпочитая писать о бильярдных шарах и пулях, что куда легче. Легче потому, что другие вещи понять трудно — настолько, что сам Бор, по его словам, не вполне их понимал. Длиннолицый датский ученый беседовал об этом с Эйнштейном в Англии и Бельгии, где Эйнштейн жил в последние месяцы, потому что на родине за его голову объявили награду в пять тысяч марок.

Заумность материала была бы не так страшна, умей Бор хорошо объяснять. Даже бестолковое объяснение дало бы слушателям хоть что-нибудь, работай микрофон как следует (или говори Бор чуть громче). Однако микрофон не работал, Бор говорил тихо, в зале плакал младенец, и Дон все труднее было убеждать себя, что она узнаёт из лекции что-то новое. Примерно то же можно было сказать почти о всех в зале — за исключением парнишки, сидящего перед Дон.

Парнишка был примерно ее сверстником и выглядел смутно знакомым. Он не первый раз нарочно попадался Дон на глаза. Он пытался поймать ее взгляд уже день или два. Ничего исключительного для выставки с миллионами посетителей, где работа Дон требовала быть как можно заметнее. Парни отличались по степени настойчивости. Трудно сказать, почему от некоторых ее воротило. От этого не воротило, хотя он и был назойливей многих. Пойти за ней на лекцию по квантовой механике было явным перебором, но Дон понравилось, что он сел впереди, где она могла его оценивать, а не чувствовать его взгляд затылком под боб-каре «Век прогресса». Он был худой, с густой шевелюрой, зачесанной назад с высокого лба и, видимо, давно не стриженной

— от влажности отросшие волосы курчавились. И еще, что довольно необычно, он был в шортах. Нильс Бор вроде бы говорил о том, что некоторые объекты могут находиться в двух разных состояниях одновременно, и Дон подумала, что это вполне применимо к парнишке, чье положение на шкале мальчик-мужчина было неопределенным из-за шортов. Если теория доктора Бора хоть сколько-то верна, данный объект — мальчик и мужчина одновременно и, пристально за ним пронаблюдав и проведя некоторые эксперименты, она может узнать, кто именно. Более того: до ее эксперимента парнишка останется в неопределенном состоянии. Другими словами, речь не о том, чтобы ей выяснить, мальчик он или мужчина *сейчас*, ибо вопрос в такой формулировке не имеет смысла; просто она своим экспериментом вынудит его стать тем или другим, после чего его мальчишество или мужественность вместе с ее осознанием станут частью большего, запутанного состояния дел. Поэтому Дон продолжала его разглядывать. Ее удивило, что он внимательно слушает лекцию. Она-то думала, он пришел сюда с ней познакомиться. Еще больше Дон изумилась, когда парнишка вытащил из тощего портфельчика школьную тетрадку и принялся листать. Перед

Дон кинетоскопически замелькали таблицы с числами, уравнения и схемы. Парнишка на миг замедлился на страничке, где (так крупно, что Дон смогла прочитать) было написано:

4/33 САМАЯ ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ ФОРМУЛА В МАТЕМАТИКЕ

$e^{i\pi} + 1 = 0$

Несколько мгновений он уважительно смотрел на формулу, затем послюнил палец, перевернул еще несколько страниц уравнений, написанных, видимо, в прошлые два месяца (поскольку сейчас было 6/33), дошел до чистого листа и написал БОР.

Видимо, он почувствовал на себе взгляд Дон, так как обернулся и посмотрел ей прямо в глаза прежде, чем она успела их отвести. У него были изогнутые брови и красивое лицо эльфа, которое могло бы показаться озорным, не будь сейчас на нем написаны удивление и растерянность. Парнишка изобразил улыбку, пряча неловкость, и отвернулся, предоставив Дон наблюдать, как его шея и мочки ушей наливаются пунцовым оттенком красного. Она не знала, как это все понимать, но догадывалась, что там, где он учится, сачковать чемпионаты по поеданию арбузов и

аттракцион «Искупай черномазого» ради лекций по физике и вести такие тетрадки — не метод нравиться девочкам. Дон невольно его пожалела, хоть и подозревала, что он по меньшей мере наполовину придуривается. Парнишка набросал несколько фраз, но минут через пять Дон заметила, что он вычеркнул фамилию «БОР» и еще крупнее написал «БРР!!! СКУЧНО!!!», после чего начал рисовать почеркушки в извечной традиции школьников на уроках. Сперва на бумаге появился летательный аппарат — некий гибрид ракетных гондол, скользящих по канатам высоко над ними, и огромного итальянского самолета из тех, что, если верить восторженным репортажам из самых больших репродукторов ВМ, взяли сейчас курс из ледяных широт к восточной Канаде. Ниже он набросал несколько зданий, которые, очевидно, должны были изображать выставку, а между ними — высокий пьедестал, на пьедестале — стройную длинноногую девушку с воздетыми руками, купающуюся в космическом излучении. Рисовальщик он был не великий, но точно ловил пропорции, так что получалось не совсем уж оскорбительно. По ходу дела он начал бросать на Дон взгляды — сперва короткие украдкой, потом, когда она не возмутилась, более долгие.

Без сомнения, тут парнишка мог бы оправдаться тем, что рисует ее с натуры.

В качестве последней детали он изобразил нагрудник в форме двух артиллерийских снарядов и между ними слово «Буду», которое усилил цепочкой вопросительных знаков.

Это был первый ложный шаг. Должно быть, Дон поморщилась, потому что парнишка снова залился краской, превратил вопросительные знаки в восьмерки и приписал:

«пить с Диком содовую»

На это она никак не могла не улыбнуться. Тетрадка захлопнулась. Через несколько секунд (предварительно потревожив один ряд слушателей Бора по пути к проходу и другой — по пути к свободному креслу рядом с Дон) он уже говорил:

— Слышь, ты чо-нить разобрала? А то могу объяснить. И микрофон не понадобится.

Среди ветеранов из самых разных краев Дон научилась различать акценты и сразу определила в Дике бруклинца.

— Он говорит, что…

— Дон.

— Дик. Он пытается нам сказать… приятно познакомиться, Дон, — что истины образуют взаимоисключающие пары и нельзя получить

одну без другой.

Дама перед ними, провинциальная матрона, до которой еще не добрались кардинальная реформа силуэта и прорыв в искусстве укладки волос, обернулась, глянула на Дика через очки в толстой оправке и недовольно шикнула.

Несколько минут спустя они уже шагали по Главной аллее к самой длинной стойке с газировкой ВМ.

9. Магнитогорск. Февраль 1934 г

— Глазам своим не верю, — сказала Аврора. — Как вы здесь оказались?

Доктор наук Олександр Физматов улыбнулся, откинулся на жестком деревянном стуле и на миг поднял глаза к потолку. Как знала даже Аврора, он напоминал ей, что, хотя они в комнате одни, их подслушивают.

— Я принес вам еды, товарищ Крейсер, — сказал он. — Теплую одежду. Некоторые гигиенические принадлежности. Я подумал, их может не быть, поскольку женщин здесь обычно не держат. Охранники сейчас осматривают передачу. Уверен, вы получите ее в целости и сохранности.

Все это было очень кстати, и Аврора чувствовала самую теплую признательность. Однако, слушая Физматова, она открыто таращилась в потолок и делала широкие жесты во всех направлениях, пытаясь привлечь его внимание к тому факту, что они беседуют в следственном кабинете ОГПУ. Что происходит? Неужели Физматов на самом деле агент ОГПУ, замаскированный под политзаключенного? Иначе как он бы посмел

сюда прийти?

— Вы не понимаете, — мягко сказал он. — Все в порядке. Вы исходите из западной парадигмы преступления и наказания. О, здесь это тоже есть — для обычных преступлений вроде кражи со взломом. Однако я в ИТК не потому, что ограбил банк. Это итог своего рода сделки. Я должен заплатить долг Революции. Я делаю это, употребляя мои познания ученого для строительства социализма. Лучше всего я могу делать это здесь. Что такое металлургический комбинат, как не научный эксперимент в огромном масштабе? У меня нет секретов от ОГПУ. И я не хотел бы их иметь. То, что я посетил знакомую, помогающую товарищу Шпаку в его расследовании, не навлечет на меня подозрений. Скорее наоборот. Я и моя семья рады помочь в распутывании вашей удивительной истории.

— Ваша семья?

— О, так случилось, что Протон и Электрон приехали на несколько дней из Москвы навестить отца.

— Это замечательно, но… при чем тут ваши сыновья?

— Так они же физики! — ответил Физматов так, будто это само собой разумеется. — Тут с физика-

ми не густо. Когда они приехали в Магнитогорск, товарищ Шпак пригласил их на чай и задал им несколько вопросов.

У Авроры расширились глаза.

— О, чисто технические и абстрактные по поводу новейших открытий в их области, — продолжал Физматов, улыбаясь и делая ладонью жест, как будто ласково похлопывает Аврору по руке. — Из этих вопросов стало ясно, что он ознакомился с вашей историей. Так я узнал, что вы здесь.

— Будет ли нескромностью спросить, на какую тему были вопросы? Какая может быть связь между моей историей и новейшими достижениями физики?

— Похоже, что связь не одна. Нильс Бор. Эксперименты с высотными аэростатами. Рентгеновские лучи. Что-нибудь из этого вам знакомо?

— Все это я упоминала, излагая товарищу Шпаку свою историю, — сказала Аврора. Она подняла лицо к лампочке, так что по сути обращалась непосредственно к Шпаку. — Я поражена, как глубоко он вникает в такие вещи.

— Разумеется, я знаю о темах их разговора лишь в пересказе. Однако одна подробность заставила меня немного беспокоиться о вас, Аврора. О ва-

шем здоровье и благополучии.

— В чем дело, скажите на милость?

— Прошу прощения, что затрагиваю столь личные вопросы. Но не случалось ли вам в какой-нибудь период жизни подвергаться воздействию рентгеновских лучей?

— Ими лечили мою мать. А позже, прошлым летом, я постоянно подвергалась их действию.

Она объяснила про флюороскоп и как с его помощью определяют, хорошо ли сидит обувь.

Ей не сразу удалось убедить Физматова, что такое происходило на самом деле. Он просто не мог поверить, что рентген применяют подобным образом. Однако, когда Аврора в подробностях описала аппарат, Физматов вынужден был допустить его существование.

— И, — сказал он, — еще раз простите меня… могу ли я заключить, что вы испытали некоторые неблагоприятные симптомы, связанные с вашими репродуктивными органами?

— Откуда вы знаете?

— Шпак попросил Протона кое-что выяснить. Протон отправил телеграмму в Москву и получил ответную телеграмму. Новейшие исследования в данной области, опубликованные в научных журналах за последние год-два, дают основания

думать, что рентгеновские лучи, проходя через тело, могут воздействовать на репродуктивные ткани, вызывая нежелательные последствия.

Аврора не знала, сколько времени сидела, не отвечая. Впрочем, очнувшись, она поняла, что какое-то время плакала. Физматов не сделал попытки обойти стол и утешить ее. Однако глаза у него были красные, и он сморкался.

— Я правда очень сожалею, что вас огорчил, — сказал он, когда решил, что Аврора в силах продолжать разговор.

— Все горести позади! — воскликнула она, тряся головой и улыбаясь сквозь последние ручьи слез. — Какое счастье наконец понять! Врач в Форт-Сиклсе сказала мне, что я родила монстра. Мне вливали наркотики в кровь и дикие суеверия в голову. Я наполовину им поверила. Но если посмотреть на дело научно, все становится на свои места.

В следующий раз Аврору привели в кабинет только на следующий день. Как всегда, ее усадили и заставили ждать. Она не знала, это какая-то психологическая тактика или просто безалаберность. Ждать пришлось дольше обычного. Часа через два Аврора услышала, как снаружи остановились машины, хлопнули дверцы. Какие-то

люди вошли в здание. Солдатские сапоги громыхали, мужские ботинки цокали по дощатому полу у нее над головой. Через некоторое время Шпак спустился по лестнице, с кем-то говоря. Подобострастным тоном. Его спутник отвечал мало — только «хм» и «да» изредка, показывая, что слушает. Шаги замерли перед ее дверью. Охранник, бренча ключами, отпер замок. Шпак вошел в кабинет, его спутник остался в коридоре. Он был невысокого роста, поэтому Аврора сперва не увидела его за спиной Шпака. Квадратная фигура. Хорошо одет по советским меркам. Круглое лицо, залысина, очки с круглыми стеклами в тяжелой оправе. Руки он держал в карманах пальто, пока не вынул одну, чтобы придержать дверь. Глянув на охранника, он оставил дверь приоткрытой ровно настолько, чтобы видеть Аврору в щелку.

Шпак сел напротив нее, пнул ее под столом и двумя расставленными пальцами указал на свои глаза. *Смотри на меня. Не на него.*

— Мне известно, что вы вчера говорили с Физматовым, — начал Шпак. — Он поделился с вами результатами недавних исследований по поводу рентгена.

— Да.

— Насколько я понимаю, новые сведения

позволяют нам закрыть часть расследования, связанную с монстром, который, по вашим словам, вышел из вашей матки в… — он сверился с заметками, — Форт-Сиклсе, штат Северная Дакота.

— Да.

— Когда вы впервые упомянули об этом в разговоре с доктором Стасовой, у нее, естественно, возникли сомнения в вашем психическом здоровье.

— Да. Сожалею, что небрежно об этом сболтнула.

— Напротив, вам следует всегда быть как можно откровеннее.

— Буду стараться.

— Как ни увлекательно мне слушать описания Деревни лилипутов, Пиратского кабаре и прочего, сегодня я хотел бы перескочить вперед к… — шуршание документов, — августу прошлого года и сосредоточиться на этом аспекте вашей истории. Позже у меня будут дополнительные вопросы о том, что произошло летом, когда вы еще были в Чикаго.

— Ясно.

— Когда вы приняли решение покинуть Чикаго и почему уехали именно в это время?

— В июле я заподозрила, что беременна. Когда

сомнений не осталось, я решила поехать на поезде в Монтану, к родственникам.

— Чтобы сделать аборт или…

— У меня не было четкого плана, я просто хотела уехать до того, как беременность сделается заметной.

— И вы уехали немедленно.

— Нет, я задержалась в Чикаго до пятого августа.

— Почему до этой конкретной даты?

— Дик — парень, от которого я залетела, — рассказывал мне про запуск стратостата. Мне хотелось его увидеть. Это был важный научный эксперимент. Сразу после запуска я села на поезд.

10. Северная Дакота. Август 1933 г

Весь ночной перегон до Сент-Пола она спала как убитая, потому что запуск стратостата на стадионе «Солджер Филд» продолжался до утра и совершенно ее вымотал. Потом она целый день собирала вещи и прощалась с обитателями коммуналки. Дон говорила всем, что уезжает в Монтану всего на несколько недель. Однако, похоже, соседи по коммуналке проведали, что она беременна, поэтому не ждали ее в ближайший год, а может, и не ждали вовсе. Дон не огорчалась: она знала, что будет скучать по некоторым немцам, однако остальные были прахом, который надо отрясти от подошв ее выставочных оксфордов.

Немцы проводили Дон на вокзал Юнион-Стейшн. Они по очереди несли ее чемодан и удивлялись, какой он тяжелый. Дон объяснила это тем, что накупила увлекательных книг по ленинизму. И она даже не врала, если исключить слово «увлекательные». Читать эти книги было невозможно, зато продавались они дешево, и Дон положила их в нижнее отделение, чтобы скри-

пичный чехол не болтался. Ей надоело слушать добродушные подтрунивания немцев. Доказывая, что чемодан вовсе не *schwer*[13], она втащила его с перрона в пульмановский вагон и втолкнула на багажную полку на глазах у шокированных негров-проводников и немецких интеллектуалов, которые охотно бы ей помогли, отойди она в сторонку и прояви хоть чуточку женственности.

Когда она поднимала тяжеленный чемодан и ворочала его на полке, у нее внутри как будто что-то лопнуло — еле заметно, так что она скорее смутно осознала это задним числом, чем в тот миг. Боли не было, просто что-то наподобие щелчка в суставе. И тем не менее Дон поняла, что сваляла дурочку, так что, уложив чемодан, села и, не глядя в укоризненные черные глаза проводников, начала из окна тронувшегося поезда посылать воздушные поцелуи немцам. Она заснула еще до того, как выехали из города, и проснулась только раз на короткой стоянке в Дубьюке. Утро застало ее в Сент-Поле, где двадцать минут их паровоз меняли на паровоз Большой Северной железной дороги. Дон могла бы выйти и размять ноги, но двигаться не хотелось. Она

---

[13] Сноски: 13
Тяжелый (*нем.*).

безо всякого труда наматывала сотни, если не тысячи миль по Главной аллее выставки, а теперь ей казалось, что она в жизни больше не захочет сделать и шага.

Наконец тронулись. Час за часом поезд грохотал на северо-восток; здесь, на сотни миль в глубине равнин, он ехал быстро и останавливался редко. Ближе к вечеру пересекли Ред-Ривер в Фарго и повернули на север, через два часа в Гранд-Форксе снова повернули, теперь на запад к Майноту.

Где-то на перегоне Гранд-Форкс — Майнот Дон наконец вынуждена была признать, что ей нехорошо. Она сказала бы себе, что съела что-то не то, да только она ничего не ела уже сутки. Значит, голодные боли. Однако дергало слишком настойчиво и сосредоточенно, где-то внизу живота. И за долгие часы к западу от Майнота боль усилилась настолько, что невозможно стало ее терпеть, не корчась и не охая.

Рядом с Дон сидела маленькая энергичная старушка, Бланш Бейкер. Она села в Гранд-Форксе и ехала на похороны сестры в Хавр. Мало что могло укрыться от Бланш, которая уже вытянула из Дон часть ее истории. Возможно, она даже угадала, что на самом деле Дон едет в Монтану, чтобы

скрыть беременность — история вполне заурядная. Бланш сидела, закрыв глаза, и вежливо делала вид, будто задремала, однако стискивала зубы всякий раз, когда Дон ударяла кулаком по подлокотнику, выгибала спину или силилась подавить длинный шипящий стон.

Спазмы стали накатывать волнами. В промежутках Дон говорила с Бланш. Она извинилась за беспокойство. Она видела, что Бланш чувствует себя ответственной за нее — взяла на себя эту ответственность — и гадает, не пора ли встать и позвать кондуктора. «Еще несколько часов… несколько сотен миль — я и доберусь до родных», — уверяла Дон, чтобы Бланш не развела панику. Она назвала станцию и фамилии людей, которые ее встретят, хотя на самом деле не знала, получил ли кто-нибудь из них ее телеграмму. Бланш записала все это в книжечку. Глядя, как скользит авторучка по бумаге, Дон поняла, что дело серьезнее, чем она думала. Во время следующего приступа спазмов она обмочилась, а когда откинула с колен одеяло, чтобы припустить в туалет, обнаружила на юбке и на сиденье кровь.

Видимо, она все-таки устроила спектакль, потому что теперь на нее смотрела не только Бланш. Весь вагон проснулся, прибежали провод-

ники. Паровозный гудок, так славно баюкавший ее двадцать четыре часа назад, изменился: несмолкающие тройные свистки разносились по бескрайней прерии, словно дымовой сигнал в ночи. Как отлично знала Дон, так вызывали медицинскую помощь к ближайшему полустанку — пункту перегона скота или индейской резервации, — обозначенному в расписании Большой Северной железной дороги нечитаемым петитом. Люди на этих полустанках, проснувшись в три часа ночи от долгого паровозного гудка, перекатывались на другой бок и засыпали снова, а некоторые даже умели различать машинистов по тому, как те сигналят. Тройной же свисток врывался в сон кошмаром и гнал их на станцию.

Такие люди и вынесли Дон из поезда на носилках. В последнюю секунду она показала глазами на багажную полку; попутчики, отчаянно желавшие хоть чем-нибудь помочь, сняли чемодан и грохнули на деревянную платформу рядом с ней. Незатейливая табличка гласила: «Форт-Сиклс». Пахло полынью. Спазмы усилились настолько, что Дон впервые закричала от боли. Ее вроде бы везли по пыльным ухабам в кузове грузовика, но в памяти осталось лишь смутное ощущение вроде детских воспоминаний о матери, скачущей на

коне через похожую местность, рыжих волосах на ветру, голубой воде озера Мичиган и пароходе в Петроград.

Потом — белая комната, женщина с белым лицом, уколы и шипящая маска.

Штампы голливудского кино, подкрепленные моральным духом выставки «Век прогресса», в котором Дон мариновалась три месяца, а также естественное облегчение от того, что она вообще проснулась, настроили ее на ошибочный — то есть чрезмерно оптимистичный лад. Она лежала на койке, что-то было натолкано в ее влагалище. Благоразумие советовало не шевелиться. Логика подсказывала, что она в больнице, но чем больше Дон оглядывалась, тем больше видела, насколько тут все собрано на живую нитку. Она лежала в большой палатке, возможно, списанной после Великой войны. Помещению явно старались придать хотя бы вид постоянного — настелили на землю дощатый пол и протянули наверху электрические провода. Суровый ветер Высоких равнин трепал брезентовую крышу и задувал в ржавую печную трубу, пронзавшую брезент сквозь наклонную асбестовую пластину. Пахло креозотом. Занавески отделяли пространство чуть шире койки. За ними другие больные

храпели, невнятно разговаривали или безостановочно звали некую миссис Кидд. Дым от их сигарет вплывал над занавесками в маленькую выгородку Дон, вспыхивая в проблесках света из проеденных молью дырок в брезенте. Хлопающая дверь и гулкое эхо намекали, что палатка примыкает к деревянному дому. Там крутилась пластинка с гимнами. Это было не чинное четырехголосие старинных епископальных церквей севера, а праведные вопли суровых южных фанатиков.

— О, проснулась, — произнес женский голос со скандинавским акцентом Среднего Запада.

Движение занавесок подсказало Дон, что кто-то подглядывал в щелочку, которой она прежде не заметила. Послышалось удаляющееся шурш-шурш-шурш трущихся между собой толстых ног в грубых чулках. Два разных хриплых мужских голоса разом воззвали к миссис Кидд — один с оклахомским акцентом, другой с техасским. Однако у миссис Кидд была сейчас одна задача — докричаться до какого-то мужчины (надо думать, в примыкающем доме), которого она именовала поочередно «преподобным Киддом», «дорогулей», «золотцем» и «пупсиком».

Мужчина подошел, славя Иисуса, и отдернул

занавески.

В лазарете стояла примерно дюжина коек, из них восемь были заняты — половина белыми, половина индейцами. Индейцы — надо полагать, лакота — звуков не издавали, и Дон до этой минуты не знала, что они здесь. Белые были тощие и небритые. Дон предположила, что это оклахомцы, бежавшие на север от черных бурь и отраженные длинной твердой границей Канады.

Она неплохо знала эти края и догадывалась, что Форт-Сиклс еще не так давно был настоящим фортом в военном смысле слова. Когда он исполнил свою миссию — покорить индейцев, ему назначили другую — присматривать за ними и оделять их теми товарами и благами, какие соизволит выделить правительство. Такие места часто привлекали непорядочных людей, знающих, что им многое сойдет с рук. И впрямь, часто ли правительство отправляло инспекторов и аудиторов в такие места, как Форт-Сиклс?

Преподобный Кидд стал для Дон Пупсиком с того мгновения, как она увидела его пухлое лицо и копну рыжих волос. «Восхвалим Иисуса!» — воскликнул он. Непонятно было, это само по себе хвала или указание Дон. Он и миссис Кидд — коренастая женщина в одежде медсестры (включая

белые чулки), подошли, встали на колени по бокам от койки и каждый взял Дон за одну руку. Свободные руки они соединили домиком над ее животом.

— Господи, — нараспев произнес Пупсик, — милостью Твоею миссис Кидд исторгла из этой девицы демона и очистила ее чрево от Люциферовой порчи.

— Сатана осквернил ее своей мерзостью, — подхватила миссис Кидд, — и тянулся чешуйчатой лапой утащить ее душу в ад, но Твоею небесной силой, действующей через целительное прикосновение преподобного Кидда, она спасена с края пропасти. Теперь помолимся, чтобы бедная сиротка раскаялась в грехах и обрела новую семью. Аминь!

— Аминь! — повторил Пупсик.

Оба умолкли, и Дон поняла, что они выжидательно на нее смотрят. Несколько «аминь!» донеслось со стороны тех оклахомцев, что были в сознании и воспринимали происходящее. А может, для них это был как удар молоточком под колено.

— Откуда вы знаете, что я сирота? — спросила Дон.

Они знали, потому что она им рассказала. И,

как мало-помалу сообразила Дон в следующие несколько дней, рассказала она все потому, что миссис Кидд накачивала ее лекарством — обезболивающим, которое обычно применяется в ветеринарии, но миссис Кидд колола его индейцам, в чьем случае побочными явлениями (галлюцинациями, амнезией, спутанностью речи) можно было пренебречь, учитывая, насколько оно дешевле человеческих лекарств и как это помогает сэкономить деньги налогоплательщиков. Миссис Кидд не скупилась ни на него, ни на морфий — более дорогой препарат, который, так и быть, не пожалела для белой девушки.

Между галлюцинациями от лошадиного лекарства и наркотической морфиновой дремой Дон осознавала свое новое положение чередой обрывочных образов, красочных и сюрреалистичных насколько, будто ее привязали к капоту грузовика и на высокой скорости провезли по «Веку прогресса».

Миссис Кидд, бывшая сестра Ван Эссен, урожденная Труди Ларсон, прежде заправляла здесь вместе с мужем, доктором Ван Эссеном, который отправил себя на тот свет передозировкой морфия. Управление по делам индейцев, которому принадлежала клиника, пока не удосужилось

прислать замену, так что вдова осталась тут старшим медиком. Тем временем наплыв оклахомцев привлек сюда преподобного Кидда в качестве некоего миссионера или капеллана; он женился на медсестре Ван Эссен. Дон, распростертая на койке, не могла сообразить, что забыли тут все эти оклахомцы, но вокруг много было такого, чего она не поняла бы, даже находясь каждую минуту в кристально ясном сознании. Так или иначе, теперь здесь заправляли Кидды.

Все это она извлекла из слов миссис Кидд в моменты просветлений. Миссис Кидд любила, ворвавшись в палатку, исправлять и проверять то, что лучше было не трогать. По ходу дела она разговаривала с Дон так, будто та в сознании, хочет ее слушать и знает миссис Кидд куда ближе, чем на самом деле. Дон, почти не в силах разбирать слова, видела больше, чем слышала. Миссис Кидд по провинциальным меркам одевалась дорого. Даже вполне зажиточная фермерша носила бы бумажное платье без чулок, волосы заворачивала пучком на затылке, а губы красила по воскресеньям. Миссис Кидд ходила с укладкой, а белые чулки и красную помаду изводила со скоростью пожара в универмаге.

Довольно про Киддов. То проваливаясь в забы-

тье, то приходя в себя, Дон силилась понять, что произошло с ней самой. Она уже знала, что ее «очистили» от «мерзости», которая теперь плавала в банке с формалином у Пупсика на столе — наглядное свидетельство присутствия сатаны в мире. Он угрожал показать эту банку Дон всякий раз, как та позволяла себе робко усомниться в его рассказе. Дальше ей сделали операцию, которую описывали исключительно в библейских выражениях — выскабливание? Операция прошла неудачно. Нежизнеспособные зародыши — дело вполне обычное. Как правило, это заканчивается выкидышем. Пупсик увидел эмбрион, объявил его демоном и приписал себе чудо исцеления.

Она проснулась, а они стояли вокруг ее койки, изгоняя демонов. Воспоминания, свежие, но ложные, подсказывали, что она галлюцинирует.

Она проснулась под водой. Множество рук топило ее. Это была не галлюцинация. Какой-то глубокий подсознательный инстинкт не дал ей вдохнуть. Она лежала на спине, глядя на кольцо лиц, дробящихся от колыхания воды. В центре кольца, высоко наверху, зыбился белый дом на розовом песчаниковом уступе.

Брыкаясь, она задела пяткой дно, уперлась обеими ногами и толкнулась — чужие руки от-

дернулись, дали ей вырваться на воздух. Она стояла в реке, люди в костюмах окружали ее, словно на похоронах. Но они всего лишь ее крестили: очевидно, она сама дала согласие на этот обряд под воздействием какого-то препарата. Они были в холодной прозрачной речке на излучине, огибающей песчаниковый обрыв с деревьями и домом наверху.

Это было второе ее крещение; первое произошло в маленькой православной церкви под Петроградом, когда Дон было семь. Нынешнее, впрочем, происходило в таком месте, которое она всегда будет нутром ощущать как свою родину. Среди этих равнин она появилась на свет. Сейчас она вдыхала первый природный запах, который услышала в жизни: полыни, пыли, холодной текучей воды, древесного дыма, сосновой хвои. В какой-нибудь древнегречески-мифологической версии ее истории это придало бы Дон некую автохтонную мощь и она бы вырвалась на свободу, однако края эти были в равной мере убежищем и тюрьмой. Зимы, дикие звери, бескормица и враги заставляли людей сбиваться кучками в лагерях, домиках, типи, где можно сидеть у огня и хлебать из общего котла. А присоединившись к таким сообществам, люди уже и мысли не до-

пускали о том, чтобы уйти, и оттого покорялись тем, кто силой личности, физической мощью или богатством брал над ними власть. Дон сформировали такие сообщества в той же мере, в какой сформировала ее местность. На рудниках, в поселках лесорубов, на ранчо заправляли боссы, часто деспотично. Люди, к такому непривычные, восставали. Начинались открытые войны между рабочими и нанятыми боссом головорезами. Вмешивался закон. Так возникла теневая культура обитателей Дикого Запада, слишком своенравных, чтобы стать коммунистами, и слишком правильных, чтобы податься в бандиты. Такими были родичи ее матери. Они ездили в Чикаго на съезды ИРМ, где завораживали профсоюзных деятелей из восточных штатов своей удалью, своими рассказами о столкновениях на шахтах в двух милях над уровнем моря, и после короткого обреченного романа все шло наперекосяк: восточные профсоюзные деятели пытались навязать им революционную дисциплину, а в ответ получали рекомендацию идти в жопу. Мать Дон познакомилась с ее папой на одном из таких съездов. Папа поехал с ней на запад посмотреть, что там и как, и влюбился в нее и эти края. Итак, когда Дон с головой, совершенно прояснившейся

от ледяной воды, вынырнула из реки, она поняла, что оказалась на родине, но родина эта будет тюрьмой, если не вырваться из общин, где заправляют Кидды.

Чувствуя себя гораздо лучше, она отказалась от вечернего укола. В итоге Пупсик и двое его приспешников держали ее, пока миссис Кидд, глядя Дон в глаза, вгоняла иглу ей в вену. «Ну-ну-ну», — бормотала миссис Кидд. Это всегда было последнее, что Дон слышала, прежде чем отключиться.

Она очнулась в комнате с дощатыми стенами, привязанная к кровати. Пупсик сидел рядом с ней вполоборота. Его левая рука гладила ей грудь, а правая была занята нехорошим. Дон услышала запах нагретого вазелина и увидела, как Пупсик скорчился, кончая на ее простыню.

Она проснулась одна в той же комнате. Там же была миссис Кидд с черной коробочкой шприцев.

— Как сегодня моя маленькая коммунисточка? — весело спросила миссис Кидд, в поте лица изображая ехидную бодрость. — Надо было оставить тебя у дороги, чтобы тебя волкам съесть! Шлюха… заявилась из Чикаго со своим монстром… неблагодарная, нераскаянная… а теперь

охмуряешь моего мужа!

Живя среди образованных людей, изучавших фрейдовский психоанализ, Дон отучилась употреблять слово «сумасшедшая». Однако это было нормальное слово для таких мест, где — что бы ни говорил Фрейд — люди, особенно заполучившие хоть капельку власти, просто слетают с катушек и забредают в сумеречный мир, наполовину ими же придуманный, наполовину превратно видимый через причудливую систему самообмана. Миссис Кидд — сумасшедшая. И, вероятно, на наркотиках — скорее всего, каком-то амфетамине. Дон оставалось одно — говорить с ней спокойно, даже кротко, в надежде достучаться до здравой части ее рассудка.

— Если вы меня отпустите, я отсюда уеду.

— Ясное дело, уедешь! Хочешь уйти от расплаты за преступление?

— Какое преступление?

— В тюрьму ты уедешь, и никуда больше. И я буду тебя там держать, пока не подпишешь бумаги.

— Какие бумаги?

— О, я проверила твой чемодан. Нашла твои коммунистические книжки. И ветеранские бумаги. Не напрягай свою хорошенькую головку…

Аврора.

У Дон в голове мутилось не только от препаратов. Она не слышала своего русского имени с тех пор, как умер отец. Откуда миссис Кидд знает?

Из бумаг, которые нашла в ее чемодане. Отец заполнил эти бумаги и указал там имя, которое больше нравилось ему.

Тут до нее дошло нечто более важное. Миссис Кидд рылась в ее чемодане. Залезла так глубоко, что нашла «коммунистические книжки». Скрипичный футляр лежал сразу под ними, под вторым дном из кедровой фанеры. Видимо, на этом миссис Кидд остановилась. Или увидела скрипичный футляр и решила, что там скрипка. Она бы уже упомянула автомат, если бы про него знала.

— Я поместила бумаги в банк, где они будут в целости и сохранности, — продолжала миссис Кидд.

— В банк?

— В сейф. Банкир мой личный доверенный друг. Я вижусь с ним каждый понедельник. Там мы с преподобным храним Господни деньги.

— Пожертвования.

— Да. Банкир сбережет твои бумаги в целости и сохранности, пока мы с тобой не разберемся.

А для гулящей девки вроде тебя пути только два — в тюрьму или в приемную семью.

Кто-то постучал в дверь.

— Миссис Кидд? Помощник шерифа.

Появление служителя закона стало новой неожиданностью для Дон. Вероятно, это отразилось на ее лице, потому что миссис Кидд несколько мгновений упивалась торжеством.

— Открыто, помощник Джеймс.

Помощник Джеймс вошел и любовался Дон так долго, что миссис Кидд занервничала. Дон смутно помнила его по ночи, когда ее забирали с железнодорожной платформы.

— Помощник Джеймс, вы помните Дон, — сказала миссис Кидд. — Девчонку, которая забеременела и попыталась сделать себе аборт.

— Что?! — вырвалось у Дон.

Миссис Кидд этого ждала. Она влепила Дон пощечину, так что та упала обратно на подушку.

— Ну-ну, миссис Кидд, это совершенно лишнее, — добродушно заметил помощник Джеймс.

— Скоро она вымоется, и вы с другими помощниками сможете вдоволь насмотреться на нее через решетку. Такой шлюшке будет по душе, что на нее пялятся. Кто знает, какие услуги она предложит вам за хорошее обращение. Вам придется

быть с ней строгим и суровым.

Миссис Кидд вновь глянула на Дон. Помощник Джеймс защелкнул наручник на ее левой руке и принялся отвязывать ее от кровати. Как только веревка ослабела, он подтянул левое запястье Дон к правому и сковал их вместе. В глазах у нее стояли слезы, из носа текло, что бесило, ведь на самом деле она не плакала, просто автоматически среагировала на пощечину.

— Ну-ну, — сказала миссис Кидд. — Хочешь еще укол, чтобы успокоиться?

Дон замотала головой.

— Она напортачила с абортом, как они все, и чуть себя не убила, — говорила миссис Кидд, пока Дон садилась в ожидании, когда ей развяжут ноги. — Теперь ей лучше. Можно ее выписывать. Но если преступницу можно выписать, значит, она уже в силах отвечать перед законом, так ведь?

— Полностью с вами согласен, миссис Кидд. И вы знаете, что она ответит по всей строгости закона, как только вернется судья Хьюз.

Женского отделения в тюрьме не было, так что Дон заперли в подвальной камере подальше от обычных заключенных. Ни Джеймс, ни кто-либо еще из шерифских помощников ее не тронул. Это доказывало, что миссис Кидд, как свойственно

людям с ее конкретной формой безумия, думала о них хуже, чем они есть, и составленный ею план пошел прахом. Уже что-то.

С другой стороны, морфиновая абстиненция не подарок; склонные к эвфемизмам уроженцы Среднего Запада сказали бы, что ей «хреновато». Это плюс общее отсутствие санитарных условий, вероятно, сделало Дон куда менее привлекательной для тюремщиков, чем хотелось думать миссис Кидд. Дон никогда не была совсем уж неотразимой, но подошла к этому достаточно близко и знала, как работает магия и что ее убивает. Ничего менее привлекательного, чем морфиновая абстиненция в подвальной камере Форт-Сиклса, штат Северная Дакота, она вообразить не могла.

Впрочем, через несколько дней тошнить ее стало реже, а периоды просветлений удлинились, так что она смогла обдумать свое положение. Увы, периоды эти наступали по большей части ночью, когда она предпочла бы спать. У нее попрежнему тряслись ноги, текли сопли, а кожа покрывалась мурашками, но это хотя бы не мешало размышлять логически.

Дон не знала, как долго ее «лечили» в лазарете у Киддов, но следов от уколов на руках было около двадцати; синяки от тех, что поновее, си-

дели вдоль вен, слово цветы кипрея. Три-четыре недели?

За поездку из лазарета в тюрьму она в общих чертах поняла, как устроен Форт-Сиклс. Больничка Киддов стояла на земле Управления по делам индейцев там, где шоссе заходило в резервацию лакота. Там же выросла кучка лачуг и лавчонок — по большей части питейных заведений, а по белую сторону границы возник гувервилль оклахомцев. Сам городок — примерно сотня каркасных домиков, заказанных по каталогу «Сирс Роубак», — лежал в пяти милях по тому же шоссе, идущему параллельно Большой Северной железной дороге. Рядом протекала речка. Дома получше располагались в тени деревьев по ее берегам. Домики поменьше теснились вокруг городской площади с пушкой и памятником Кастеру. Банк, три церкви, библиотека и здание суда глядели на узкую лужайку. Промежутки между ними заполняли салуны, аптеки, парикмахерские и тому подобное.

Шериф и его тюрьма занимали флигель позади здания суда. Дон, чтобы услышать обвинение, требовалось пройти не больше сотни шагов. Однако судья Хьюз вернулся лишь через неделю после ее ареста. Оно и к лучшему, поскольку к

тому времени, как ее наконец отвели в зал суда, она успела не только оставить позади абстиненцию и хоть как-то помыться, но и обдумать тот последний насыщенный разговор с миссис Кидд.

Миссис Кидд перерыла ее чемодан. Не до самого дна. Нет, она остановилась, найдя конверт с документами. Там лежали оба паспорта Дон — советский и американский. Отец Дон, как комиссованный по инвалидности ветеран Великой войны, получал ежемесячную выплату. Часть пособия после его смерти переходила к Дон. Добравшись в прошлом году до Чикаго, она нашла все нужные документы в отцовской квартире и взяла с собой.

Миссис Кидд и Пупсик прочли эти бумаги. Зная, что Дон несовершеннолетняя сирота, они решили ее удочерить — чтобы прибрать к рукам ее пособие. Документы Дон внезапно обрели ценность. Соответственно миссис Кидд отнесла их в банк, стоящий наискосок через площадь от комплекса тюрьма-суд, и уговорила своего близкого друга управляющего положить их в сейф вместе с Господними деньгами.

Дон могла лишь гадать, где ее чемодан. Киддам не имело смысла убирать его в сейф целиком. Скорее всего, они оставили его в лазарете. Ко-

гда Дон пробыла в тюрьме дня два, ей передали кое-что из одежды: очевидно, миссис Кидд или преподобный достали вещи из чемодана.

Снимая у нее отпечатки пальцев, помощники шерифа конфисковали некоторые мелочи, в том числе ключик от скрипичного футляра, который Дон обычно носила на шее. Миссис Кидд заметила это, задала вопрос и тут же сама на него ответила: «Это ключ от твоего дневника, милочка?» Ложь представлялась не хуже любой другой, так что Дон ответила «да» и на ходу сочинила объяснение: она, наверное, забыла дневник в поезде ночью бурного прибытия в Форт-Сиклс. «Ну-ну, — утешила ее миссис Кидд, — быть может, так Господь помогает тебе забыть старое и начать новую жизнь».

Для чего ее упекли в каталажку и как это связано с планами Киддов на ее новую жизнь?

Когда вернется судья, ей предъявят обвинение в искусственном прерывании беременности. Это следовало из разговора между миссис Кидд и помощником шерифа Джеймсом в лазарете перед тем, как Дон забрали.

Выкидыши у женщин случаются сплошь и рядом. Как судья может определить, произошло это самопроизвольно или в результате преступного

действия?

В отсутствие прямых свидетельств дело решат показания профессиональных медиков. Они могут осмотреть женщину и заключить, потеряла она ребенка по воле Божьей или по человеческому умыслу.

Единственный профессиональный медик, которого тут могут вызвать свидетелем, — миссис Кидд.

Для чего той отправлять Дон в тюрягу и под суд, если главная цель — удочерить ее и пользоваться ветеранским пособием?

Потому что Дон семнадцать, и ее мнения спросят. Она может противиться удочерению. Они не хотят, чтобы она противилась. Они хотят, чтобы она перед судьей кротко согласилась стать приемной дочерью Киддов. Для этого им нужно было чем-то ей пригрозить. Что они и сделали — несколько слов миссис Кидд на свидетельском месте отправят ее в тюрьму на годы.

Что Дон больше всего беспокоило в угаданном плане, так это дичайшее сумасбродство и напрашивающиеся выводы про состояние рассудка и финансовые обстоятельства преподобного и миссис Кидд. Главным образом жены, потому что Пупсик был полным дураком. Миссис Кидд, ви-

димо, заметила, что он в одной комнате с Дон не может удержать руку от ширинки, и поняла, что должна сплавить Дон из лазарета, подальше от преподобного, но так, чтобы не упустить совсем. Сдать ее правосудию оказалось даже проще, чем накачивать наркотиками.

То была дурная сторона Великих равнин — общины настолько изолированы, что людям сходит с рук почти все, и они, оторванные от цивилизованной жизни, уходят путями безумия в дебри, откуда нет возврата к нормальности. В сибирской тайге, в австралийском буше, во внутренних частях Бразилии наверняка есть такие же поселки и такие же люди. Топливом или катализатором служило Управление по делам индейцев, дававшее неподотчетные государственные деньги заведениям вроде больнички миссис Кидд. За аптечные припасы миссис Кидд, безусловно, платили налогоплательщики; если она хоть сколько-нибудь затрудняла себя подделкой отчетности, то всегда могла подтвердить, что наркотики ушли на облегчение страданий недужных индейцев-лакота.

К появлению судьи Хьюза все действующие лица были уже в сборе: на сессию явился каждый мужчина, женщина или ребенок, нарушившие

закон с прошлой сессии, а также их родные, жертвы, свидетели и просто любопытствующие. Человек сорок их сидело в зале, включая преподобного и миссис Кидд. Пупсик прятал глаза, но миссис Кидд холодно оглядела Дон с ног до головы, пока пристав вел ее к скамье для арестантов, установленной сбоку под прямым углом к скамьям для свободных людей. Как только Дон села, миссис Кидд зашуршала к ней, демонстрируя всем собравшимся чарующую улыбку. Она перегнулась через ограждение и, наклонившись едва ли не нос к носу, так что Дон вынужденно вдохнула ее пудру, зашептала:

— Надеюсь, у тебя было время обдумать наше щедрое предложение взять тебя приемным ребенком. Довольно одного кивка, и все это останется для тебя позади.

Выбор, хоть и тягостный, был легким. Если Дон откажется, миссис Кидд даст против нее ложные показания. Итогом будет тюремный срок. Хуже того, длинный бумажный след в какой-нибудь момент попадется на глаза Немому Элу. С другой стороны, согласиться значит выйти из-за решетки и угодить в другое заточение — в доме у Киддов. Сбежать оттуда будет куда легче, а Дон одно и требовалось — возможность побега.

— Что вы сделали с моими вещами? — спросила она.

Миссис Кидд улыбнулась:

— Не утруждай свою хорошенькую головку такими пустяками. Твой чемодан уже у нас в доме. Ждет в твоей новой комнате. Тебе нужно только сказать «да», и ты выйдешь из этой гадкой тюрьмы еще до заката. Сможешь устроиться в новом доме вместе со своими вещами, и все будет замечательно.

— А что за дом-то? Он правда хорош?

— Несравненно лучше тех, где тебе случалось жить, милочка. Доктор Ван Эссен, упокой Господи его душу, купил землю у реки. Мы с Пупсиком построили там дом в лесу. Мы сидим на веранде, слушаем птичек и журчание воды в реке. Тебе понравится.

— Спасибо, миссис Кидд, звучит очень заманчиво.

Звуки из коридора известили, что судья Хьюз сейчас войдет. Миссис Кидд прошуршала обратно на свое место.

Ковбой в дальнем конце зала пернул.

Все посмотрели на него.

Он дремал, прикрыв лицо шляпой, но теперь, разбуженный собственным газоиспусканием,

сдвинул ее назад, а потом и вовсе снял, открыв лицо.

Дон его знала. Это был мамин родственник Реджи Уокер, за свою сорокалетнюю жизнь сменивший много занятий, среди которых встречались и законные.

Каким чудом он здесь оказался?

Бланш Бейкер. Старушка в поезде. Должно быть, она послала из Хавра телеграмму — известить родню Дон, что девушку сняли с поезда в Форт-Сиклсе в тяжелом состоянии.

Завладев вниманием Дон, Реджи беззаботно сложил руки на груди, выставив большие пальцы. Глянул на миссис Кидд, повернулся к Дон, посмотрел ей прямо в глаза.

И отрицательно мотнул головой.

Она никакого определенного ответа не дала.

Реджи лениво поднял руку и чиркнул себя ладонью по горлу. Потом уронил ее на локоть свободной руки и пантомимой изобразил внутривенную инъекцию, вжимая большим пальцем воображаемый поршень. На случай, если Дон все еще не поняла, он глянул на миссис Кидд, закатил глаза, вывалил язык и уронил голову назад, изображая смерть.

— Ты вынудила ее солгать под присягой, —

одобрительно сказал ей Реджи некоторое время спустя. Он ею гордился.

Был час посещения в тюрьме. Из того, что произошло в зале суда, следовало, что Дон пробудет здесь некоторое время.

Она не ответила.

— Она присягнула, что ты сделала аборт. Полагаю, это ложь.

— Конечно. Я не стала бы делать этого в поезде.

Реджи кивнул:

— Что ж, теперь она будет плохо спать ночами — уважаемая женщина и все такое.

— Ты правда так думаешь, Реджи?

— Да. Какой бы гнилой она ни была внутри и что бы ни делала тайно. Встать перед всеми эти людьми и присягнуть в том, чего не было, — большой шаг. Больше убийства.

— Что ты имел тогда в виду? — Дон повторила его пантомиму в зале суда.

— Она убила первого мужа. Врача. Может типа как бы случайно. Не то чтобы он не кололся. Кололся. Давно. Все это знали. Потому-то это был хороший способ его убрать. Его нашли со жгутом на левой руке, с иголкой в вене, с остановившимся сердцем. Одна загвоздка — он был левша.

— А что, расследования не было?

Реджи мотнул головой.

— Ее здесь уважают. Во всяком случае, те, кто проводит расследования. — Он повернулся и посмотрел Дон в глаза. Его усы повисли, в синих глазах угадывалось грустное ожидание. — Тебе, наверное, интересно, почему я заявился в суд. Отчего сделал то, что сделал.

— Должна сказать, ты чуточку раззадорил мое любопытство. Для человека, никогда здесь не жившего, ты чертовски хорошо осведомлен.

— Я пробыл здесь три недели. С тех пор, как твоей родне пришла некая телеграмма. Угощал местных выпивкой, задавал вопросы. Собирался навестить тебя в больничке, но как только узнал больше про Киддов, решил не ходить.

— Почему ты не зашел ко мне в тюрьму?

— Не хотел, чтобы Кидды узнали, что я разгадал их замысел.

— Вытянуть у меня согласие на удочерение.

Для человека совершенно необразованного и неграмотного Реджи исключительно хорошо умел показать собеседнику, что тот сморозил несусветную глупость. Он отвел глаза. Уголок рта дернулся досадливо.

— Дон Рэй. Она бы тебя убила.

— Ой.

— В точности как первого мужа. Они бы бросили твой труп в речку и получали твое пособие до конца дней.

Дон на миг задохнулась. Отчасти из-за мгновенной абсолютной уверенности, что Реджи прав. Ее придавили бы к кровати в хорошенькой новой спальне киддовского дома. Последним, что она услышала, было бы «ну-ну» миссис Кидд.

Иначе просто не могло быть. Все выводилось однозначно, как математические доказательства Дика. Миссис Кидд вышвырнула ее из лазарета из-за блудливых глазок Пупсика. Взять ее в дом значило создать еще худшее искушение, которое можно устранить лишь одним способом.

И еще ее ошеломило, какая ж она дура, что сама этого не увидела. Она чуть было не сказала «да» в зале суда.

Но было и еще одно. Когда Реджи сказал, что Кидды утопили бы ее тело в речке, Дон вспомнила, как ее насильно крестили. Ее толкали на дно. Она очнулась и через струящуюся воду увидела кольцо людей вокруг и держащие ее руки.

А над ними, высоко на песчаниковом обрыве — белый дом с верандой.

Молчание так затянулось, что даже Реджи ста-

ло неловко.

— Лучше тебе быть в тюрьме, — сказал он. — Оттуда мы тебя вытащим.

— Да — и нет.

— Это как?

— У меня неприятности с федералами.

— Хм.

— Они знают мое имя. Мое русское имя. Я нигде им не называлась. Но миссис Кидд нашла его в моих бумагах. Теперь обвинение. Документы по делу. Рано или поздно федералы об этом проведают, и Немой Эл приедет за мной.

— Кто это?

— Фэбээровец, с которым я пересекалась в Вашингтоне. Знает обо мне слишком много.

Реджи некоторое время жевал услышанное, как табачный жгут.

— Возможно, мне понадобится кто-нибудь еще, — сказала Дон. — Ты очень, очень крут. Но на некоторые дела нужно больше парней.

— Дон, ты мне очень дорога, потому что твоя мать была мне как сестренка, вытащила меня, когда я был пьяный и дурной. Я для тебя что хошь сделаю. Но таких парней, о каких, думаю, ты говоришь, мало. Нынче их труднее собрать и направить в одну сторону. В смысле, нужен

стимул. Твои красивые глаза могут отчасти сработать, но…

— Я могу предложить кое-что посущественней.

— Выкладывай.

Дон устала, ей было одиноко и больше всего хотелось не делать вообще ничего. Смириться с тем, что будет. Она испытывала это желание уже некоторое время и особенно сейчас, сидя за столом напротив Реджи Уокера.

Он был такой человек, которому можно сказать что угодно, но, сказав, уже нельзя взять свои слова назад. Последствия будут столь же необратимы, как закачка семисот баллонов водорода в аэростат. Так уж он был устроен.

Она еще немного помедлила. Реджи ждал терпеливо, как все люди его склада, знающие, что слова имеют серьезные последствия.

Как ни странно, в эти мгновения Дон вспомнила генерала Паттона. Не какие-то конкретные фразы, сказанные ей Паттоном. Скорее то, как он на нее смотрел, ощущение от его взгляда, когда она скакала на лошади, танцевала с ним на балу, его уважение и то, что он увидел в ней воительницу, которая не ко двору в мирном цивилизованном обществе. Которая должна найти себе собственное место в жизни. Если она

этого не сумеет, то уронит себя в глазах Паттона и не будет достойна уважения в его тогдашнем взгляде. Завоевать его уважение и сплоховать позже было хуже, чем не заслужить вовсе. Такое уважение налагает страшную ответственность.

Реджи по-прежнему ждал, как ждет ружье, чтобы владелец спустил курок.

— Мне сказали, следующее заседание через неделю. На котором я могу заявить о своей невиновности.

— Я чуток в курсе порядков.

— Я также могу внести залог.

— У тебя столько есть?

— Ну, я не знаю, сколько они запросят. Но скорее всего, нет. Даже если б у меня столько было, Кидды забрали мой бумажник. Он был в чемодане. Чемодан у Киддов в доме. Но у меня были и документы. Паспорта и прочее. Миссис Кидд отнесла их в банк и положила в сейф. Большой сейф, где они с преподобным хранят Господни деньги.

Слова эти подействовали на Реджи Уолкера как новая батарейка — на электрическую игрушку. Он снял ноги с соседнего стула, выпрямился, потом непроизвольно коснулся своей ковбойской шляпы на столе и чуточку ее поправил.

— Банковский сейф, говоришь. Давненько я не видел их изнутри.

— Ага.

— Это в каком у нее смысле Господни деньги?

— Пожертвования от прихожан.

— Их прихожане — нищая публика.

— Может быть, оттого что отдают все деньги Господу.

— Может.

— Преподобный Кидд приехал с юга. По виду это человек с прошлым. Может быть, он прихватил с собой сколько-то Господних денег. Может, кто-нибудь из тамошней паствы узнал о его делишках.

Реджи кивнул:

— Дом у них большой. Лучший в поселке, говорят.

— Белый на обрыве над излучиной?

Реджи снова кивнул, пристально наблюдая за Дон.

— По другую сторону плоско. Можно подъехать к воде. Они там крестят.

Реджи не хотел входить в вопрос крещения.

— Люди говорят, преподобный Кидд купил участок в тот же день, когда явился в поселок. Выложил деньги на бочку. Нанял рабочих строить

дом. Всегда платил наличными.

— Он привез деньги с юга, — сказала Дон. — Возможно, обобрал кучу народа и свалил.

Реджи некоторое время молчал, просто смотрел в пространство. Потом, наконец, глянул Дон в глаза.

Она сказала:

— Найди мне парней, о которых говорил, Реджи. Кто, как и ты, неравнодушен к банкам.

Реджи кивнул.

— Только одно, Реджи?

— Да, Дон?

— Их дом должен сгореть. Дон должна погибнуть.

11. Магнитогорск. Февраль 1934 г

— Это в некотором смысле было самое хлопотное расследование на моей памяти, — объявил Шпак.

Он сидел в кожаном кресле, установленном на персидском ковре прямо на льду реки Урал. На нем было толстое шерстяное пальто, совершенно излишнее, так как их защищал от холода просторный дом для подледного лова, почти что дача на полозьях, и Шпак раскочегарил тамошнюю буржуйку так, что она светилась. Аврора голой кожей чувствовала ее тепло за два метра.

— О нет, не из-за вас, товарищ Аврора, — продолжал Шпак. — Вы всегда сотрудничали со следствием, хотя порой и отклонялись в сторону. Дело в самой вашей истории — вы где только не побывали.

Аврора изо всех сил старалась глядеть ему в глаза и слушать внимательно, но обстоятельства это затрудняли. Она лежала на спине, привязанная разорванной простыней к сетке от старой железной кровати.

— От меня требуют сообщить результаты быст-

ро — гораздо быстрее, чем я считаю полезным. Когда мы начали наши беседы, я думал, что задержу вас на месяцы, возможно, на годы. А теперь мне говорят, результаты нужны в ближайшие дни. Даже часы! В городе важные гости. Они хотят покончить с этим до отъезда.

Шпаку помогали двое мужчин и женщина. Сперва мужчины прижали Аврору к железному каркасу. Как только она была частично обездвижена, они занялись другими задачами. Женщина по-прежнему ходила вокруг Авроры, вытаскивая из мешка полосы ткани и приматывая дополнительно где-то локоть, где-то щиколотку. Один из мужчин тем временем работал пилой, расширяя полынью, а другой возился с блоком и веревкой. Убедившись, что блок надежно закреплен на брусе рыбацкого домика, он начал двумя веревками крепить к этой системе углы кроватной сетки возле Авроринх плеч.

По обе стороны от Шпака стояло по низкому столику из кедровых досок. На левом лежали его записные книжки. На правом — его трубка, пепельница и табак. А также открытый перочинный нож.

— Эти люди просто не поверят отчету, если не применены технические методы, — продолжал

Шпак. Он набивал трубку, но на миг поднял глаза к блоку с веревкой. — Ничего особенного. Труда не составляет. Однако в вашем деле есть осложнение: в том маловероятном случае, если оно не завершится высшей мерой, вас надо будет передать во всем блеске вашей юной женственности. На сей счет мне даны очень четкие указания. Итак, я вынужден был спросить себя: какой технический метод достаточно суров, чтобы придать отчету достоверности, но не причиняет видимого вреда? — Он чиркнул спичкой и некоторое время раскуривал трубку. — Надеюсь, вы оцените изобретательность, которую я проявил, выполнив все требования: быстрые результаты, крайняя суровость, никаких следов.

Женщине, похоже, нечем было себя занять, а может, она боялась, что, если не выполнит работу тщательно, Шпак применит к ней технические методы. Запястья Авроры уже были крепко примотаны к сетке, но женщина теперь продевала полоски ткани между ее пальцами и привязывала их тоже.

— Что вы хотите узнать? — спросила Аврора. — Я всегда отвечала на все ваши вопросы.

Удивительное свойство замерзших озер — они издают звуки: стоны, урчание, даже треск. По-

началу это странно и даже пугает, но затем вы привыкаете. Шпак обратил на вопрос Авроры не больше внимания, чем на потрескивание льда. Время от времени его отвлекали мужчины, работавшие с блоком и веревками, — указывали ему на некоторые частности или хотели убедиться, что его все устраивает.

Странным образом, когда Аврора утратила возможность двигаться, положение ее сделалось скучным.

Кто эти важные люди — которых Шпак явно боится, — желающие получить результаты в ближайшие часы?

Навещая ее в тюрьме на прошлой неделе, Физматов упомянул, что через несколько дней в город приедет Серго Орджоникидзе. Глава народного комиссариата тяжелой промышленности и высший начальник Магнитогорска, если не считать самого Сталина. Грузин, как и Сталин. У него было обыкновение время от времени наезжать в Магнитогорск, осматривать производство и вручать медали героям труда.

В городе важные гости. Они хотят покончить с этим до своего отъезда. Шпак определенно употребил множественное число. Гость не один. Какие-то люди приехали вместе с Орджоникидзе.

Включая по меньшей мере одного, которому интересна Аврора с ее историей — интересна настолько, чтобы давить на Шпака. Но кому может быть до нее дело?

Приготовления были почти завершены. За последние примерно четверть часа никто даже не взглянул на Аврору. Мужчина, который занимался веревкой, потянул за пропущенный через блок конец, так что кроватная сетка начала приподниматься надо льдом. Аврора почувствовала, как повисла почти вертикально. Наконец сетка полностью оторвалась от опоры и закачалась в воздухе. Аврора дважды пролетела над зияющей дырой во льду, затем несколько рук остановили ее прямо над полыньей. Теперь сетка начала крутиться — сперва в одну сторону, потом в другую. Пока устанавливалось равновесие, один из мужчин добавил к конструкции последнюю деталь. К массивному столу слева от Шпака грубо прикрутили веревками ручную лебедку. Несколько минут мужчина показывал Шпаку, как работает устройство — как лебедкой поднимать Аврору к потолку и как опускать ее к черной воде внизу.

Затем все помощники вышли, оставив Шпака и Аврору одних.

— Еще одно большое преимущество: приват-

ность, — сказал Шпак. — И мой кабинет, и камеры внизу прослушиваются. Это место — нет. Здесь нет ни проводов, ни электричества, никакой связи ни с чем, кроме льда.

Он положил трубку в пепельницу, затем небрежно взял перочинный нож и некоторое время вертел его в руках, поглядывая в сторону натянутой веревки.

— Обычно высшая мера социальной защиты — это пуля в голову, — сказал он. — На тебя мне даже пулю тратить не придется. Чик — и ты просто исчезнешь.

— Что вы хотите? — спросила Аврора. — Вам достаточно сказать. Все это не нужно.

— Что нужно, решать буду я, — резко ответил Шпак.

Он шлепнул нож на стол и начал поворачивать рукоятку. Кровать опускалась, пока ноги Авроры не ушли в воду по колено. Боль оглушала.

— Итак, — говорил Шпак, медленно вращая рукоятку. Вода заливала бедра, живот, груди, шею. — Как ты узнала, что нас в такой мере интересуют стратостаты?

Слово «стратостаты» было последним, что Аврора услышала, прежде чем уши погрузились в воду.

12. Чикаго. Июль 1933 г

— Скажем, пусть я буду импульс, а ты — координата, — говорил Дик. — Или я — энергия, а ты — время.

— Координата… время… почему я всегда должна быть чем-то скучным?

Это заткнуло ему рот — какое-никакое достижение.

— Ну… — протянул он.

— Все в порядке, — заверила она. — Импульс и энергия — хорошие качества для тебя.

Он сразу успокоился.

— Отлично! Как я говорил — хотя некоммутативной алгеброй это лучше получается, — чем пытаться зафиксировать кого-нибудь из нас поодиночке, правильнее обходиться с нами как со взаимно дополнительной парой.

За время лекции Бора солнце добралось до западного края неба, так что неоновый столбик термометра компании «Хавелин» (79 градусов[14]) и катастрофическое многоцветье ярмарки в целом дополнительно окрасились закатом эпохи

---

[14] Сноски: 14
26 градусов Цельсия.

Пыльного котла. Впереди горизонтальной полосой санитарно-белого света тянулся прилавок для содовой (он доходил теперь до границы с Индианой), залитый высокоэнергетическим свечением бактерицидных ламп.

— Если ты будешь стоять неподвижно, как статуя…

— Ты сейчас снова про координату?

— Ага. Тогда я буду скакать по всей ярмарке. И так же, если ты в определенное время придешь на свидание…

— Какое такое свидание?

—

Не волнуйся, это просто *Gedankenexperiment*[15].

— Я знаю, что это, — двусмысленно ответила она.

— Так или иначе, если мы что-нибудь знаем про время, мы ничего не знаем про энергию.

— То есть, Дик, чтобы что-нибудь узнать про тебя, я должна быть как можно загадочнее?

— Да-да, в точности! — воскликнул он и тут же добавил беспомощно, потому что запоздало: — И наоборот.

Она разрешила угостить ее сарсапариллой. Как

---

[15] Сноски: 15
Мысленный эксперимент (*нем.*).

только Дон зафиксировала свою координату на табурете у прилавка, Дик, в полном соответствии с изложенным принципом, сделался непоседлив — он то и дело энергично катапультировался с табурета и принимался рыскать вдоль стойки, добывая соломинки, салфетки, солонки и другие предметы, полезные для схематического изображения атомных структур и моделирования волновых фронтов. Удержать его в неподвижном состоянии можно было лишь одним способом: встать и начать двигаться самой, например, в направлении уборной. Тогда он садился на какой-нибудь из трех-четырех табуретов, которые захватил в разные моменты своего ухаживательно-научного семинара.

— Это квантовое сиденье! — воскликнул Дик, когда Дон вернулась из уборной. — А это классическое!

Он указал на кабинку с двумя скамейками, благоухающими новехоньким дерматином фирменного красного цвета компании «Уолгрин».

— На скамейке ты можешь выбрать какую хочешь координату и устроиться в обнимку, как та парочка в углу. А здесь изволь сидеть либо на одном табурете, либо на другом, они привинчены к полу и удерживают нас на разных орбиталях.

— Если ты предлагаешь перебраться в кабинку, я не против, при условии, что буду сидеть напротив тебя.

— О, я ничего такого не имел в виду! — заверил Дик чересчур поспешно. — Мы можем оставаться в квантовой части, и принцип запрета Паули не позволит нам занимать одно и то же место.

Вероятно, он хотел ее успокоить, однако повисла неловкая пауза. Дон это вполне устраивало — она начала чувствовать легкое перевозбуждение. Так что она тянула сарсапариллу через соломинку и следила, как Дик водит указательным пальцем в лужице пролитой воды на оцинкованном прилавке. Внезапно до нее дошло, что Дик занят научными изысканиями. Сперва она думала, что он рисует очередные математические символы. Однако для этого палец двигался слишком суетливо. Он касался воды в одном месте, затем резко скользил по прилавку, оставляя водяной след, задевая озерца поменьше, так что они разбивались на части или сливались в зависимости от капризов поверхностного натяжения. Другая девушка могла бы обидеться. Мужчина в нем забыл девушку, за которой ухлестывал, мальчик — свой банановый сплит. Однако Дон радовалась передышке и возможно-

сти наблюдать за Диком. Он не просто хотел как можно скорее с ней переспать. Он, безусловно, этого хотел. Но еще ему приятно было находиться рядом с девушкой. Ему требовалось, чтобы ее спокойствие дополняло его бешеную энергию и разнонаправленные импульсы.

Странное это было ухаживание. В лекционном зале, поняв, что она увидела его тетрадку, Дик смутился. Однако Дон не отшатнулась, и это придало Дику смелости на новые гамбиты.

Она не привыкла вот так просто сидеть в роли девушки. Подвиги прошлого лета, на стадионах для поло и в уличных боях, вынуждали ее действовать скорее в образе одинокой запыленной амазонки, скорее Бонни Паркер, чем в образе Фэй Рэй, играющей девушку из «Кинг-Конга», и она ждала, что в будущем это только усилится. Ее рост, необычная внешность, а главное, особенности ее прошлого означали, что такой традиционный флирт у стойки с содовой будет выпадать ей нечасто — только если она познакомится с чудаковатым парнишкой вроде Дика, то есть примерно никогда. Поэтому она медленно тянула происходящее через соломинку, вместо того чтобы опрокинуть залпом.

Дик устремил взгляд на голубое свечение бак-

терицидной лампы.

— Дело в том, что при переходе энергия либо испускается, либо поглощается, — сказал он, спрыгнул с табурета и пересел на другой, дальше. — Я только что поглотил энергию, так что перешел в более возбужденное состояние.

Продавец содовой, протиравший креманку, с любопытством глянул на Дика, потом на Дон.

— Если твой парень чересчур возбудится, я угощу тебя пепси.

— Этого не будет, — возразил Дик, — поскольку я испускаю излучение и перехожу на более низкую орбиталь.

Он пересел к Дон и глянул на продавца содовой, который был вдвое его крупнее.

— Боровский атом, — сказала Дон. — Вот к чему ты ведешь.

— Видишь, да? Если бы великий человек пришел сюда, а не в разрисованный коровами зал, он объяснил бы запросто, совсем как ты.

— Такое даже я знаю.

— Ультрафиолетовая катастрофа. — Дик вновь устремил взгляд на лампу. — В трубке ртуть. Нить накаливания возбуждает электроны. Ядро у ртути большое, тяжелое, орбитали далеко в высокоэнергетических краях. Когда электрон падает

на несколько ступенек, — он смерил глазами расстояние между табуретами, — получается свет с большой энергией. Достаточно сильной, чтобы убивать. Бактерий и все такое.

— Почему он не убивает нас?

— Он убивает только то, что снаружи. Куда может добраться. То, что отрастает заново.

— Вроде кожи?

Мать Дон умерла от меланомы.

— Вроде кожи. Твою роговицу. Прям сейчас он убивает клетки в моей сетчатке.

— Пойдем куда-нибудь еще.

Они пошли по Главной аллее, купаясь в нелетальном излучении сказочного царства неоновых трубок, крашеных лампочек и тонированных прожекторов. Дон бывала здесь так часто, что сделалась невосприимчива к выставочным чудесам, как если бы ей полностью выжгло сетчатку, а вот Дик постоянно отвлекался на что-то для него новое. Несмотря на это, они более или менее нормально поговорили. Дик оказался не из Бруклина, как думала Дон, а из Фар-Рокавея, который технически относится к Квинсу, хотя на взгляд Дика это значило не больше, чем сказать, что он в Северной Америке. Там он жил с мамой, папой и младшей сестренкой Джоани. Они все

погрузились в семейный автомобиль, нашли выезд с Лонг-Айленда и встроились в поток машин, кативших в Чикаго на выставку вопреки происканиям автобусных кассиров, пугавших пробками. Сейчас родители и сестра отдыхали в ближайшей гостинице, а у Дика появилась возможность провести вечер как ему вздумается.

— Что ж, спасибо, что проводишь его со мной, — сказала Дон.

— Я собирался провести его с Нильсом Бором, — неосторожно ответил Дик и тут же исправился, — но ты симпатичнее… и он хотел говорить только о философии.

— А где граница между наукой и философией? Мне казалось, он к этому подводил?

— Ну да. Но я имею в виду, он пытался сказать такое, что можно напечатать в «Трибьюн» без единого уравнения. — Физику без уравнений Дик определенно не одобрял. — Милликен был здесь вчера. Леви-Чивита приехал из самой Италии — и, если он дорожит жизнью, лучше ему туда не возвращаться.

— Я их не знаю.

— Я тоже, если честно, — признал Дик. — В смысле, я еще не все их статьи прочел. Но я представляю, чем они занимаются. Леви-Чивита

помогает Эйнштейну с математикой. Милликен — местное дарование, но теперь руководит Калтехом. Нобелевка. Первым назвал космические лучи космическими. Комптон. Тоже местный, тоже Нобелевка, спорит с Милликеном о том, откуда космические лучи.

— Из космоса, нет?

— Да, но как и откуда? Для того-то они вечно поднимаются на своих чертовых аэростатах.

13. Магнитогорск. Февраль 1934 г

Окунув Аврору несколько раз, Шпак начал совершенствовать методику. Его рука лениво лежала на рукояти лебедки. Он обнаружил, что может поднять Аврору настолько, чтобы ее глаза были над поверхностью, а нос и рот — в воде. Тогда она смаргивала воду и уставлялась на его руку. Если бы эта рука сдвинулась еще чуть-чуть, ноздри Авроры оказались бы над водой. Сама она при этом билась в путах, пытаясь вскинуть голову и глотнуть воздуха. Однако женщина, привязавшая ее к кровати, сделала свою работу на совесть. Напрягаясь, Аврора лишь увеличивала свой кислородный долг. Ей следовало принудить себя к неподвижности, что было почти невозможно в начале, когда у нее еще оставались силы, и почти неизбежно потом, когда ее легкие наполовину заполнились водой, а мир сузился и обесцветился до серого.

Определить, как долго можно продержать ее в таком состоянии без непоправимого ущерба, стало для Шпака чем-то вроде научного изыскания. Когда Аврора вдыхала воду, брови у нее

сходились, и этот сигнал Шпак научился узнавать. Иногда после этого он резко поворачивал рукоятку, так что голова Авроры целиком оказывалась над водой. Он давал ей проблеваться и вдохнуть. Это со временем тоже привело к новым усовершенствованиям в хронометраже. Освободив легкие от воды, она, разумеется, жадно втягивала воздух, и, если в этот миг окунуть ее снова, к панике добавлялась боль.

Все эти эксперименты означали, что остальная часть ее тела значительную часть времени скрывалась под водой. Чтобы Аврора не умерла от переохлаждения, Шпак время от времени выдергивал ее целиком и оставлял болтаться в воздухе, согретом раскаленной докрасна буржуйкой. А может, ему было плевать, выживет ли Аврора, но он хотел, чтобы к следующему раунду замачивания она находилась в сознании.

В любом случае «технические методы», вероятно, действеннее всего, когда помимо кнута включают пряник — блаженное тепло печки.

И был еще третий элемент: высшая мера или ее угроза. Перочинный нож. Одно движение — и веревка лопнет, Аврора рухнет в полынью, вес железной кровати утащит ее вниз, течение унесет под лед. Рыбы объедят мясо с Авроринных

костей, и даже след ее простынет.

Первые минуты после того, как Шпак выдергивал ее наверх, она существовала в смутной нереальности. Затем, по мере того, как температура тела поднималась выше почти смертельной, Аврору начинала бить предательская дрожь. Думать в это время было невозможно. Однако дрожь постепенно утихала, и дальше Аврору смаривало подобие полусна, когда тепло печки наполняло ее и тело расслаблялось. Во время этих передышек Шпак курил трубку и занимался бумажной работой. Документы он разложил на коленях и на столиках по бокам от кресла. Всякий раз, как Аврора приходила в сознание, Шпак был здесь, курил трубку и перебирал записки, сдвинув очки для чтения на кончик носа.

— Столько наговорила, а все равно работы непочатый край! — воскликнул он. — Очень неприятно, что товарищи из Москвы требуют ответа сегодня. «Шпак, нам нужно знать, безопасно ли ее использовать?» — Он крутанул лебедку, подняв Аврору на несколько дюймов выше. — «Или вы ее ликвидировали?» — Он взял нож и провел острием по натянутой веревке, с любопытством наблюдая, как рвутся отдельные волокна. — «Оба ответа вполне приемлемы, промедление — нет».

— Я не приехала бы в СССР по собственной воле, не будь я искренней революционеркой.

— Или шпионкой.

— Господи. Вы прямо как мой отец.

Шпак и впрямь выглядел очень по-отечески, сидя в кресле с трубкой и авторучкой.

Эти слова его, по крайней мере, немного удивили.

— Как так?

— Я вам рассказывала. Он отправил меня в Форт-Майер собирать разведданные. А когда я вернулась с разведданными, объявил, что я поддалась на обман Паттона. Что передаю дезинформацию.

Шпак, шурша документами, пролистал заметки.

— Вы нашли Паттона омерзительным. И тем не менее вы согласны с его оценкой вашего характера.

— Лучше сказать, что я согласна с его оценкой Соединенных Штатов. Мне там не место. Здесь — другое дело.

— О, мне это больше нравится. — Он зажал трубку в зубах, чтобы вычеркнуть строчку в документе, вписать фразу. — Видите? Преимущество того, что мы беседуем с глазу на глаз. Я могу изме-

нить формулировку. Никто не узнает.

Что-то подсказало ей пока не соглашаться. Так трудно было сохранять бдительность. Так легко было принять слова Шпака за обычный разговор.

— Это похоже на ловушку, — сказала она.

— Почему?

— Если я соглашусь, то докажу, что обманываю. Бултых. Пожалуйста, запишите все как есть.

Начало этого разговора со Шпаком, казалось, было несколько дней назад. Несколько важных деталей плавали где-то под самой поверхностью ее памяти. Пытаться их вспомнить — все равно что зубами ловить яблоки в тазу с водой. Нет, неверная аналогия — слишком здоровая и уютная американская забава. Как ловить зубами куски льда в реке Урал. Или рыбу ртом.

Он сказал, что в город на несколько дней приехали важные люди. Те, что требуют от него ответов.

Магнитогорск до собственной газеты еще не дорос. Однако в любом месте, где собирались люди, имелся красный уголок, в котором на стену вешали что-то вроде газеты. Если ты грамотный, можно стоять рядом и читать. Если неграмотный, можно попросить, чтобы тебе ее прочитали или

просто смотреть на грубо отретушированные фотографии Сталина и металлургических заводов. В последние дни перед тем, как Аврору забрали, все новости были о XVII съезде партии в Москве. Серго Орджоникидзе, разумеется, присутствовал там как глава Наркомата тяжелой промышленности. Его друг, тоже грузин, Виссарион Ломинадзе, фактический руководитель Магнитогорска, поехал в Москву на съезд. Аврора потеряла счет дням, но, может, съезд уже закончился? Может, кто-то из этих людей приехал в Магнитогорск с инспекцией? И кто-то из них — тот странный человек, наблюдавший за ней в дверную щель?

В реальность ее вернул скрип блока. Через него скользила веревка. Аврора открыла глаза и увидела руку Шпака на лебедке.

— Нет, — сказала Аврора. Сил орать или молить у нее не было, так что тон получился самый будничный. — Вам не нужно этого делать. Я все вам скажу.

— Откуда ты знаешь? — спросил Шпак. — Кто сообщил тебе, что нас в такой мере интересуют стратостаты?

14. Чикаго. Июль 1933 г

— Объясни с начала, Дик. Хотя бы по верхам.

— О'кей, но тогда мне придется начать снизу. — Дик для усиления эффекта выдержал паузу и топнул по земле Главной аллеи, утрамбованной миллиардами ног до состояния фирна. — С недр. Элементы распадаются и в процессе испускают излучение. Оно проходит через твои стопы, точно как рентгеновские лучи в твоем аппарате для примерки обуви.

Дон спрятала улыбку. Она не знала, что Дик проследил за ней до обувной лавки, но не удивилась.

— Откуда мы это знаем? Потому что ученые регистрируют больше лучей ближе к земле, меньше, когда поднимаются выше, — воздух их поглощает.

— Тогда почему «космические»? — спросила Дон. Она знала ответ, но забавно было дразнить Дика.

— Потому что, когда ты поднимаешься выше — как аэростат, — ты снова видишь их все больше и больше.

Дик полез в висящую на плече сумку, вытащил тетрадку и начал листать страницы. Дон слегка забеспокоилась, что сейчас он будет пичкать ее уравнениями, но Дик остановился на последнем листке, где нарисовал ее в небесном сиянии.

— Поставить тебя на твой рентгеновский аппарат, и будет полная картина. Лучи снизу и сверху. Те, что снизу, порождаются распадом. Уничтожением. Милликену это не нравится.

— Почему?

— Он христианин. У него есть теории насчет Бога и какой у того генеральный план, чтобы вселенная не кончилась, как эта выставка в ноябре. Итак. Вверх. На аэростате. Поначалу лучей меньше. Потом больше и больше, из космоса. Как они получаются?

— Не знаю. Другие атомы распадаются в космосе?

— Если лучи состоят из протонов и электронов… и, думаю, теперь к ним надо добавить нейтроны, то да, гипотеза распада подтверждается, Милликен в дерьме — извини мой французский — и должен сказать Богу пару ласковых. Но так думает Комптон.

— А что думает Милликен?

— Что они свет.

— Свет?

Дик пожал плечами:

— Высокоэнергетический свет, типа как твой рентген, только еще круче. Получается от того, что более легкие элементы сливаются и образуют более тяжелые — настолько тяжелые, что из них можно составить физические тела. Такие, как ты и я, Дон.

Они поцеловались. Это получилось настолько само собой, что Дон не поняла, кто первый начал. Они отпрянули друг от друга. Дон потянулась поправить орла, который угрожал сорваться с ее головы и атаковать бедного Дика. Казалось естественным и правильным отметить тот священный факт, что легкие элементы давным-давно слились в ливне всепроникающего сияния и образовали более тяжелые, из которых составились их губы и бегущая в них горячая кровь.

Дик мгновение приходил в себя, затем, видимо, решил, что лучший способ преодолеть неловкость — продолжать разговор.

— Хвала Господу, — выпалил он.

Очевидно, это был первый поцелуй в его жизни.

— Аминь, — отозвалась Дон.

Поправляя головной убор, она вспомнила, как

заметна в своем наряде, и огляделась, проверяя, не видели ли их дети. Ей как живому олицетворению выставки «Век прогресса» следовало держать марку. Кое-кто из посетителей на них смотрел, однако здесь их окружало столько диковин, что целующаяся парочка выглядела пустяком по сравнению с самой маленькой Библией ВМ или колышущимися дирндлями баварок в забеге с пивными кружками.

— А Комптон другого мнения?

— Ага. Он за распад.

— Не христианин?

— Христианин иного рода, думаю.

— А ты, Дик?

— Еврей. Ты, Дон?

— Коммунистка. — Было острое удовольствие в этом признании, хотя — и особенно потому что — никто ее не вынуждал.

— Не такой еврей, который носит маленькую шапочку, — продолжал Дик.

— Заметно.

— Атеист. Общество этической культуры и все такое. А ты какая красная?

— О, долгая история.

— У нас весь вечер впереди.

Как-то вышло, что в конце концов они пошли

к обувному магазинчику, как будто их тянуло зеленое свечение рентгеновских лучей. Они держались за руки, иногда вытирали ладони об одежду, когда те становились липкими во влажной жаре среднезападного лета, и тут же робко вновь сплетали пальцы.

— Комптон получил свою Нобелевку за рентгеновские лучи.

— Мне казалось, это старая история.

— Он разрешил загадку, квантовую загадку. Показал, что они не только волны, но и частицы. Фотоны. — Дику нравилось произносить это слово.

На задней двери обувной лавки висел замок. По мнению Дон, это преграждало им вход, если только они не готовы применить революционное насилие. Однако Дик одолжил у нее шпильку из головного убора, встал на одно голое колено, словно предлагая руку и сердце, и принялся за работу. Через минуту замок был открыт, и они проскользнули внутрь. Лавку заперли совсем недавно — там еще пахло бриолином мистера Грина и пудрой миссис Грин, а от рентгеновского аппарата (его втащили внутрь для защиты от воров) еще исходило тепло. Дик по-хозяйски снял панель в нижней части, дав свинцовой

пластине брякнуться на пол, и обнажил стеклянную трубку, производящую рентгеновские лучи. С не-диковской осторожностью он вставил шпильку в хаос толстых, оплетенных асбестом проводов, и со смехом отпрянул, когда на него посыпались искры.

— В конденсаторах еще оставался заряд, — объяснил он. — Надо было убрать его, пока он не убрал меня.

Как только их глаза после вспышки вновь привыкли к полутьме, они прошли вдоль шнура и нашли вилку, лежащую на земляном полу, — два параллельных контакта поблескивали знаком равенства. Аппарат был не включен. Дик вытащил стеклянную трубку жутковато-чопорного викторианского вида, длиной в фут.

— Нить накаливания, вот она, как в лампочке, только электроны испаряются с металла и летят вон к той штуковине, которая притягивает их положительным зарядом. Ты знала, что противоположности сходятся?

— Слышала когда-то. К чему ты клонишь?

— Они врезаются в цель, как пули из «томпсона» в ирландский бар, и выбивают из нее электроны. Другие электроны перемещаются вниз, заполняя дыры на орбиталях, и…

— Испускают.

— Ага. Испускают рентгеновские лучи.

— Определенной частоты.

— Дон, тебе ничего не нужно говорить дважды…

— Ты говорил мне об этом сто раз, но спасибо.

— Если бы ты могла их видеть, это был бы цвет. Не смесь цветов, как закат, а чистый цвет, как от неоновой лампы. И вот что обнаружил Комптон — нет, вру, обнаружили другие, но он объяснил, — если светить на вещество рентгеновскими лучами одного цвета, из него вылетают рентгеновские лучи другого цвета. Другой частоты. Они вылетают под углом, как отраженные, и цвет зависит от угла отражения.

— И это доказывает что?

— Что свет состоит из частиц. Или, по крайней мере, иногда так себя ведет. Это как если бы ты пропустила зеленый свет от неоновой лампы через целлофан, а он вышел бы красным и под другим углом. Если свет — волна, такого не объяснить. Математика просто не работает. А если это фотон? Легче легкого. Эффект Комптона, вуаля!

Дон слушала с интересом, но не понимала, зачем для объяснения было вскрывать замок, вламываться в обувную лавку, разбирать аппарат

и размахивать настоящей трубкой. Мысленного образа неоновой лампы, светящей через целлофан, хватило бы за глаза.

Другой занимательный факт состоял в том, что здесь, в лавке, они могли бы начать обжиматься или, может быть, даже переспать. Не то чтобы она хотела этого прямо сейчас. Но на такую подробность Дик мог бы обратить внимание, учитывая, что стояк у него был примерно половину времени их знакомства. Однако он совершенно не видел этой возможности — настолько ослепил его всепроникающий свет науки.

— Понимаешь, это вот настолько далеко мы можем зайти! — воскликнул Дик, не замечая двусмысленности, и поднял рентгеновскую трубку словно чашу с Причастием или чему там нерелигиозные евреи поклоняются в Обществе этической культуры. — Потрясающий аппарат! Куча энергии! Видишь толстые провода, к которым она подключена, эти катушки? Максимум разницы в энергетических уровнях, какой можно получить, работая с тяжелыми атомами, далеко на М-оболочках, где переходы огромны и рентген жесткий. Дальше ты доходишь до предела. Сколько ни заставляй электроны прыгать с уровня на уровень, ты не выжмешь больше энергии, более

жесткие лучи или более фиолетовые фотоны. Чтобы идти дальше, надо завязывать с электронами — с химией — и лезть в ядро. Это, — он еще раз встряхнул трубку, — классная штука, но это тупик. Потому-то их штампуют на потоке и продают с их помощью туфли.

Дик оставил ее размышлять об услышанном, а сам снова опустился на колени и собрал аппарат. Дон непроизвольно шагнула в сторону и встала между ним и дверью на случай, если стояк повторится.

— Стоит его проверить, — сказал Дик и включил аппарат. Затем, словно вспомнив в последний момент, взял свинцовую пластину за края и вставил на место, скрыв трубку, которая раз начала светиться, — ее нить накаливания разогрелась и начала осыпать цель из тяжелого металла пулеметной очередью электронов. Поскольку аппарат не взорвался и не загорелся, Дик перешел к следующему этапу тестирования: изучать различные предметы и части света на флюороскопном экране и заглядывать в отверстие для ног — не пробивается ли оттуда синий свет. У него была гипотеза, что при некоторых углах комптоновское рассеяние проявится в лучах видимого диапазона. Однако ничего не получалось. Он разозлился,

открыл тетрадку и занялся расчетами.

— Мне пора, — сказала Дон.

Дик вскинул голову и посмотрел на нее скорее растерянно, чем виновато.

— Извини. Я забыл формулу Комптона, так что по-быстрому заново ее вывожу.

— Отлично, но мне надо домой.

— Я бы проводил тебя до трамвая, — проговорил Дик, как будто забыл свои манеры и должен был заново выводить их из первопринципа.

— Это было бы мило, но я и сама дойду.

— Нет, я провожу. А можно мне будет вернуться сюда для новых экспериментов?

— Тебе нужна только шпилька, Дик. Я подарю тебе целую коробку.

Дон была неприятно удивлена тем, что так обиделась и так себя жалеет. Дику нужна была вовсе не она, а только ее рентгеновская трубка.

— Для некоторых экспериментов потребуемся мы оба, — сказал он, делая к ней шаг.

Это было лучше, но чересчур рано.

— Может быть, завтра, — ответила Дон.

Дик покачал головой.

— Ужасно обидно, но отец взял билеты на ревю Дикого Запада. Я не могу пропустить. — Он скользнул взглядом по составленным обувным

коробкам, словно это квадратики календаря. — А вот послезавтра будет грандиозная штука. Прям с утра.

— Что?

— Встретимся на заре, Дон. Я отведу тебя на Военно-морской пирс.

Звезды не горят на дневном небе, но эти горели. Пылая в лучах вечернего солнца — ибо Дон, Дик и еще несколько тысяч зрителей, собравшиеся на Военно-морском пирсе еще до того, как воздушная армада снялась с воды Ривьер-дю-Нор под Монреалем, простояли тут весь день, — серебристые огни возникли из дымки над озером. Они выстроились в прямоугольное созвездие и, пролетая высоко над Чикаго, сложились в буквы ITALIA. Особо чувствительные мужчины махали канотье, прижимали их к сердцу и шмыгали носом в нафабренные усы.

Дик смотрел на дело более аналитически.

— Их больше двадцати четырех! — объявил он. — Дюжины три! Нет, больше!

Дон уже успела неплохо его узнать и понимала, что он на самом деле не сосчитал звездочки, но сообразил это как-то иначе — какая-то геометрическая логика подсказала ему, что нельзя сложить слово ITALIA из двадцати четырех точек,

во всяком случае, если делать засечки у I.

— Должно быть, эскорт. Самолеты Дяди Сэма, не Дуче, — заключил он.

Диктор, который весь день сообщал толпе через репродуктор, а чикагцам — по радио, как маршал авиации Бальбо воюет со штормами над Онтарио, объявил, что это три эскадрильи американских ВВС из-под Детройта, встретившие итальянцев над озером Сент-Клер и сопроводившие их на территорию США.

От этой новости толпа разочарованно умолкла; некоторые воспользовались случаем в последний раз рвануть к туалетам на пирсе, и без того перегруженным. Однако в наступившей тишине можно было различить мощный рокот сорока восьми восемнадцатицилиндровых моторов фирмы «Фраскини», несущих двадцать четыре самолета низко над Чикаго на последнем отрезке их семитысячемильной одиссеи. Бальбо, судя по всему, заложил вираж над «Веком прогресса», где шестидесятитысячная толпа ожидала его римского триумфа на «Солджер Филд», а еще десятки тысяч затопили электрическое многоцветье выставки акрами зелено-бело-красных знамен.

В стремлении не упустить ни секунды толпа на Военно-морском пирсе хлынула к его южно-

му краю, прижав Дон к перилам так, что у нее потом осталась отметина. Флотские полицейские свистели в свистки и теснили людей назад. Спасательная лодка пронеслась по воде — выловить незадачливого зрителя, который свалился в озеро, утащив за собой изрядный кусок зелено-бело-красной ленты. Шляпа его так и осталась пузырем качаться на волнах. Натиск толпы ослаб сам по себе, потому что армада повернула на запад, пропала за частоколом высоких домов на Лейк-Шор-Драйв и пронеслась над центром. Ее полет можно было проследить по реакции тысяч людей, высыпавших на крыши: руки колыхались, как жгутики инфузорий, бесчисленные итальянские флаги перемешивали небо. Наконец рокот вырвался на открытый простор — самолеты обогнули северный конец Мичиган-авеню и развернулись к востоку над озером. Концы их крыльев опоясывал итальянский триколор с черной фашистской полосой. Они летели тремя *сторми* по двенадцать, каждое *стормо* состояло из четырех звеньев, выстроенных клином.

Снизу или сверху «Савойя-Маркетти» узнавался как аэроплан благодаря огромному сплошному крылу, такому толстому в середине, что экипаж располагался непосредственно в нем и смотрел

через ряд иллюминаторов в передней кромке. Однако спереди он выглядел как две каплевидные лодки: два обтекаемых корпуса для пассажиров и груза, расположенных под крылом и дополнительно выполняющих функцию поплавков. Сбоку заметнее всего были два мотора, установленные спина к спине на узкой гондоле высоко над серединой крыла; толкающий винт в задней ее части и тянущий в передней; приземистые выхлопные трубы, как шипы на спине у динозавра, из которых вырывалась ритмичная барабанная дробь пахнущих бензином выхлопов. Оперение из рулей и стабилизатора тащилось сзади на концах каких-то тонких трубок, укрепленных несколькими тросами; издали они были невидимы, и казалось, будто хвост — отдельный маленький аэроплан, летящий в сомкнутом строю за конструкцией крыло-корпус-гондола. Почти не верилось, что такие драндулеты вообще могли подняться с воды, а тем более пролететь тысячи миль, однако неоспоримое доказательство было налицо — все видели гидросамолеты в небе над Чикаго. Своей странностью они как будто ставили под вопрос всю концепцию развития американской авиации.

Сторми заложили вираж над озером, пронес-

лись на запад к городу и затем на юг к яхтенной гавани. Концы их крыльев были украшены белыми кружками с тремя параллельными черными полосками в каждом. Ближе стало видно, что у каждой полоски есть сбоку небольшой крючок и что это стилизованные фасции. На боку каждого корпуса имелась та же эмблема, детально проработанная в коричневом цвете, — пучок прутьев с торчащим из него топором. На ведущем самолете ведущего звена ведущего стормо имелась также черная звезда — обозначение флагмана армады. Когда он уже заходил на приводнение, случайная лодочка скользнула перед ним, вызвав яростные гудки сирены с военного катера, размещенного здесь специально для того, чтобы таких безобразий не допускать. Дику и Дон, смотревшим почти прямо в иллюминаторы кабины пилотов, казалось, что чудом не произошла катастрофа, хотя на самом деле это был скорее конфуз, чем реальное ЧП. Рыбак в моторке, следивший только за будничными навигационными опасностями вроде мелей или плавучего мусора, гадавший, возможно, не стоит ли закинуть удочку и вытащить рекордного размера рыбину, был совершенно слеп к тому факту, что на него движется величайшая воздушная армада в истории,

неслыханное и беспрецедентное чудо. В этом бесящем, но вполне предсказуемом неведении воплотился весь Средний Запад, и таким образом вся Америка, заставляя остальных краснеть от стыда, самому виновнику чуждого.

Самолет Бальбо и два ведомых пропахали широкую борозду через якорную стоянку, и Дон словно взаправду ощутила волну теплого воздуха, когда все на пирсе выдохнули. Звено Бальбо снова включило двигатели, чтобы набрать небольшую скорость, рыча и дымя обогнуло пирс, приняло салют эсминца, пришвартованного с краю, и остановилось перед тройкой зелено-бело-красных буйков, установленных недавно по северную сторону пирса.

Открылся люк. Появилась офицерская трость, затем сигарета и, наконец, коренастый, смуглый, бородатый мужчина, за которым последовал его палаш. Мужчина был в красивой серо-синей форме, туго перетянутой ремнем. Грудь и плечи блестели медалями и золотыми орлами. Попыхивая сигаретой, он двинулся по крылу, пока его матросы-авиаторы швартовали гидросамолет и занимались моторами.

Это, как знал весь Чикаго, был маршал авиации Итало Бальбо. Долгая подготовка плюс несколько

дней героического перелета дали газетчикам вдоволь времени на то, чтобы прошерстить его биографию. Он входил в число четырех квадрумвиров, которые провели фашистский марш на Рим одиннадцать лет назад, вдохновив Гитлера на куда менее успешный Пивной путч годом позже. Если что-нибудь случится с Муссолини (о чем пылко мечтали все обитатели коммуналки), Бальбо, вероятно, станет диктатором Итальянской империи вместо него.

Его особо рвались приветствовать набриолиненные местные юнцы в черных атласных рубашках, черных галстуках, полосатых брюках. Юнцы пробились на край пирса, застыли навытяжку и вскинули руки в фашистском салюте, издавая горлом странные звуки — видимо, какой-то боевой клич. Бальбо глянул на них и небрежно ответил на салют — отвел руку от груди, выставил вперед, на миг задержал горизонтально, затем повел ею вниз и вбок, как будто просто помахал.

Дальше все стало скучно и напряженно. Все остальные «Савойя-Маркетти» должны были сесть на воду, подойти к пирсу и пришвартоваться. Лишь после этого Бальбо изволил подняться на эсминец в конце пирса, где чикагские политики, архиепископы, светские девицы, радиодикторы,

игроки в поло, промышленники, итальянские князьки, дипломаты, кинозвезды и адмиралы дожидались его с какой-то изнурительной приветственной программой. Шишки поменьше отдыхали весь вечер на затененных трибунах, но простые зрители вроде Дика и Дон вынуждены были вариться в горячем человеческом супе и следить, чтобы их не разделили те, кто пробивается к краю пирса взглянуть на Бальбо или глотнуть свежего воздуха. Они слышали, как эсминец, приняв наконец Бальбо на борт, дал салют из девятнадцати выстрелов и как заиграл оркестр, видели, как задымили трубы и как эсминец, отдав швартовы, двинулся в недолгий круиз по озеру к следующей череде торжественных мероприятий на выставке «Век прогресса», где другие чернорубашечники ждали своего кумира в Итальянском павильоне, а шестьдесят тысяч слушали трескучий репортаж из громкоговорителей на «Солджер Филд».

Отбытие Бальбо произвело в толпе на пирсе новую турбуленцию. Выбраться оттуда можно было только на прогулочных пароходах. С открытия выставки они сновали между Военно-морским пирсом и «Веком прогресса» каждые полчаса, а теперь собрались здесь всей стаей и грузили

пассажиров так быстро, как только могли. Полицейские свистели в свистки и оттесняли толпу от сходней, как только пароход заполнялся. Толпа устремлялась в направлении каждой дымящей трубы и натыкалась на людскую пробку. Дон, усталая и раздраженная, забавлялась тем, что наблюдала за Диком, не усталым и не раздраженным; она видела, что он пытается осмыслить движения толпы и вычислить оптимальную позицию, чтобы протиснуться в следующий пароход, не пробиваясь через людской поток, а просто следуя его течению. Раз или два ему это почти удалось: уловив некий слабый сигнал в позах соседних людей, Дик хватал Дон за руку и вливался в ручеек пешеходов, неуклонно движущийся к сходням.

Они были в ярдах от места, где люди садились на пароход, когда путь им преградил тонкий заслон из жителей сельской части штата, которым воспитание не позволяло воспользоваться удачной возможностью. Дон чувствовала, что сейчас Дик покажет себя ньюйоркцем и ввинтится между ними, увлекая ее за собой. И тут их отрезал от цели боевой клин чернорубашечников. Дик крепче стиснул ее руку. Дон поняла, что он готовится рвануть сразу, как они пройдут.

Ее сильно толкнул один человек, затем другой — они пробились из-за ее спины в едва заметный просвет слева, словно два лайнбекера, на скорости влетевшие между защитниками. Они двигались как хулиганы, хотя выглядели прилично: в фетровых шляпах, коротко и аккуратно подстриженные. Пот с их чисто выбритых лиц стекал на белые, туго накрахмаленные воротнички. Тот, что впереди, был в два раза крупнее Дика, второй — еще выше и шире в плечах. Когда Дик сунулся в тот же зазор, первый оттеснил его плечом. В тот же миг второй отодвинул Дон с дороги.

— Эй, Джо Палука[16], ты чо творишь? — возмутился Дик.

Первый из двоих уже был впереди и его не слушал. Дик схватил второго за плечо. Тот, не сбавляя шага, любезно повернулся к Дику, демонстрируя тому могучую грудь, затем отодвинул полу пиджака и показал жетон. В следующий миг он уже бежал по сходням. Дик, забыв свое возмущение и увидев шанс, ринулся в образовав-

---

[16] Сноски: 16

Джо Палука — герой одноименного комикса, созданного художником Хэмом Фишером в 1930 г. и особенно популярного в 30–40-х гг., добродушный боксер-тяжеловес; его имя почти сразу стало синонимом недалекого верзилы.

шийся коридор. Разум советовал Дон не садиться на тот же пароход, однако до ног голос разума еще не дошел. Она пыталась выпустить Дикову руку, но тот уже ухватил ее запястье. Практичные и модные оксфорды семенящей походкой пронесли ее по сходням. Они с Диком были на пароходе безо всякой надежды вернуться на берег; сзади напирали люди, двое верзил по-прежнему были прямо впереди, а чернорубашечники, выстроившись подобием фаланги, пробивались по трапу на верхнюю палубу, чтобы увидеть воздушную армаду. Дик двинулся было за ними, но Дон потянула его назад, за основание трапа, таким сильным рывком, что он вынужден был последовать за ней. Они с размаху влетели в спасательный круг. Инстинкт гнал Дон в тихое замкнутое пространство, под палубу.

Над ними чернорубашечники вновь издали свой боевой клич, и Дон расслышала его лучше. Что-то вроде «Эйа-эйа алала!».

— Слышь, у того типа были жетон и пистолет, — отметил Дик. — Он какой-то специальный агент или вроде того. Эй, Дон, куда мы?

Подальше от специального агента с жетоном и пистолетом, думала Дон. *Подальше от Немого Эла, пока он меня не узнал. Пока не забыл про*

нелепых чернорубашечников и не решил вместо них арестовать настоящую коммунистку.

Ей очень повезло: Эл, сосредоточенный на чернорубашечниках, видел ее только сзади. Дон, конечно, во многом выглядела примечательно, но боб-каре «Век прогресса» максимально отличалось от косички, с которой Эл помнил ее по Вашингтону. Так что с затылка она узнаваемой не была. Однако в те дни, год назад, Немой Эл подолгу не сводил с нее глаз — так долго, что нашлись даже решившие, будто он в нее влюбился. Может, так оно и было. В любом случае, если он увидит ее лицом к лицу, то узнает.

Они были в стальном коридоре под палубой. Дон дернула дверь, обнаружила, что она открывается, и скользнула в темное пространство — что-то вроде чулана с маховиками и трубами. Только захлопнув дверь, она почувствовала себя в безопасности.

— Эй, нам сюда нельзя! — воскликнул Дик.

Она не видела его лица, но слышала озорство в его голосе.

— Будто тебя это заботит, Дик.

— В чем дело? — спросил он.

Лишь два ответа могли преодолеть логические фильтры Дика. Один — что она разыскиваемая

беглая коммунистка, которую может узнать и арестовать федеральный агент, значительную часть года ходивший за ней по пятам.

Второй…

Она в темноте отыскала его плечи, скользнула руками выше — к шее, к лицу — и притянула Дика к себе.

15. Магнитогорск. Февраль 1934 г

Иногда в промежутках между погружениями в ледяную воду Аврора смутно осознавала, что изо рта у Шпака исходят какие-то слова. Она не обращала на них внимания. Не потому, что они ее не интересовали — очевидно, Шпак был самым важным человеком в ее жизни, а за последний час или около того он все чаще и чаще принимался играть с перочинным ножом — дразнил ее, проводя блестящим наточенным лезвием по веревке, сохранявшей ей жизнь. Нет, она не обращала внимания на его слова, потому что ее разум просто не мог улавливать их смысл. Ее разум вообще не мог почти ничего, кроме как метаться на чердаке невнятных галлюцинаций и воспоминаний. Возможно, Шпак это понимал и говорил с единственной целью — проверить, вернулась ли она в сознание настолько, чтобы имело смысл продолжить допрос и снова окунуть ее в воду.

Очередной раз приходя в себя, она вроде бы расслышала, что кроме Шпака говорит кто-то еще, и это впечатление мало-помалу укреплялось. Глаза у нее были закрыты, однако ноздри чувствовали

слабый запах бензина, как если бы рядом с ледяным домом остановился автомобиль.

Да, она слышала, как мотор работает на холостом ходу. Дверь дома открылась и закрылась. Захрустел снег под сапогами. Хлопнула дверца. Машина, впрочем, не уехала, мотор работал, чтобы внутри было тепло.

Аврора открыла глаза и увидела человека, который недавно смотрел на нее в приоткрытую дверь. Он занял место Шпака за столом и сидел, откинувшись в кресле и разведя колени, в позе настолько небрежной, что это граничило с вульгарностью. И он смотрел на Аврору через круглые очки в тяжелой оправе, но в глаза ей не глядел, так что она успела немного его изучить до того, как он заметил, что она в сознании. А может, его это не занимало. Руки он держал глубоко в карманах пальто, что Аврору вполне устраивало: пока это так, он не может поворачивать лебедку или орудовать ножом. И тут она сообразила, чем он занят. Пальто на нем было с прорезями, позволявшими добраться до брючных карманов. Что этот человек и сделал. И добрался не только до карманов. Его выпирающая под тканью рука ритмично двигалась.

Он посмотрел Авроре в глаза и понял, что она

поняла.

— Не беспокойся, — сказал он. — Ты для меня слишком стара.

Она не сумела придумать ответ.

— Я просто вообразил тебя двумя годами моложе, — мечтательно продолжал человек в круглых очках. — Как Паттон тебя имел. Да, имел в жопу.

— Он меня не имел.

— А мне хочется думать, что имел.

— Не поймите меня превратно. Паттон омерзителен. Он убил моего отца. Но он никогда не сделал бы того, что вы воображаете.

— Дай-ка угадаю. Ему не позволила бы *честь*. Чувство буржуазных приличий.

— Именно.

Он завел глаза к потолку.

— Так еще слаще! Он унижает себя — и тебя — одновременно. В конюшне, мне думается. Все лошади смотрят. И жеребцы. С их большими, твердыми…

Он закрыл глаза. Аврора стала свидетельницей гримас и звуков, свойственных мужчинам в такие мгновения. Затем он выпустил весь воздух из легких. Затем глубоко вдохнул. Через несколько мгновений он зашевелился, рукой, которая до сих пор не работала, извлек из кармана носовой пла-

ток и вытерся. Покончив с этим, он обнаружил, что брезгливо держит двумя пальцами замаранную тряпицу и пытается решить, что с ней делать. Его взгляд скользнул по животу Авроры, и та вздрогнула, гадая, какие мысли проносятся в его голове. Однако в конце концов он опустился на корточки рядом с буржуйкой, открыл дверцу и бросил тряпку в огонь. Мгновение она горела, бросая ярко-желтые отблески на его лицо, так что на месте глаз остались лишь янтарные диски очков. Он уперся локтями в колени, задумчиво глядя на языки пламени.

— Ты знаешь, что это за река? — спросил он.

— Урал.

— Да. — Продолжая смотреть в пламя, он махнул левой рукой в одну сторону: — Там Европа. — Правой в другую: — Азия. Мы точно на границе. Это в числе прочего делает нас культурно, духовно отличными от Европы. Я думал об этом, читая отчет Шпака. Твои слова про Чикаго и про то, что он служит аналогичной границей между восточными штатами — более европейскими, насколько я понял, — и западными. Огромные территории. Полные дикарями и дикостью. Из-за того-то Америка тоже другая. В чем-то, как и Россия, возможно.

Тут он сквозь постэякуляционную задумчивость вроде бы вспомнил, что его собеседница голая и привязана к железной кроватной сетке.

— Я удовлетворен, — объявил он, захлопывая дверцу буржуйки.

Аврора догадывалась, что он говорит не о плотском удовлетворении.

— Чем?

— Доказательствами. Во-первых, что ты не сумасшедшая. Впрочем, этот вопрос был снят сразу после моего разговора с Протоном.

— Что Протон Физматов мог сказать о моем душевном здоровье?

— Что твой выкидыш был зародышем с врожденными дефектами из-за облучения рентгеном на ранних стадиях беременности. Не монстром.

— И?

— А, во-вторых? Что ты не заслана. Не шпионка. Пойми, самый факт, что ты слишком идеальна, слишком хороша, чтобы такое могло быть на самом деле, — вызвал подозрения.

— Идеальна для чего?

Он пропустил вопрос мимо ушей.

— Однако твоя история слишком неординарна. Не то, что они бы выдумали. И ты слишком… — он скользнул взглядом по ее телу вниз, начиная

с лица, затем вверх и вновь остановил взгляд на лице, — заметна. Они бы выбрали девушку постандартнее. Сочинили бы ей менее примечательную легенду. И не отправили бы ее в Магнитогорск. — Он фыркнул. — Кто вообще приезжает в Магнитогорск?

«Вы и я, очевидно», — могла бы ответить Аврора.

Он взглянул на часы.

— Я прикажу тебя отвязать. Мы опаздываем к обеду!

16. Чикаго. Конец лета 1933 г

Через три дня генералиссимус небес улетел со своей армадой в Нью-Йорк, а Дик двинулся в ту же сторону на заднем сиденье семейного автомобиля. Они с Дон увиделись еще один раз. Не то чтобы Дик ее избегал (хотя он мог бы проявить чуть больше настойчивости), просто она не знала, когда Бальбо вновь заявится на ярмарку и привлечет чернорубашечников, а те — агентов ФБР. Читать расписание его дня в газетах полной гарантии не давало — квадрумвир любил приходить инкогнито, когда не посещал матчи по конному полу в шикарных пригородах или мессы в кафедральном соборе. Поэтому Дон сказала Гринам, что возьмет несколько выходных. Она провела их в дешевой гостинице. Теперь она могла себе это позволить (а если честно, могла и раньше), а неожиданная встреча с Немым Элом открыла ей глаза на то, что следовало сообразить раньше: очень неразумно селиться с людьми, известными своей принадлежностью к компартии. Запасной план прихватить «томми» и вступить в банду Бэрроу представлялся не очень практич-

ным, учитывая, что ни федералы, ни техасские рейнджеры не знали, как эту банду найти.

В последний раз они с Диком встретились у стойки с газировкой, когда Бальбо и его сторонники должны были присутствовать на праздничном мероприятии в Обществе Данте Алигьери. Свидание прошло хорошо, но Дон видела, что Дик теряет к ней интерес. И немудрено — близился его отъезд, после которого они больше не увидятся.

Дон ни о чем не жалела. Она удовлетворила свое любопытство по поводу секса. Первый раз оказался совсем не таким плохим, как говорили некоторые. Дик тоже удовлетворил свое любопытство и, судя по всему, нашел секс отличный штукой. Второй раз они перепихнулись в обувной лавочке: Дон сидела на выключенном рентгеновском аппарате, задрав юбку и вжимая плоские каблуки своих стильных оксфордов в тощий зад стоящего Дика. На это свидание он захватил презерватив. Словно ухажер, который явился на первую встречу без букета, но на второй дарит его с удвоенной галантностью, Дик торжественно извлек презерватив из кармана и надел одним уверенным движением, говорящим, что он тренировался на неживых предметах. На пароходе, когда Дон на него навалилась, он что-то бормотал

про контрацептивы, и она подумала, какой же он славный. Как ни странно, больше всего Дон жалела, что не познакомилась с его родителями; ей думалось, что они воспитали Дика не столько хорошо (в обычном смысле слова), сколько искусно. Вколотить вежливость можно в каждого. Однако у Дика было редкое свойство — сочетать грубое желание с некоторыми усилиями думать о других, тем более трогательное при его стеснительности.

На следующий день и Дик, и Бальбо с его сотней отважных авиаторов покинули Чикаго. Второе событие было, разумеется, обставлено более торжественно. По Мичиган-авеню прошел парад; зрители стояли в десять-пятнадцать рядов, в последний раз проветривая зелено-бело-красные флаги, женщины поднимали младенцев над головой и кричали: «Это для Муссолини!» Посмотрев матч по конному поло в Форт-Шеридане, Бальбо запрыгнул в «Савойя-Маркетти» и унесся впереди своих сторми в Нью-Йорк, пролетев где-то по пути над автомобилем Диковой семьи — она отбыла несколькими часами раньше без кавалерийского эскорта, фашистских приветствий, духовых оркестров и конного поло.

Дон гадала, разумно ли оставаться на работе,

где она все время на виду. Надежнее всего было бы уехать подальше. Но что значит подальше? К своим в Монтану? В Сиэтл? В Советский Союз? И так ли на самом деле велик риск? Ее ни разу в жизни не арестовывали. У ФБР нет ее фотографий и отпечатков пальцев. Немой Эл, без сомнения, включил в свой отчет описание ее внешности, но, насколько она знала, больше никто из копов не мог ее опознать. Эл не знает ее настоящего имени; у нее даже нет настоящего имени. А теперь, когда Бальбо улетел, фэбээровцам, специализирующимся на засланных подрывных элементах, незачем больше шататься по «Веку прогресса».

И тут ее посетила странная мысль: надежнее всего было бы убрать Немого Эла.

К практическим действиям Дон не перешла. Хотя у нее был пистолет-пулемет, она понятия не имела, как отыскать и застрелить фэбээровца. Однако самая мысль об этом изменила направление ее раздумий, как магниты изгибают траекторию космических лучей. Ей вспомнился Советский Союз, где такие расчеты приводят к решению о ликвидации. Как будто деяния ЧеКа и ОГПУ породили сигнал, и сигнал этот, словно чудесные эманации маркиза Маркони, невидимо обогнули половину земного шара и срезонировали с неким

кристаллом, внедренным в ее детскую головку, когда она видела, но не понимала облавы в Петрограде. И как интерферируют близкие радиочастоты, Дон, слушая эту передачу, услышала кое-что о Бонни и Клайде. Антикоммунисты в Штатах любили говорить, что нынешние правители СССР немногим лучше гангстеров. Дон едва ли могла на это возразить, учитывая, что в прошлом году она по отцовскому указанию покупала у гангстеров оружие. Однако, перечитывая стихотворение Бонни Паркер, она все больше и больше видела в нем революционный документ, протест против тюрем, таких же бесчеловечных, как лагеря в Сибири или Германии. Бонни и Советы не столько интерферировали в своих передачах, сколько вещали на одной частоте.

Дон вернулась к работе, как будто ничего не произошло. Это могло быть глупейшим приглашением к революционному мученичеству, но отчего-то ей делалось спокойнее с каждым новым человеком, увидевшим ее лицо, как будто прятаться на виду — самый надежный метод. А лицо ее видели многие. Выставка приняла своего десятимиллионного посетителя. Все население США составляло сто двадцать пять миллионов. Очень скоро число посетителей перевалило за

четырнадцать миллионов. А может, время побежало быстрее. Выставка теперь ощущалась совсем иначе. В первый день Дон заплатила пятьдесят центов и вошла сюда с твердым намерением устоять перед шквалом пропаганды, а в итоге полюбила нелепый мишурный блеск и бодряческий задор выставки. Теперь все казалось немного чрезмерным, немного натужным. Лающий песок с Кауаи, безрукий и безногий художник из Канады, шведские певцы из Су-Сити, коллекции мужских воротничков, палисандровое дерево из Коста-Рики, бьющаяся модель человеческого сердца, пианино с двумя клавиатурами, личный Коран султана Сулу, старейшая чешская Библия в США, выступления бойскаутов, живые гориллы (голливудские актеры в костюмах из шерсти яка) — все как будто силилось достичь той подлинности, которой обладал «Век прогресса» в свои первые недели.

Дон часто возвращалась к аттракциону в Павильоне компании «Вестингауз»: двадцать долларов золотыми монетами и блюдо с печеньем в открытом окошке. Всякий, кто к ним тянулся, перекрывал рукой невидимый луч, тень падала на фотоэлемент, и в окошке выдвигался заслон. Дик объяснил ей про фотоэлектрический эффект

и рассказал, как Эйнштейн тридцать лет назад все это распутал — а теперь открытие используют в автомате, чтобы не дать детишкам стащить печенье! Он находил это забавным старьем, как и жюль-верновскую рентгеновскую трубку для продажи туфель. По мере того, как лето близилось к середине, Дон все больше и больше видела в аттракционе метафору всего, связанного с ярмаркой, включая самого Дика. Она переспала с ним, точно зная, что перекрывает незримый луч, включающий заслон. Дик уедет и забудет о ней. Может, она подражала своей матери, которая переспала с бандитом Джимом О'Фаолейном и забеременела Дон. Может, претворяла в жизнь революционные взгляды на секс и мораль. А может, просто шла на риск ради острых ощущений, как комсомолец записывался в Красную армию и уходил воевать с казаками. Однако июль сменился августом, и Дон захандрила. Ей вспоминалось, с каким лицом мать, когда рак добрался до ее мозга, говорила про своего Джимми и как рыдали в петроградской коммуналке женщины, брошенные мужчинами по официальному дозволению советских теоретиков. Стало ясно, что главным в «Веке прогресса» было прибытие воздушной армады маршала Бальбо и короткий роман с Диком.

Дальше все просто медленно сходило на нет.

Кроме того, что несомненно росло в ее животе.

У Дон была задержка больше месяца. То, что она иначе видела вещи и реагировала на них тоже иначе, можно было списать на усталость от выставки, на перемены в самой выставке, на то, что «она была с парнем» и сделалась женщиной, поэтому и на мир смотрит другими глазами, однако по мере того, как неделя за неделей месячные не приходили, Дон начала думать, что причина — в телесных и душевных изменениях, вызванных беременностью.

Обувная лавочка — по крайней мере по вечерам — находилась буквально в тени «Солджер Филд», так что Дон одной из первых заметила, что обычные спортивные соревнования отменили, а подъезды к стадиону запрудили грузовики с эмблемами «Доу Кемикал», «Гудъер Раббер», ВМФ США, Чикагского университета и «Юнион Карбайд». Меньше чем в двадцати футах от того места, где Дик взламывал замок, с платформы грузовика на крышу подняли метеорологическую станцию: анемометры и флюгеры трепыхались в завихрениях ветра за трибунами, пока не достигли девственного воздуха. В ворота прогрохотал караван грузовиков: у каждого на платформе

стояли шеренги баллонов с надписью «водород». Звук, с которым баллоны скатывали по наклонной плоскости на землю, весь день отдавался среди пустых трибун, а когда работу закончили, семьсот водородных баллонов выстроились подковой по краю поля, на котором Танни когда-то победил Демпси в «долгом отсчете»[17].

Дон привыкла, что восточная стена «Солджер Филд» высится над обувной лавкой, но внутрь сейчас зашла впервые. Стадион выстроили всего несколько лет назад, но придали ему вид древних римских развалин, когда те еще не развалились. Не столько Колизея, сколько Большого цирка, с длинными дорическими колоннадами над восточной и западной трибунами. Колоннады с обеих концов завершались аккуратными маленькими храмами. Ниже акры простых деревянных скамеек террасами спускались к полю. В следующие дни Дон ходила по занозистым пандусам, спасалась от солнца в тени неоклассического фронтона или выискивала брошенную «Трибьюн»; забиралась наверх, когда метеорологи на

[17] Сноски: 17

Боксерский поединок за звание чемпиона в тяжелом весе 22 сентября 1927 года. Такое название он получил, потому что из-за ошибки Демпси рефери начал отсчитывать время нокдауна на 5 секунд позже, так что Танни успел подняться и выиграл бой.

колоннаде снаряжали зонд; спускалась на поле, когда Артур Х. Комптон выступал перед журналистами. Она гадала, что подумал Итало Бальбо, когда, пролетев все расстояние от Рима до Чикаго, увидел римский стадион больше и лучше любого в Старом Свете.

Привезенные на трех автобусах матросы проползли по полю на четвереньках, убирая каждый камешек и палочку. Затем пригнали два грузовика белой холстины, которую расстелили на футбольном поле, словно на столе, где предстоит оперировать титана. Следом подкатил исполинский тягач — из-под брезента, укрывающего прицеп, на свет явились бесконечные складки бежевой ткани. С томительной неспешностью матросы развернули ее и разложили на белой холстине. За процессом наблюдали с поля офицеры, чиновники и ученые, с трибун — немногочисленные зеваки, а с верхотуры, занятой метеорологами, — радиообозреватели. Дон была здесь, когда въехал особый грузовик с эмблемой «Доу» на кабине и круглым предметом семи футов в диаметре на платформе. Шар покоился в мягкой люльке — подобии нимба. Когда под грохот аплодисментов с него сбросили брезент, показались слова «Век прогресса» на белесом

металле нижней полусферы, где их будет видно с земли. Сверху топорщились восемь проушин, куда будут крепиться тросы, по всей поверхности темнели крохотные иллюминаторы.

Ненаучно мыслящий зритель решил бы, что к запуску готово все, кроме самих аэронавтов. Однако снаряжение гондолы, очевидно, требовало куда больше времени. Прошли еще сутки. Артура Х. Комптона, красивого рослого мужчину, которого постоянно осаждали журналисты, можно было видеть у заваленных электроникой столов; он жестикулировал и эпизодически воздевал руки, побуждая собеседников устремить взор в радиоактивное небо.

Дон в перерывах между хождениями по выставке отдыхала на трибунах — потягивала лимонад, писала свои инициалы на флаерах обувного магазинчика и наблюдала за учеными. По всему стадиону летали брошенные газеты; в них она прочла, что шар изготовлен из чудо-металла под названием магний, получаемого электрическим способом из особого природного рассола, который можно добыть только в Мидленде, штат Мичиган, и что оболочка шара имеет толщину всего в одну восьмую дюйма. Лаборанты притаскивали к магниевому шару какие-то дорогущие по виду

приборы и уносили их обратно, когда они не пролезали внутрь или отказывались работать.

Дон в ее нынешнем состоянии ума не могла отделаться от крайне очевидного и дилетантского сравнения между идеальным серебристым шаром и яйцеклеткой в фаллопиевой трубе. Если развивать метафору, лаборанты, лезущие в люк со своими приборами, из которых торчали неподсоединенные провода и электронные лампы, были сперматозоидами, но визуально ей больше нравилась другая аналогия. В этой аналогии сперматозоидами были вертикальные стальные баллоны с водородом, которые словно окружали цель, готовясь ее атаковать.

Чем больше Дон наблюдала за учеными, тем меньше листовок раздавала на выставке и меньше зарабатывала, однако в такую жару ей хотелось лениться и не думать о деньгах. Миссис Грин заметила перемену — вероятно, каким-то загадочным женским чутьем распознала, что Дон беременна. Она пристально поглядывала на Дон, но ничего не говорила, во всяком случае сейчас, когда живот еще не начал расти. Из более старых брошенных газет Дон узнала, что часть научного оборудования прислал из Калтеха доктор Милликен, и поняла, что полет будет своего рода

эсхатологическим решающим поединком между милликеновской теорией космических лучей как родовых криков нового вещества и комптоновской теорией распада. Собственное интересное положение склоняло ее к версии родовых криков, однако ей было занятно, что Милликен доверил свои приборы сопернику, намеренному доказать его неправоту. Дон гадала, нет ли у Комптона соблазна вывести из строя аппаратуру Милликена, но заключила, что это нарушило бы некий джентльменский кодекс. Кодекс, если подумать, подкреплялся тем, что в ходе научного прогресса любая ложь выплывет на свет, а ее автор войдет в историю не просто мерзавцем, но и дураком.

Аэронавты — швейцарец Жан Пиккар и американец, капитан третьего ранга ВМФ США Томас Г. У. Сеттл — прибыли за день до полета и после череды пресс-конференций и постановочных фотографий занялись проверкой системы управления. Наполнять аэростат начали в тот же вечер и продолжали всю ночь. Дон отправила весточку немецким коммунистам и забила для них хорошие места. Они пришли сразу после наступления темноты, когда лучи прожекторов метались по всему полю, а любопытствующие начали прибывать тысячами. Немцы запаслись провиантом

так, что могли бы в случае надобности совершить переход до Гудзонова залива, — именно поэтому Дон их и позвала. В приступе волчьего аппетита (она была не из тех беременных, которых все время тошнит) она так обчистила одну из корзин, что привлекла к себе внимательные взгляды старой немки, которая, вероятно, сразу все поняла, заглянув рентгеновским зрением прямиком в ее матку.

Они устроили гнездышко из одеял, отгородились бастионом корзин и сидели в ночи, попивая слабоалкогольное пиво, пока водород расправлял обвисшие складки аэростата. Лязг, с которым баллоны подкатывали к заправочному узлу и откатывали обратно, вместе с тихим шипением наполняющего оболочку водорода складывались в баюкающую музыку. Некоторое время Дон мешали уснуть полицейские (они патрулировали трибуны, следя, чтобы никто не курил) и курильщики, пробиравшиеся к выходам и обратно. Потом старая немка поманила ее, уложила головой себе на колени и принялась гладить морщинистыми руками. Тут Дон отрубилась.

Ей снился какой-то путаный страшный сон про пожар. Проснувшись с ощущением, что проспала много часов, она села, отбросила с лица

растрепанные волосы и увидела, что над озером Мичиган встает оранжевый пузырь, как будто магниевый завод в Мидленде охватило ревущее пламя горящего металла. Однако, разумеется, это солнце вставало в почти безоблачном небе, а Дон видела его в просвет между дорическими колоннами. Ответом ему с пятидесятиярдовой линии «Солджер Филд» рвался из набрякших складок огромного стратостата исполинский газовый шар. Его нижний конус, сходящийся к магниевой гондоле, был расчерчен тенями колоннады, однако гладкий купол уже качался выше обрамления стадиона — оранжево-желтый шар, поднятый Комптоном с земли двойник Божьего светила. Двадцать тысяч зрителей ждали, что Америка выйдет в стратосферу, достигнет высот, до которых еще не поднимался человек, однако они не орали, как футбольные болельщики, а застыли в благоговейном молчании, как прихожане в церкви. И немудрено, ведь огромный стратостат был так близко, и казалось, будто он балансирует на крохотном металлическом шарике. Весь обычный жизненный опыт говорил, что сейчас он рухнет на трибуны. Дон поняла, отчего ей привиделся кошмар. Отчасти — потому что рассветное солнце пробивалось

сквозь ее волосы, окрашивая их в цвет пламени, но главным образом — из-за тона голосов внизу. Дон различала лишь отдельные слова, но то были отрывистые реплики людей в чрезвычайной ситуации. Эту чрезвычайную ситуацию устроители по собственной воле создали, закачав семьсот баллонов горючего газа в мешок, окруженный двадцатью тысячами мужчин, женщин и детей. Стратостат был чересчур велик для стадиона, чувствовалось, как натянуты держащие его тросы. Всякий, знающий о свойствах водорода, мог вообразить исполинский огненный шар и гибель десятков тысяч людей. Отпустить стратостат было не столько запланированным началом научного эксперимента, столько экстренной мерой по предотвращению катастрофы. Толпа иного и не хотела бы: эти люди пришли побыть рядом с опасностью, как зрители на Военно-морском пирсе пришли ощутить рокот моторов «Фраскини» костями и внутренностями.

Стратостат взмыл во взрыве тишины. Воздух, устремившийся в освобожденный им объем, увлекал папиросную бумагу, корешки билетов, арахисовую шелуху и человеческие волосы, и все это вспыхивало в рассветных лучах — хаос мусора, когда вы внутри, но система струй и

завихрений, если смотреть с противоположной стороны поля. Оторвавшись от земли, лысый младенец скакнул разом на несколько тысяч футов; ветер подхватил его и понес прочь от озера. А Дон всерьез задумалась, что ей делать дальше.

Из репродукторов звучали сводки. Ученые, метеорологи и аэронавты сменялись у микрофона, заполняя время в ожидании радионовостей от Пиккара и Сеттла. Общая стратегия была выпустить излишек газа, стабилизировать высоту и некоторое время вбирать солнечное тепло. Дон, так до конца и не проснувшаяся, вполуха слушала комментаторов и размышляла над своим положением.

Деньги на билет у нее были. Ехать товарняками не придется. Можно пульмановским вагоном добраться до Монтаны и там залечь на дно.

Можно найти абортмахера в Чикаго, но она знала, что нелегальная операция чревата инфекцией или проколом, из-за которого она не сможет иметь детей или вообще не выживет.

Нет, если она хочет сделать аборт, надо добираться до СССР, где операцию проведет бесплатно настоящий врач. Знакомый ей путь в Советский Союз лежал через Сиэтл и Владивосток.

Можно сегодня купить билет, приехать в Мон-

тану, посмотреть, как примет ее разветвленная сеть теток и дядьев, а дальше она либо останется и родит, либо отправится дальше в сторону Владивостока.

В реальность ее вернул общий вздох толпы. Все, держа ладони козырьком, смотрели, как «Век прогресса», озаренный утренним солнцем в миле над ними, медленно плывет к западу. Дон пропустила экстренное объявление. Немцы требовали перевода. Вроде бы из репродукторов сообщили, что заело выпускной клапан. Газ неудержимо вырывался наружу. Стратостат терял высоту. Он возвращался.

Стадион пустел на глазах. Морские пехотинцы запрыгивали в бронированные машины, и те выезжали на улицу. Зрители, приехавшие на собственных автомобилях, устремились за ними, но морпехи ровно так же не знали, где упадет стратостат. Оставалось только ждать и наблюдать за ним. И он спускался настолько близко — в зоне отчуждения железной дороги, — что машины не требовались. Люди прыгали через ограды, бежали по рельсам. Глаза их обманули — аэростат упал в добрых двух милях от стадиона, — однако туда можно было добежать за несколько минут. Дон и немцы, увлеченные магнетическим любопыт-

ством толпы, перебрались через сбитую ограду и добрались до места к шапочному разбору. Первые добежавшие зрители накинулись на сникшую оболочку с перочинными ножами — отрезать по кусочку на сувениры. Подоспевшие морпехи отогнали их прикладами, оставив на бежевой ткани кровавые дорожки. Дон и ее спутников встретил кордон пехотинцев с примкнутыми штыками — плотный вокруг помятого магниевого шара, рядом с которым врачи в кольце иностранной и местной прессы слушали Сеттла и Пиккара стетоскопами, более редкий вокруг обмякшей оболочки рухнувшего стратостата.

Меньше чем через сутки Дон уже ехала на поезде.

17. Магнитогорск. Февраль 1934 г

Никто из них не дал себе труда представиться — невежливость, оскорблявшая то, что осталось от Авроринога «чувства буржуазных приличий». Она пыталась напомнить себе, что двумя часами раньше ее пытали, и уж если возмущаться, то этим.

Шпак сказал, что получил указание не оставлять следов на ее теле. Аврора вынуждена была отдать ему должное — с задачей он справился. Даже багровые вмятины от тканевых полос, которыми ее привязали к сетке, сошли к тому времени, как Аврору доставили в гостиницу «Центральная». Оглядывая себя в зеркале после горячей ванны, она не видела других следов пережитого, кроме покрасневших век, которые можно было бы запудрить, будь здесь пудра. Горло и легкие жгло, как будто она хлебнула аккумуляторной кислоты, но этого никто не видел. Голос осип, но и это со временем пройдет.

Такой роскоши, как отдельный номер с ванной, Аврора не видела с приезда в Советский Союз. Кто-то уложил и доставил сюда ее вещи из домика

в Березках. Она могла бы просто сидеть в постели весь день, наслаждаясь одиночеством, но человек в круглых очках велел ей быть на обеде, и Аврора ясно понимала, что теперь он ее хозяин. Так что она, насколько могла, уложила волосы, надела юбку с блузкой и спустилась в гостиничный ресторан. Там никого не было. Однако в отдельном зале уже вовсю выпивали перед обедом.

За одним концом длинного стола трое мужчин курили папиросы и разговаривали на незнакомом языке. В одном из них Аврора по фотографиям узнала Серго Орджоникидзе, наркома тяжелой промышленности всего Советского Союза. Напротив него сидел Виссарион Ломинадзе, подчиненный Орджоникидзе — какую бы должность он ни занимал официально, все знали его как начальника Магнитогорска. Аврора видела его в городе несколько раз, но даже если бы не видела, узнала бы по непомерной полноте. Она и впрямь никого толще в жизни не видела. Если силы капитализма раздавят рабоче-крестьянскую революцию, он сможет устроиться в цирк уродов. В Магнитогорске все влиятельные люди вращались вокруг него, как электроны вокруг массивного ядра, и он привык в любом помещении оказываться главным. Однако здесь он

лебезил и заискивал перед Орджоникидзе.

Между этими двумя, во главе стола, сидел человек в круглых очках.

Аврора знала, что Орджоникидзе и Ломинадзе грузины, как и Сталин. Значит, говорили они по-грузински. Человек во главе стола говорил на том же языке. Значит, он тоже грузин. Однако он занимает более высокое положение, чем Орджоникидзе, раз сидит на почетном месте, да и по всем признакам видно было, что они ведут себя с ним как подчиненные. Но он, разумеется, не Сталин.

Это должен быть Лаврентий Берия. Аврора слышала о нем, но лица не узнала, поскольку газеты обычно его фотографий не печатали.

Рядом с Ломинадзе — а посему, учитывая габариты Ломинадзе, довольно далеко от главы стола — сидел Шпак. Он набивал трубку и вяло таращился на стакан с водой, так как понятия не имел, о чем говорят грузины. Авророиного взгляда он избегал — насколько мог. Едва ли книга Эмили Пост по этикету рассматривала подобную ситуацию. Впрочем, в Советском Союзе такое, должно быть, происходило часто — столкнуться с человеком, который тебя пытал или убил твоих родственников.

Кстати, о родственниках. В дальнем конце стола сидел доктор наук Олександр Физматов, а по бокам от него — двое молодых людей, очевидно, Протон и Электрон. Протон, старший из братьев, хоть и не сильно превосходил Аврору ростом, был широкоплеч и хорош собой, прямиком с комсомольского плаката. Электрон, не то чтобы урод, тем не менее проигрывал в сравнении. Он больше походил на неспортивного юношу, который целыми днями щурится на логарифмическую линейку. Если зеленые глаза Протона сияли, а аккуратно расчесанная шевелюра отливала золотом, то у Электрона глаза были серые, а мышиного цвета волосы свисали на уши и задевали ворот плохо сидящего пиджака.

В социальном сухом остатке за столом получались две разные компании — за одним концом три высокопоставленных грузина, которые с удовольствием пользуются случаем выпить, покурить и пообщаться на родном языке; явившуюся Аврору они вниманием не удостоили. За другим концом — Физматов, вежливый, с тихим голосом. Посередине лишний — Шпак. Он сидел спиной к ряду окон с тройными стеклами, из которых открывался вид на то, чему предстояло стать главной площадью Магнитогорска. Солнце

давно зашло, но Аврора знала, что там: постамент под будущую монументальную статую Сталина, а вокруг — море изъезженной замерзшей грязи. Дальше — ворота металлургического комбината, чистая формальность, поскольку рабочие входили и грузовики въезжали с другой стороны. Еще дальше в зимнюю ночь поднимался черный, подсвеченный оранжевым заревом дым от доменных печей.

Что считается буржуазным, а что нет, Аврора сейчас понимала не лучше, чем когда вместе с инженером Оверстритом сошла с парохода во Владивостоке. По всему выходило, что одна из немногих сил, способных потягаться мощью с марксистко-ленинским учением, это страсть мужчин к уважению окружающих. Да и женщин, если честно, тоже. Ведь разве она не вертелась полчаса перед зеркалом в номере, поправляя волосы и одежду? В Магнитогорске — не столько городе, сколько кишащем людьми огромном заводе, — принято было одеваться по-рабочему. Несколькими днями раньше, увидев Шпака в костюме и пальто, Аврора сразу угадала в нем важную птицу. И не потому, что он был одет как бомбист-подпольщик, а именно потому, что он выглядел респектабельно. Ленину и Сталину

пролетарские фасоны сходили с рук, но Берия, всего на ступеньку ниже Сталина, носил костюм. Физматовы приложили все усилия, чтобы выглядеть прилично — даже от Электрона пахло бриолином, — и держались дореволюционного буржуазного этикета. Наверное, дело в том, что если вы — доктор наук Олександр Физматов, фактически раб, живущий под угрозой расстрела, и смотрите в бутылочные донышки очков на человеке, который может вас списать, такое просто не имеет значения.

Какие-то условности требовалось соблюдать. Не очень важно какие. Поэтому Аврора обменялась рукопожатиями с Протоном и Электроном и сказала, что рада знакомству. Протон объявил, что ему очень приятно, а Электрон склонил голову, и стало ясно, что он читал старые романы, в которых мужчины кланяются. Они дождались, когда Аврора сядет. Уголком глаза она видела, что Олександр пытается беззвучно просигналить Электрону, чтобы тот по-джентльменски отодвинул даме стул, но Электрон этого не заметил. В конце концов Протон и его отец с улыбкой переглянулись и по очереди сели. Протон через стол налил Авроре воды из графина.

Младшие Физматовы оба учились в Москов-

ском университете, что обеспечило затравку для беседы. Студентов всегда можно спросить, нравится ли им учеба. По-видимому, их предупредили не спрашивать Аврору, где она была в последние дни. Она поймала взгляд старшего, когда тот ее рассматривал, и прочла в нем огромное облегчение.

Ее прибытие, очевидно, стало для официантов сигналом нести еду, и довольно скоро Берия постучал перламутровой ложечкой для икры по хрустальной водочной стопке, требуя внимания. Выпили за товарища Сталина. За недавно завершившийся XVII съезд. За Народный комиссариат тяжелой промышленности в лице Орджоникидзе. За Магнитогорский металлургический комбинат (Ломинадзе). За Меч Революции (Шпак). За Горно-металлургический институт (Физматов). За наших американских товарищей (Аврора). За будущее советской науки и техники (Протон и Электрон). За Горнарпит, обеспечивший им обед. Когда с этим покончили и Берия вроде бы собрался сесть и дать людям поесть, Орджоникидзе отбросил салфетку, встал и заставил всех выпить за Берию. Аврора была совершенно без сил и не хотела вливать зерновой алкоголь в саднящее горло, поэтому подливала себе в стопку воду из

графина. Шпак раскурил трубку, и дым плыл в сторону Авроры. Она понимала, что до конца дней запах табака будет вызывать в памяти то, что с ней делали на льду реки Урал.

За супом и салатом продолжался светский разговор, по большей части об учебе младших Физматовых, но, когда подали мясо, Берия наконец сообщил, в чем настоящая цель заседания. Тема, ради которой он собрал их за одним столом: аэростаты.

«Опять чертовы аэростаты», — подумала Аврора и сделала над собой усилие, чтобы не покачать головой. Поскольку она была тут единственной женщиной, каждый, кому не на чем было в конкретную минуту остановить взгляд, смотрел на нее. Даже Шпак на мгновение встретился с ней глазами.

— Полагаю, некоторые наши гости разделяют мой интерес к этому вопросу, — сказал Берия. — Товарищ Артемьева присутствовала в Чикаго на неудачном запуске американского стратостата, а Протон и Электрон — участники аналогичного проекта в Москве, так ведь?

Электрон уже энергично кивал, встряхивая волосами, и даже позволил себе с любопытством глянуть на Аврору. Протон как будто подавился

говядиной, что, учитывая ее жесткость, было вполне правдоподобно. Отец положил ладонь ему на руку и вопросительно глянул на Берию.

— Физматовы совершенно правильно помнят о бдительности при обсуждении секретной темы, — сказал Берия.

Электрон громко сглотнул и перестал кивать.

— Могу уведомить, — продолжал Берия, — что мы с товарищем Шпаком поставили точку в тщательной проверке товарища Артемьевой и выписали ей необходимый допуск. В ее присутствии можете говорить свободно.

Аврора против воли покраснела от удовольствия, что ей это сказали, хотя определенные выводы можно было сделать уже из того, что она сидит здесь и ест икру, а не плывет подо льдом реки Урал кормом для рыб. Почувствовав на себе взгляд Шпака, она посмотрела на него через стол. То, что она прочла в глазах своего палача, нельзя было назвать иначе как убийственной злобой.

Его решение отменили. Берия отстранил Шпака от Авроринога дела.

— Быть может, дама поделится с нами воспоминаниями о чикагском запуске и объяснит, отчего американцы так многого от него ждали, — продолжал Берия.

— Конечно, — просипела Аврора.

Она мгновение молчала, все еще переваривая осознание, что Шпак хотел отправить ее в расход. Берия, этот извращенец, спас ей жизнь. Лучше было смотреть на Берию, чем на Шпака. На Протона — еще лучше. Он в свою очередь смотрел на Аврору, причем явно не из одного лишь научного интереса.

— Физматовы знают больше меня, — начала она, — но так вышло, что я познакомилась со студентом-физиком, который пытался мне объяснить, какие эксперименты ставят с помощью аэростатов и отчего они так интересны капиталистам. Если хотите, я попробую рассказать, а Физматовы поправят мои ошибки, которых, уверена, будет много.

— Просим! — сказал Берия с довольным видом игрока в поло, хвастающегося новым призовым пони.

— Ну, все помнят про радиацию — опыты Кюри и Жолио в Париже и так далее. Она исходит от тяжелых элементов вроде радия в конце таблицы Менделеева. Очевидно, слишком большое ядро нестабильно. Когда оно распадается, то испускает лучи. Потом ученые создали более чуткие приборы для улавливания радиации и обнаружили

очень сильные лучи неведомого происхождения. Не от радия или других тяжелых элементов. Как их объяснить? Они повсюду, всегда, проходят через нас, а мы их не замечаем. Некоторые предполагали, что эти лучи — следствие каких-то процессов в недрах Земли. Другие считали, что они из космоса. Эксперименты на вершинах гор зафиксировали больше лучей, что говорит в пользу космического происхождения. Их ослабляет атмосфера. Чем выше вы поднимаетесь, тем больше можно узнать. Самые высокие горы Америки — всего несколько тысяч метров над уровнем моря и находятся в труднодоступных частях страны. Правильно снаряженный аэростат поднимется выше, а запускать его можно с любой точки континента. «Солджер Филд» расположен недалеко от Чикагского университета и прямо посередине «Века прогресса» — международной выставки, на которой прошлым летом выступал Нильс Бор. Поэтому такой аэростат сделали и запустили. Но он упал из-за неисправного клапана.

Берия выразил желание услышать подробности, и она рассказала про семьсот баллонов водорода, магниевый шар, складки прорезиненной ткани.

Грузины, которые до сих пор веселились,

никого не замечая, теперь слушали с таким вниманием, что Авроре сделалось не по себе.

— Получается, — сказал Орджоникидзе, — столько денег и усилий потратили, просто чтобы поднять на воздух приборы. Обсерваторию для этих лучей?

Берия что-то сказал по-грузински, затем добавил по-русски:

— Космические лучи.

— Да, — ответила Аврора. — На таких высотах очень холодно и слишком мало кислорода, поэтому гондола с аэронавтами герметична, чтобы в ней можно было дышать. Снаружи закреплены различные приборы, например, «туманная камера»… не знаю, как она называется здесь…

— Камера Вильсона, — пробормотал Электрон.

— Камера Вильсона, спасибо… так что аэронавты могут изучать эти лучи, дрейфуя в верхней части атмосферы — на пороге межпланетного космоса.

— Но шар высоко не взлетел? — спросил Ломинадзе. — Американцы не узнали, что хотели?

— Совершенно верно, товарищ.

— А мы через несколько дней их обгоним, а, товарищ Протон? — спросил Берия.

— Так точно, товарищ! — ответил Протон. — Мы

готовимся запустить более передовой аэростат, который осуществит то, что не удалось американскому. Мне выпала огромная честь быть одним из стратонавтов.

После короткой паузы раздались аплодисменты и звон сдвигаемых стопок. Протон покраснел, что Авроре, несмотря на все изнеможение, показалось до нелепого милым. Ну конечно, в стратонавты должны были выбрать этого обаятельного красавца.

— Замечательное торжество советской науки и техники, — сказал Орджоникидзе, — но я хозяйственник, который строит металлургические комбинаты. Кто-нибудь объяснит мне, почему это важно? Или мы это делаем только потому, что американцы не сумели?

— Научно… — начал старший Физматов, но Орджоникидзе оборвал его взмахом руки.

— Научно я знаю, как работает домна. Забирает из окисла железа кислород и дает нам чугун. — Он царственным жестом указал на уходящую в ночь колоннаду доменных печей. — Из чугуна получается сталь, из стали мы делаем рельсы и танки. Могут ваши космические лучи дать нам что-нибудь в таком роде? — Он снова взмахнул рукой и кивнул в сторону окна. — Или это как

коллекционирование бабочек?

И в наступившей тишине добавил:

— Ничего не имею против коллекционирования бабочек. Просто хочу знать.

И Протон, и его отец почему-то разом обернулись на Электрона, который с начала разговора пристально смотрел в свою тарелку. Аврора не одна это заметила. Электрон, хоть и не поднимал глаз, как-то почувствовал направленное на него внимание. Он прочистил горло и произнес единственное слово:

— Нейтроны.

Грузины озадаченно переглянулись, и Берия сказал:

— Мне это слово ничего не говорит.

— И не должно говорить, — успокоил его Электрон.

Шпак бросил на молодого человека косой взгляд. Олександр Физматов заметил это и вмешался:

— Лек имеет в виду новый тип элементарных частиц, открытый лишь в прошлом году. За пределами университетских физических факультетов никто этого термина не слышал.

Лек кивнул.

Ломинадзе не прочь был взять на себя роль

шута.

— Для тех из нас, кому до таких заведений больше тысячи километров лесом, объясните, каким боком ваши частицы относятся к воздушным шарам? — Он задал свой вопрос с деланым весельем, но при этом нервно косился на Берию и Орджоникидзе.

Электрон запустил пятерню в волосы, убирая их с лица. Он явно понятия не имел, как объяснять такие вопросы сталелитейщикам и чекистам. Протон, наблюдавший за ним с некоторой иронией, ответил за него:

— Как очень понятно изложила товарищ Аврора, излучение невероятно высокой проникающей силы попадает в нашу атмосферу сверху. Стратосфера — лучшее место, чтобы его изучать.

— Оно идет от Солнца? — спросил Орджоникидзе.

— Космические лучи наблюдаются *ночью*, — заметил Электрон. — И во время *полных солнечных затмений*.

Аврора молча переварила эти сведения и, не возражая примерить роль тупой блондинки, ответила:

— А, понятно. Когда Земля или Луна закрывают все лучи, идущие от Солнца.

— Очевидно, — сказал Электрон. Без насмешки, просто указывая, что это очевидно.

— Итак, методом исключения, лучи должны быть от более далеких астрономических объектов — звезд, галактик…

— Сверхновых, вероятно, — сказал Электрон. — Где рождаются элементы. Это ваша домна. Когда внутри звезды маленькие атомы сталкиваются и образуют более тяжелые ядра, выделяется энергия настолько больше этой, — он небрежно махнул в сторону промышленного колосса за окном, — что нечего и сравнивать. Сверхновые выбрасывают тяжелые ядра в космос, где они конденсируются в планеты, как водяные капельки из пара. Более тяжелые элементы вроде урана медленно оседают на глубину и распадаются — энергия, которую они при этом выделяют, поддерживает земное ядро в расплавленном состоянии, из-за чего следы урана и радия иногда выносит на поверхность. Мы живем в промежуточном слое ядер среднего размера, достаточно стабильных, чтобы образовывать сложные молекулы, из которых состоит живое. Под нами тяжелые ядра распадаются в адском океане лавы. Над нами легкие ядра сливаются, порождая солнечный свет, но верхний уровень точно так же

враждебен жизни, как и нижний. Чтобы узнать больше, нам надо либо копать вниз, либо лететь высоко — подбираться самую чуточку ближе к жутким источникам энергии и радиоактивности. Лететь высоко проще. — Он уважительно кивнул в сторону брата. — Отсюда не следует, что это легко или безопасно.

— Мои поздравления, товарищ Физматов, — сказал Берия, глядя вдоль стола. — Мальчик говорит хорошо, когда разогреется. Это как заводить трактор холодным утром. Но что насчет нейтронов? Это ж было первое его слово, не так ли?

— Спасибо, — ответил Физматов. — Как можно догадаться по именам моих сыновей, еще недавно мы знали только протоны и электроны. В те дни не было способа измерить массу ядра. В последнее время это стало возможным. И тут же возникла проблема с арифметикой.

— А что, с арифметикой разве не разобрались еще в Древней Греции? — весело заметил Ломинадзе.

— Мы знаем, — сказал Физматов, — что у водорода протон всего один. Значит, и электрон у него должен быть всего один, чтобы заряды уравновешивались. Один положительный, один

отрицательный, в сумме ноль. У гелия того и другого по два. Казалось бы, гелий должен иметь массу вдвое больше водорода. Но нет. На самом деле гелиевое ядро весит в *четыре* раза больше водородного. Поскольку электроны практически невесомы, остается допустить, что в ядре гелия четыре протона, а не два. Однако мы знаем, что заряд у него — всего две единицы.

— Да уж, основательно не сходится! — хохотнул Орджоникидзе. Он немного обиделся, когда Электрон так презрительно высказался об энергии его доменных печей, а теперь все больше и больше склонялся к выводу, что физики — всего лишь коллекционеры бабочек.

— Кюри и Жолио занимались этим в парижском Радиевом институте. Резерфорд и Чедвик — в Англии. Комптон и Милликен — в Америке. Ферми — в Италии. Ган и Мейтнер в Германии, — сказал Физматов.

Грузины разом посмотрели на него, и Аврора кое-что поняла: они боятся, что СССР может отстать. Физматов это знает. И нарочно давит на их страхи, чтобы эти влиятельные невежды не отмахнулись от него и его сыновей.

— Была теория, что парочка лишних электронов прячется где-то в ядре, — продолжал он. — Но

Резерфорд доказал, а другие подтвердили, что третья частица, нейтрон, и впрямь существует.

— Его трудно увидеть, — подхватил Лек, — потому что у него нет заряда и он проходит через вещество незамеченным.

— И что в нем важного? — спросил Орджоникидзе. — Кроме того, что с ним арифметика сходится?

— Он — ключ ко всему, — ответил Лек.

— Нельзя ли чуточку поконкретнее? — резко вмешался Шпак. Наконец-то здесь потребовалось его умение вести допрос.

— Алхимия, — сказал Лек. — То, о чем древние алхимики только мечтали, происходит прямо сейчас. В Кембридже, Париже, Чикаго.

— Лек говорит про трансмутацию элементов, — объяснил Протон, глядя на младшего брата со смесью тревоги и нежности.

— Вчера… еще вчера, — Лек хлопнул по столу, — мы думали, что есть всего два способа. В недрах звезд — малопрактично! Или просто надо ждать, когда ядро урана или радия распадется. Но Кюри, Жолио, Резерфорд, Ферми обнаружили, что, направив нейтроны на обычные ядра, можно запросто вызвать трансмутацию.

— Мне казалось, вы говорили, что они прохо-

дят через вещество незамеченными, — вставил Шпак, всегда готовый поймать собеседника на противоречии.

— Потому что мы не туда смотрим. Надо смотреть в сами ядра. Нейтральность этой частицы позволяет ей попасть в яблочко и перестроить ядро — превратить один элемент в другой.

— И что нам это дает? — спросил Орджоникидзе. — Помимо арифметического курьеза?

— Энергию, — ответил Электрон. — Мощь звезд.

Он наконец-то привлек интерес Серго Орджоникидзе — и такой интерес, что старший Физматов счел за лучшее его умерить.

— Многие не менее авторитетные ученые говорят — по крайней мере, в публичных выступлениях, — что на поверхности Земли такое, скорее всего, неосуществимо: для алхимических трансмутаций нужны условия, которые физически невозможно создать на промышленном предприятии. По их мнению, необходимые условия, вероятно, существуют лишь в недрах планет и внутри звезд.

– *Могут* существовать. Хотя бы теоретически, — уточнил Электрон. — Но мои университетские преподаватели говорят, что Жолио-Кюри,

Ферми или кто-нибудь другой каждый месяц получают новые изотопы, всего лишь облучая обычное вещество нейтронами. Еще сотни, возможно тысячи изотопов предстоит открыть.

Протон, глядя на Орджоникидзе, сказал:

— Это как если бы несколько ученых обнаружили новый континент с тысячами неизвестных науке видов бабочек. Чтобы их поймать и зарисовать, потребуется время. Однако существует возможность, что по меньшей мере одна из них окажется волшебной и тот, кто ее поймает, получит способности, какие мы приписывали богам и чародеям.

– *Вслух* такого не произносят, — подчеркнул его отец. — Скажите такое ученым — они обсмеют слова про богов и чародеев. Будут уверять, что всего лишь ловят бабочек.

То ли Олександр Физматов и впрямь был настолько хитер, то ли это вышло случайно, но так или иначе его объяснение идеально легло на то, как люди вроде Орджоникидзе и Берии видят мир. А именно: что влиятельные люди (в данном случае ученые) маскируют публичными заявлениями свои истинные тайные мотивы и понимать это значит быть умнее, а следовательно, и сильнее обычных людей. Они обменялись

несколькими словами на грузинском, и по тону было ясно, что в голове у них все сложилось. Шпак наблюдал за ними бесстрастно, но у Авроры осталось впечатление, что даже он поверил.

— Что ж, — сказал Орджоникидзе, закуривая папиросу и выпуская длинную струю дыма, — за обедом о таком поболтать приятно. Но если бы вы только знали, какая адова работа — построить всего лишь доменную печь…

— Товарищ Физматов знает, — вмешалась Аврора. — Мы знаем. Мы вызвались добровольцами в ударную бригаду. Мы это видели. Видели, как гибнут люди.

— Отлично! Тогда вам понятно, что, даже если это все и впрямь так важно, как вы говорите, Наркомат тяжелой промышленности таким заниматься не будет. По крайней мере, пока нарком — я.

— Согласен, — ответил Берия. — Предлагаю, товарищ Орджоникидзе, чтобы вы строили свой металлургический комбинат, а коллекционирование бабочек оставили мне.

И он почему-то взглянул на Аврору.

18. Форт-Сиклс, Северная Дакота. Сентябрь 1933 г

Дон отклонила любезное предложение штата Северная Дакота предоставить ей общественного адвоката и подписала бумагу, что будет защищаться сама. К чести ее обвинителя, местного прокурора — и к удивлению Дон, которая с судебной системой встретилась впервые, — тот всячески старался ее переубедить. Он разъяснил тяжесть обвинений и перечислил, какими способами даже самый плохо обученный и равнодушный общественный защитник может заметно сократить ей срок, а то и добиться от присяжных вердикта «невиновна». Дон было приятно, что прокурор видит в ней девушку неглупую и небезнадежную, такую, на которую не жалко потратить время. Он пытался говорить с нею как один разумный, образованный человек с другим — возможно, по роду занятий такие люди встречались ему редко. Она пыталась свернуть разговор, объявив, что намерена признать себя виновной и не думает, что для этого нужен адвокат. Прокурор и тогда не отстал. Он объяс-

нил, что, возможно, адвокат найдет лазейку в его, прокурора, обвинении, и тогда ее признание будет глупой ошибкой.

Это было по-своему занятно — смотреть, как работает юридический ум, — но Дон подозревала, а Реджи потом подтвердил, что прокурор не хотел помочь Дон, а просто добивался исполнения всех формальностей, чтобы приговор нельзя было оспорить.

Дон ни то ни другое не волновало. Ей нужно было, чтобы заседание прошло в известный день, и скоро. Адвокат мог бы осложнить дело ходатайствами и проволочками.

За неделю до предъявления обвинения Реджи навестил ее несколько раз. Разговаривали намеками, так как наедине их не оставляли. Реджи часто упоминал грядущую семейную встречу, на которую съедутся братья, дядья и племянники со всего Запада и Среднего Запада. Многие детали подготовки, безусловно интересные для Дон, на самом деле ее не касались, так что и говорить о них было незачем. Ей требовалось обсудить с Реджи лишь несколько пунктов. Во-первых, что все должно произойти в конкретный день и в конкретное время. Во-вторых, что ей необходимо забрать чемодан. И в-третьих (это она сообразила

как-то поздно вечером, когда все продумывала), ей понадобится веревка длиной сто футов. Вслух такого сказать было нельзя, а сказать требовалось, так что Дон написала записку и вложила Реджи в руку, когда никто из охранников на них не смотрел. Читать Реджи не умел, но Дон рассчитывала, что среди приехавших в город «родственников» кто-нибудь грамотный найдется.

Теперь оставалось лишь ждать великого дня. Сокамерниц у нее не было. Реджи принес ей книжку — вестерн в мягкой обложке, — но Дон уже прочитала его дважды. Закладкой служила газетная вырезка — статья про Бонни и Клайда, которую отправил ей по почте на имя Реджи троюродный брат из Монтаны. Они иногда переписывались, и он знал, что Дон интересуется бандой Бэрроу. Немалую часть статьи занимала баллада, написанная самой Бонни Паркер и, видимо, отпечатанная в какой-то момент, когда Бонни сумела раздобыть пишущую машинку и копирку. Баллада называлась «Жизнь и смерть Бонни и Клайда», хотя, насколько все знали, они были до сих пор живы. В любом случае со стихами имело смысл ознакомиться. Вечером накануне предъявления обвинений Дон еще разок их пере-

читала до того, как охранники выключили свет. Завтра она или погибнет, или уцелеет — это одно можно было сказать точно. Если уцелеет, то будет в бегах, как Бонни. Если погибнет — то это уже будет не важно.

Однажды обоих уложит
Бок о бок жестокий свинец,
В могилу их рядом положат.
Одним – ликованье, другим – огорченье,
Но Бонни и Клайду – конец.

Дон гадала, лучше ли погибнуть рядом с любимым. Лежать с ним в одной могиле. Вроде бы какая разница? Ее с детства учили не верить в Бога и загробную жизнь, и все же она находила это трогательным: Бонни так любит своего Клайда, что думает, будто в смерти что-то изменится, если ее мертвое тело будет лежать рядом с его мертвым телом. Голос отца звучал в голове, указывал, что разница будет для живых, политическая. Могила станет мемориалом, куда будут стекаться массы. Сплотит их для борьбы. Однако у Бонни вроде не было политических убеждений, кроме ненависти к полиции.

Даже если они вдруг завяжут,

Дом снимут, пройдет день-другой,
И разбудит ночью округу
Полиция дикой стрельбой.

Размер у Бонни хромал, что правда, то правда. Дон пыталась оправдать это гипотезой, что баллада сочинялась на заднем сиденье «форда», несущегося по ухабистой грунтовке, пока Клайд выжимал из восьмицилиндрового двигателя все, чтобы не допустить преследователей-копов на расстояние выстрела.

Преданность Бонни Клайду, ее спокойная готовность умереть вместе и лежать с ним в одной могиле завораживала Дон, но была ей совершенно чужда. В жизни самой Дон были три парня. Билли Бах. Но Паттон сказал, что Билли ей не подходит, и Дон тут же поняла, что Паттон прав. Словно желая это подчеркнуть, Билли вступил в ландесъегер. Дик был ужасно мил, но только подумать, куда ее это завело. И, наконец, странная история с Немым Элом. Лежа в темноте на тюремной койке ночью накануне заседания суда, глядя в потолок, Дон вынуждена была признать, что Эл по многим параметрам вышел бы для нее лучшей парой. Если, конечно, забыть, что он обманул ее, предал и был ключевой фигурой пра-

вительственной операции, в которой погибли ее отец и его друзья.

Задремывая, она воображала кое-что довольно пикантное с участием Немого Эла и наручников. Если он ее выследит и арестует, хватит ли ее женских чар, чтобы сломать его железную самодисциплину? С руками, скованными за спиной, сможет ли она победить его одним лишь лицом и словами? И если да, как это все будет?

Поутру, однако, в мысли Дон проник совсем другой мужчина, не фигурировавший во вчерашних дремотных грезах. Боб Оверстрит, чисто выбритый висконсинский инженер, приютивший ее у себя в Гэри. Весь следующий год Дон поддерживала с ним связь по почте. В последнем письме, отправленном недели две назад, он упомянул, что компания отрядила его в Сан-Франциско строить какой-то мост. Боб прямо этого не сказал, но Дон поняла, что он предлагает ей убежище на случай нужды.

Идея уехать — не на Западное побережье, а далеко-далеко в Магнитогорск, — очевидно, пришла ей в каком-то уже позабытом сне, потому что, когда Дон открыла глаза, эта идея уже была в ее голове, совершенно четкая. Именно так надо поступить. Завтра Дон умрет. Аврора как-то добе-

рется до Сан-Франциско и начнет новую жизнь в Советском Союзе. Куда лучше той, что описала Бонни:

Путь Бонни и Клайда извилист и крут,
Назад им уже не податься.
Они сами выбрали этот маршрут.
Удел их – идти и сражаться.

Дорога все уже, все круче,
Темнее, не видно ни зги.
Увы, не видать им свободы,
Но пусть не ликуют враги.

Оставалась одна неприятная мелочь — она сидела в тюремной камере Форт-Сиклса. Однако план ее освобождения был уже запущен, и Дон не могла ни ускорить его, ни отменить.

Она проторчала на койке большую часть дня, ничего не делая, просто дожидаясь, когда ее отведут в зал суда. Заседание было намечено на утро, но (насколько Дон могла понять по обрывкам разговоров между охранниками) оно откладывалось и откладывалось. Поезд, которым ехал судья, опоздал на несколько часов. Судью вызвали на какое-то срочное совещание. Перед ней должны были рассмотреть другие дела, и они оказались

неожиданно сложными. Пришло время обеда. Обед затянулся.

Дон начала всерьез опасаться, что все пойдет наперекосяк. Банк закрывается в три. Банда — не было смысла называть это как-то иначе — будет ждать сигнала Реджи. Реджи не даст сигнала, пока приставы не выведут Дон из камеры в зал суда. В этот момент начнется ограбление банка. Копы услышат перестрелку и бросятся в банк, оставив суд почти не охраняемым. Реджи и два его сообщника будут там, вооруженные. Они легко вызволят Дон и рванут к месту встречи с грабителями — некоему дому на реке, откуда Дон требовалось забрать чемодан.

Но если слушанья не начнутся до трех, банк закроется. Чтобы не упустить добычу, банда, скорее всего, просто ворвется туда со стрельбой без чего-нибудь три. Если Дон будет еще в камере, то там и останется.

Колокола на церкви через площадь пробили два, затем половину третьего. Дон сидела на койке, закрыв глаза, и мысленно составляла заявление судье, что она все-таки просит адвоката, когда в двери заскрежетал ключ и вошел пристав.

— На выход, мисс, — объявил он.

Дон встала. Кровь отлила от головы, в глазах потемнело. На ватных ногах она вышла из камеры, пристав ухватил ее под локоть и протащил за угол и дальше по коридору мимо мужских камер. Затем через другую запертую дверь, по лестнице и еще одним коридором в здание суда. Несколько мучительных минут Дон маялась в примыкающей комнатке, пока наконец не открылась дверь в зал. Пристав отвел Дон на скамью подсудимых, окруженную низкой, по сути символической загородкой. По одну сторону восседал по помосте судья лицом к залу вместимостью человек пятьдесят. Зрителей было десять-двенадцать, один как раз выходил в заднюю дверь. Дон посмотрела на последний ряд. Там сидел Реджи с одним из своих сообщников. Другой как раз вышел — подать сигнал ребятам, ждущим у банка. Все должно было начаться сию минуту.

В зале было тихо, только судья на помосте шуршал бумажками, открывая нужные документы. Дон отчетливо услышала мужской голос с одного из передних рядов. Там расположились трое. Аккуратные и, по меркам Форт-Сиклса, хорошо одетые. Очевидно, не местные. Лет от двадцати пяти до тридцати пяти. Говорил тот, что в середине. «Это она. Я ее где угодно узнаю», — засвиде-

тельствовал он, указывая на Дон. Та скользнула взглядом вдоль пальца, нацеленного в нее, как револьверное дуло, и уперлась в Немого Эла.

Мгновение они смотрели друг на друга.

Впрочем, он первым отвел глаза — его отвлекла автоматная стрельба на улице.

Из-за того, что Дон и Реджи на тюремных свиданиях объяснялись полунамеками, план она себе представляла лишь в самых общих чертах. Впрочем, у нее осталось впечатление, что, встречайся они наедине и разговаривай часами, Реджи мало что сумел бы добавить насчет порядка операции. Некоторые назвали бы это легкомысленным безрассудством. До лета 1932 года Дон была бы в их числе. Но все увиденное в Вашингтоне научило ее скептически относиться к планам в целом и к сложным планам в частности. Время от времени, вспоминая события того лета, она в отчаянии трясла головой: сколько же умственных усилий вкладывали коммунисты в составление планов. Они даже планировали свое планирование, составляли график посвященных ему встреч. Те, кто на самом деле что-то делал, люди вроде бунтаря-морпеха Джона Пейса, вежливо, но твердо демонстрировали полнейшее равнодушие. Пейс, по всему, признавал планирование лишь

постольку, поскольку оно занимает любителей планирования, и те на какое-то время от него отстают.

Именно через такую призму Дон впоследствии изучала заметки о подвигах Бонни и Клайда, Красавчика Флойда, Малыша Нельсона и других «врагов общества», как их называли в газетах и на суровых фэбээровских пресс-конференциях. Баллада, в которой Бонни сравнивала свою жизнь с дорогой, где не видно ни зги, мало походила на творение завзятого планировщика. Реджи, хоть и не прославился настолько, чтобы газеты писали о нем как о враге общества, все же побывал в изрядном числе переделок и общее представление о том, как в них развиваются события, получил. Он, судя по всему, тоже планов не составлял. Жизнь не *полная* лотерея; есть разумные способы подтасовать шансы в свою пользу, но как только начинается перестрелка, все планы, кроме самых общих, элементарных, летят к черту. Что, возможно, больше говорит о человеческом мозге и его реакции на пальбу и кровь, чем о самих планах.

В данном случае план был такой: «в здании суда и в тюрьме полно копов, но их отвлечет ограбление банка, а дальше как-нибудь что-нибудь». Другими словами, насколько Реджи вообще

составлял планы, планы эти не включали трех наверняка вооруженных фэбээровцев в зале суда — фэбээровцев, которые приехали сюда из-за Дон и, в отличие от пристава у нее за спиной, знают, что она не просто заблудшая сиротка, у которой в поезде случилась неприятность по женской части.

Но в определенном смысле это не имело значения. Тем-то и хорош подход Реджи. План не может пойти наперекосяк, если его нет. Дон это понимала и ценила, но ей думалось, что Реджи и его сообщникам, возможно, полезно будет знать больше.

Звук очередей из нескольких «томпсонов» в ста шагах отсюда, у банка, перемежаемый ружейными выстрелами и ревом восьмицилиндровых автомобильных моторов, парадоксальным образом вызвал в зале суда полную тишину. Все мучительно напрягали слух, силясь понять, действительно ли происходит то, что им кажется. Все, за исключением тех, кто этого ждал. Забавная подробность: церковные колокола начали отбивать три часа.

От окна донесся хлопок, на стекле возникла дырка и система трещин.

— Реджи, — начала Дон. Она говорила отчет-

ливо, но кричать не было нужды, — эти трое — фэбээровцы.

— Знаю, — ответил Реджи и застрелил одного из троих. Не Эла, а того, что был от Дон справа. — Ты на моей линии огня, — добавил он с выразительным кивком.

Это переключило ее мысли на новую и важную тему: что должна была сделать *она*. Хорошо быть членом банды — как сейчас Дон, — с умением сперва стрелять, а планы обдумывать позже (или никогда), но для этого требовалось включиться и начать действовать.

Дон смутно ожидала, что должна будет смирно ждать на скамье подсудимых, пока все служители закона не убегут разбираться с ограблением банка. Тогда Реджи и его друзья натянут на лица банданы, вытащат пистолеты, выйдут на середину зала суда и разоружат пристава. Однако присутствие фэбээровцев уже торпедировало этот план. Теперь Дон, как указал Реджи, осложняла ему действия тем, что находилась между ним и мишенями. Правда, это не помешало ему уложить одного фэбээровца метким выстрелом. Тем не менее Дон следовало убраться.

Она глянула на пристава. Его делом было присматривать за Дон. Обязанностью этой он

пренебрегал до такой степени, что она чуть не возмутилась. Все его внимание было устремлено на федерального агента, который, захлебываясь кровью, оседал на колени. Дон обеими руками оперлась на ограждение скамьи подсудимых и перемахнула на другую сторону. Хорошо, что никто на нее не смотрел, потому что прыжок вышел позорным. Во-первых, она была в юбке, а во-вторых, ее внутренние органы еще не вполне зажили после хирургического вмешательства миссис Кидд несколькими неделями раньше. Через ограждение Дон перемахнула, но в итоге растянулась на полу и много что себе ушибла. Впрочем, сама позиция была правильной, поскольку, судя по тому, что Дон слышала, в зале шла полноценная перестрелка.

Папа и другие ветераны рассказывали, как их учили проползать по-пластунски под колючей проволокой и как во время Великой войны они употребляли это умение на ничейных полосах. Теперь Дон двинулась таким манером через зал суда, прямо перед судейским помостом — туда ей требовалось добраться, чтобы оставить фэбээровцев как можно дальше. Идея, что Немой Эл защелкнет на ней наручники, утратила романтическую привлекательность. Но и такое

планирование оказалось ошибочным — двое уцелевших федералов перебежали за помост, один даже перескочил по пути через Дон. Осколки мрамора ударили ей в лицо. Она рискнула чуть приподняться и на четвереньках заспешила к скамье присяжных, а оттуда по боковому проходу к задней двери.

Внезапно человек прямо перед ней, стоя на одном колене, выстрелил из револьвера. Но это, видимо, был товарищ Реджи — тот, что выскользнул из зала суда подать сигнал. Он вбежал через другую дверь и открыл перекрестный огонь по федералам. Лицо у него было скрыто красной банданой. Узнав Дон, он энергично замахал в сторону заднего выхода, как будто выгоняя назойливую муху. Поскольку фэбээровцы отстреливались, Дон не поднимала головы, пока не проползла мимо него. Миновав сообщника, она вскочила и ринулась наружу.

Сбегая по крыльцу судебного здания, Дон глянула через площадь и немного опешила, увидев, что ограбление еще не завершено. Несколько копов прятались за машинами или углами домов. Бандиты, засевшие в банке (архитектурно напоминавшем крепость), стреляли по каждому, кто высунется. Ситуация выглядела патовой.

Сколько времени ушло на то, чтобы обчистить банк? Добрались ли они до Господних денег? Эти вопросы пронеслись у Дон в голове, потом она сообразила, что с подачи сигнала прошли от силы минута-две. События в зале суда развивались очень быстро. Быстрее мысли.

Перед судом остановился автомобиль. Дон была уже на нижней ступеньке, Реджи и два его товарища отступали следом. Красная Бандана хромал на одну ногу и продвигался медленно. Реджи и второй товарищ прикрывали его, пятясь, чтобы не поворачиваться спиной к зданию, из которого по ним в любую секунду начнут палить. Реджи обернулся лишь раз — крикнуть шоферу (который, судя по натянутой на лицо бандане, тоже участвовал в операции):

— Доброс до точки и возвращайся!

Шофер откинулся назад и открыл заднюю дверцу за мгновение до того, как Дон очутилась у машины. Она хотела было нырнуть внутрь рыбкой, но поняла, что это будет чересчур, да и к акробатическим трюкам она была еще не очень способна, поэтому села в машину более или менее приличествующим даме образом и передвинулась на место за шофером. Он, впрочем, уже выскочил и бежал к охромевшему товарищу.

Реджи с Синей Банданой, укрывшись за парапетом, ушли в необъяснимо медитативную процедуру перезарядки револьверов. Шофер, пригибаясь, проскакал вверх по ступеням, подставил плечо и, взвалив Красного себе на спину, принялся торопливо спускаться обратно к машине. Из окна прогремели выстрелы. Реджи и Синий тут же ответили. Шофер наклонился и швырнул Красного в общем направлении передней пассажирской дверцы. Пока он обегал машину и садился за руль, Красный успел наполовину вползти на сиденье. Когда они тронулись, ноги Красного еще волочились по мостовой, но за первые два квартала он кое-как втянул их внутрь. После этого шофер втопил газ. Дон лежала на заднем сиденье, поскольку, судя по звукам, машину обстреливали. Кто именно — фэбээровцы из здания суда или окружившие банк полицейские, — она не поняла.

До «точки», как выразился Реджи, домчали не больше чем за шестьдесят секунд. «Точкой» был городской парк — вернее, то, что станет парком, когда у жителей Форт-Сиклса найдутся время и деньги на парковые сооружения. Сейчас здесь был просто участок с табличкой на въезде. Кусты и деревья поменьше вырубили, землю засеяли

травой. Большие деревья оставили, так что получился переход от города к более лесистой речной долине. Шофер одним махом въехал на бордюр и зигзагом понесся между деревьями к опушке леса. Там под присмотром мальчика лет тринадцати паслись несколько оседланных лошадей.

На этом последнем отрезке пути Дон снова сидела, чтобы держаться изо всех сил, когда автомобиль мотало на ухабах. Цеплялась она за водительское кресло. Еще до того, как затормозить, шофер обернулся и рявкнул в дюймах от ее лица:

— Вылезай! И дуй отсюда!

Со всех сторон от Форт-Сиклса на сотни миль тянулись открытые равнины. Но через сам городок протекала река, и ее долина глубоко врезалась в песчаник, подстилающий мягкую степную почву. Весь городок стоял на одном берегу, потому что строить здесь мост было чересчур дорого — сама река имела в ширину футов двадцать, но долина — добрых полмили. Вся она заросла лесом. Уходить от копов по прерии — чисто автомобильная гонка, вопрос, у кого мощнее моторы и полнее баки. На много миль все как на ладони. Ты уйдешь, только если оторвешься настолько, что незамеченным свернешь на каком-нибудь

сельском перекрестке.

Уходить от копов по лесистой долине — совершенно другое дело. Видимость ограничена несколькими ярдами. И копы наверняка не ждали такого гамбита. Для серьезной погони они вынуждены будут вернуться и раздобыть лошадей. А люди, которых нанял Реджи, в любом случае могут дать фору любым полицейским.

Погони пока вроде не было. Сцена на опушке леса по сравнению с происходящим в городе выглядела настолько мирной, что Дон не стала бы торопиться, не будь шофер так взвинчен. Она подошла к мальчику, стоящему подле лошадей. Наполовину индеец, подумала она. Нет, стопроцентный индеец, но коротко стриженный и одетый как работник на ранчо.

— Какую мне взять? — спросила Дон. По седлам и другой сбруе она видела, что лошади по большей части чьи-то, и так же не могла сесть на чужую лошадь, как угнать чужой автомобиль.

— Пози, — сказал мальчик, кивая на аппалузскую кобылу, которая нервно щипала траву чуть в стороне. — Ты крупная, — продолжал он, меряя Дон взглядом, — но остальные еще крупнее. И в лесу Пози не подведет.

— У тебя, часом, нет лишних джинсов или ко-

жаных штанов?

— Нет, мэм.

— Можно тогда на минутку твой нож?

Мальчик вытащил нож из ножен на поясе, и Дон разрезала юбку на половину длины, спереди и сзади, чтоб хотя бы перекинуть ногу через седло.

— Туда, — сказал мальчик, подсадив ее на лошадь. Он из-под ладони сощурился на лес. — С милю.

— Я просила у Реджи…

— …стофутовую веревку. Она у меня там.

Мальчик пошел к большому старому дубу, под которым на голой земле было разложено всевозможное снаряжение. Дон и Пози тем временем начали знакомство. Пози сообразила, что Дон хочет последовать за мальчиком, и двинулась в его сторону. В нескольких шагах от них шофер оказывал неотложную медицинскую помощь Красной Бандане, который распластался рядом с машиной, кое-как выпроставшись из дверцы.

Мальчик протянул Дон аккуратно смотанную бухту пенькового каната. Дон прицепила ее на луку, развернула Пози и поскакала в лес. Впервые за долгое время — за несколько лет уж точно, — она была одна, ехала куда хотела через дикий

край, и несмотря на все плохое, оставшееся позади, и неопределенное будущее, это было как возвращение домой.

На этой стороне лес полого спускался к речке. В двух местах сверху змеились притоки, каждый в своем маленьком ущелье. Дон обнаружила, что легче ехать по отмели или даже пускать Пози брести по колено в воде, чем одолевать эти препятствия. Почти всю дорогу берег по правую руку, за речкой, был такой же крутой и заросший, как слева. Однако вскоре после того, как Дон миновала второй приток, река плавно повернула влево. Большая излучина в форме подковы огибала выступ розовой скальной породы. Мало какая лошадь одолела бы такую крутизну, поэтому здесь Дон переехала через реку. Уступ по правому берегу был невысок — Пози вскарабкалась на него без труда, — а дальше начинался совершенно плоский участок. Песок и гравий, слишком грубые, чтобы называть их почвой, тянулись футов на пятьдесят до того места, где снова начинался лес. Из-за того, что полоса эта часто заливалась, деревья здесь были не толще запястья Дон, да и те по большей части вырубили или помяли колесами автомобилей и грузовиков. Ибо здесь преподобный Кидд крестил людей. Если повернуть прочь

от реки, где-то там отыщется лиственный тоннель над грунтовой дорогой — двумя колеями, которые проложили прихожане Кидда и те, кто ездил сюда порыбачить и выпить пивка. Еще дальше грунтовка соединялась с гравийкой, ведущей в индейскую резервацию. По этой дороге банда Реджи и намеревалась эвакуироваться, но пока машин слышно не было.

Повсюду валялись пустые бутылки и чернели холодные кратеры кострищ. Дон доехала до места, где было хоть немного высокой травы, спешилась и привязала повод к хилому деревцу. Затем сняла веревку с луки, забросила на плечо и по тропе, протоптанной Киддами с их паствой, зашагала к реке. По опыту Дон знала, что здесь прямо под берегом река глубже. Когда она спрыгнула, юбка надулась и вывернулась, почти закрыв ей лицо. Дон со свистом втянула воздух, входя в ледяную воду, и пересилила легкую панику от того, что не устояла на дне и течение протащило ее несколько ярдов. Однако самая глубокая часть русла была уже позади. С каждым шагом к другому берегу течение слабело, а вода делалась мельче. Несколько раз Дон оскользнулась на невидимых камнях, но скоро уже плескала через песчаную отмель сперва по колено, потом по щиколотку. И

вот она на берегу, смотрит снизу на дом Киддов.

Они на Господни деньги наняли рабочих построить деревянный помост над бровкой каменного уступа, на котором стоял дом. Он выдавался не более чем на ярд, но Дон, идя вдоль скального обрыва, различала изнанку досок и держащие их балки. Хотя издали обрыв казался отвесным, вблизи стало видно, что камень неровный, с выступами и зацепками, так что вскарабкаться по нему можно.

И вот Дон уже скрючилась под досками, в густой тени — вечернее солнце светило с противоположной стороны дома. Она размотала веревку, так что один конец скользнул вниз по обрыву, а другой пропустила за балку — пропитанный креозотом брус, вмурованный в цемент, который рабочие залили прямо на камень, — и потянула на себя. Когда два конца веревки закачались примерно на одной высоте — ярдах в двух над рекой, — Дон остановилась. Теперь, держась за два конца, любой мог подняться на обрыв или спуститься с него. А если потянуть за один, то веревка сдернется, не оставив следа.

За все время Дон не слышала никаких звуков из дома. Она неплохо знала Киддов и была уверена, что они еще в больничке. Либо, поскольку все

произошло позже задуманного, едут обратно. Но главное, в доме никого не было. Дон отыскала ступеньки на помост. Часть его была открыта стихиям, часть — превращена в веранду. Оттуда незапертая дверь вела в буфетную. За буфетной располагалась кухня, а из кухни Дон попала в жилую часть дома.

Занятно было бы побродить по комнатам, посмотреть семейные фотографии и все такое, но время поджимало. Дон поднялась по лестнице и нашла спальню, где преподобный Кидд держал свой гардероб. Черных костюмов в избытке. Дон обменяла свою разрезанную юбку на пару его брюк. Они были широки в поясе, но она продела в шлевки черный галстук и туго его затянула. На ней была бежевая блузка. Дон надела сверху джинсовую рабочую рубашку и черный пиджак. От запаха Кидда ее чуть не вывернуло. Хуже того, от шарфиков миссис Кидд воняло хозяйкой, но Дон выбрала два самых темных и намотала на шею и на голову.

Дальше по коридору была обещанная ей спальня — место, где миссис Кидд вколола бы ей смертельную дозу морфия. Однако чемодана там не обнаружилось. Ну, разумеется. Зачем бы они стали затаскивать наверх такую тяжелую неук-

люжую вещь?

Дон отыскала лестницу в подвал. Он был низкий, сводчатый, с неровным земляным полом. Со стороны реки имелся люк в тесное пространство под настилом. Дон решила, что он может пригодиться, так что распахнула его и оттащила в сторону то, что мешало в него пролезть.

Со стороны фасада ступеньки взбегали к наклонной двери во двор. У основания этой лестницы прямо на земле и стоял ее чемодан. Дон его открыла. Внутри ее дожидались только коммунистическая теория и пропаганда — одежду всю вытащили. Дон вышвырнула книги, оторвала второе дно из кедровых планок и увидела скрипичный футляр, в точности каким его помнила.

Он был по-прежнему заперт. Ключик тюремщики конфисковали, и Дон не рассчитывала увидеть его снова. В захламленном подвале не было инструментов и не было места, где с ними развернуться. Дон втащила футляр по лестнице, толкнула дверь, вылезла во двор и увидела отдельно стоящий гараж всего в нескольких шагах от дома. Дверь гаража была просто притворена, внутри у одной стены стоял верстак. Пупсик явно не был мастером на все руки, но несколько сверл и пара молотков у него на стене висели. Дон в два

счета расправилась с замком и откинула крышку. Детали «томпсона» лежали в точности так, как больше года назад в виргинском амбаре, когда Немой Эл помогал ей закрыть футляр.

При сборке Дон раза два ошиблась, но детали соединялись одним-единственным способом, и скоро она все вспомнила. Затем Дон вставила магазин, увеличив вес автомата вдвое. Она повернула его к полоске закатного света, бьющего в приоткрытую дверь, отвела назад рукоять затвора и убедилась, что патрон правильно вошел в патронник.

Автомат был тяжеленный. Она украла несколько ярдов прочного шпагата и продела его в антабки в передней и задней части «томпсона», так что получился самодельный плечевой ремень. Дон повесила полностью собранный и заряженный пистолет-пулемет на плечо и принялась осматривать гараж в поисках чего-нибудь, что будет хорошо гореть. Недостатка в таком здесь не было.

Дон читала много криминальной хроники, и знала, что напишут в газетах. После перестрелки в банке грабители под прикрытием шквального огня из «томми» и автоматических винтовок Браунинга, а также списанных гранат времен

Великой войны, запрыгнули в пару угнанных автомобилей и рванули из города. Один автомобиль скоро бросили в местном парке, приехавшие в нем скрылись на лошадях в лес. Второй автомобиль на большой скорости вырвался из Форт-Сиклса, преследуемый местной полицией, на помощь которой пришли два случайно оказавшихся в городе федеральных агента. Из-за незнания местности грабители по ошибке заехали в тупик: грунтовая дорога, на которую они свернули, вела к обрыву над рекой. В конце дороги стоял великолепный дом, которым владели преподобный Кидд, независимый проповедник, и его жена, медсестра из близлежащей клиники Управления по делам индейцев. По счастью, обоих этих достойных граждан не было дома, когда в их двор влетел угнанный автомобиль. Грабители, видя, что путь к отступлению отрезан полицейскими машинами, под шквалом огня вбежали в дом и засели там, стреляя через разбитые окна из всего имевшегося у них оружия, а в промежутках выкрикивая оскорбления в адрес служителей порядка. В потоке брани и проклятий слышался женский голос, и это навело полицию на мысль, что ограбление совершила шайка Бэрроу. Женщина в черном выглянула в одно окно, затем в

другое и дала очередь из «томми». Перестрелка продолжалась до наступления сумерек. Затем, вероятно из-за шальной пули, в одной из жилых комнат вспыхнул пожар. За несколько минут весь дом охватило пламя. Изнутри доносились вопли не успевшей выбраться бандитки и взрывы охваченных огнем боеприпасов. Рванула граната — кто-то покончил с собой, чтобы не сгореть заживо? Женского голоса после этого больше не слышали.

Лишь на следующее утро служители порядка смогли подойти к дымящимся руинам. Предполагается, что некоторые члены шайки выбрались из огня, прыгнув с обрыва в реку. Если это так и если они не убились в падении, то им удалось уйти от преследования.

С преподобным Киддом и миссис Кидд связаться пока не удалось, и местонахождение их неизвестно.

Подлинные события, какими их видела Дон, не слишком от этого отличались, с той разницей, что она наблюдала их, так сказать, не из зрительного зала, а из-за кулис.

Продержавшись до глубоких сумерек, они налили на пол бензина и кинули спичку. К тому времени большая часть шайки уже спустилась

по веревкам и перебралась на другой берег, где ждали приехавшие верхом, а также автомобили. Реджи вытащил чеку из гранаты и бросил ее на горящую лестницу в хозяйскую спальню. Граната еще не успела взорваться, когда они с Дон сбежали в подвал. Пожар наверху втягивал поток холодного речного воздуха в люк, — они нашли бы его с закрытыми глазами. Сперва Дон, затем Реджи спустились, и Реджи сдернул веревку. Копы сообразили, что кто-то выбирается с задней стороны, но люди с винтовками на другом берегу не дали им обогнуть дом.

Машины катили по грунтовке к гравийной дороге, когда впереди показались фары. Встречный автомобиль, всего один, ехал со стороны индейской резервации. Все высыпали из машин, укрылись за деревьями, взяли оружие на изготовку, взвели затворы и дослали патроны.

Автомобиль подъехал опрометчиво близко и лишь тогда остановился.

Распахнулась пассажирская дверца, кто-то вылез наружу. Дон услышала шуршание чулок еще до того, как миссис Кидд, сияя белой медсестринской формой, вышла в свет фар.

Дон шагнула на дорогу, поводя дулом «томми».

— Это я беру на себя, — сказала она.

19. Магнитогорск. Февраль 1934 г

Она еще никогда не летала на самолете. От этого и от того, что до сих пор жива, она провела первые часы путешествия в восторженной эйфории. Исключительно глупой, учитывая обстоятельства: ее похитил и вез неведомо куда глава тайной полиции Сталина, один из самых изощренных его палачей.

Другие грузины остались в Магнитогорске достраивать свои домны. Протон и Электрон вроде бы тоже собирались в Москву, но им, видимо, не по рангу было лететь на самолете, хотя места хватило бы обоим. Их отец, разумеется, должен был еще долгие годы мотать срок и ни улететь, ни уехать не мог.

В номер к Авроре постучали задолго до зари. Обычно, если Лаврентий Берия отправлял своих людей постучать в чью-то дверь в такой час, ничего хорошего подобное начало дня не сулило. Однако в случае Авроры то было всего лишь вежливое извещение, что через тридцать минут ей нужно быть в вестибюле.

На то, чтобы встать с постели и почувствовать

себя человеком, ей не хватило бы и суток. После того как вчера она дрожала всем телом, билась в путах и судорожно хватала воздух, болели все мышцы до единой. Потом, когда ее наконец отвязали и вызвали на обед, Аврора парадоксальным образом чувствовала себя замечательно, почти как на морфии. Может, так оно и было. Может, ей вкололи дозу, пока она была в полубессознательном состоянии. Однако утром она проснулась абсолютно разбитая и двигалась как столетняя старуха. Хорошо, что ей надо было только одеться и доползти до вестибюля. У крыльца ждала машина, роскошный черный «мерседес». Аврора задремала на заднем сиденье и лишь смутно услышала, как в машину сел Шпак, потом сам Берия и сразу за ним кто-то из его адъютантов, молодой грузин. Двадцать минут их трясло и мотало по корке черного от копоти льда на дорогах, прежде чем машина остановилась на летном поле севернее Магнитогорска. Здесь в озерце света ждал самолет. Красивый, не то что уродливые бандуры Итало Бальбо. Может быть, самолету требовалось быть красивым, чтобы летать. Крылья и все остальное наверняка должны были изгибаться именно таким образом, чтобы это вообще работало. Обтекаемый фюзеляж по-

коился на двух широких крыльях. Двигатель был один, спереди, и пилот сидел в узком стеклянном фонаре почти прямо над ним. Быть может, чтобы приглядывать за уровнем масла и подкручивать карбюратор в полете. Сбоку ближе к хвосту располагалась маленькая дверца.

Повсюду были молодые люди в форме. В хорошей форме, чистой и новой. Один из них распахнул дверцу автомобиля с Авророй стороны и протянул руку, чтобы помочь даме. В нормальных обстоятельствах Аврора фыркнула бы на эту буржуазную учтивость, но сейчас мертвой хваткой вцепилась в предложенную руку и оторвала себя от сиденья, — однако тут же рухнула на любезного молодого человека, едва ее ноги коснулись земли. Он взял Аврору под локоть и мелкими аккуратными шажками подвел по утоптанному снегу к самолету, а там вместе с другим солдатом приподнял и мощным толчком под ягодицы закинул в дверцу, что со стороны должно было выглядеть заправским похищением.

Сидений было шесть, по три с каждой стороны. В первом ряду, через проход от своего адъютанта, уже сидел Берия. Шпак сел за адъютантом во втором ряду. Аврора, боясь, что Шпак с ней

заговорит, выбрала место в третьем ряду, на стороне Берии. Однако, как только пилот включил двигатель, стало ясно, что она зря волновалась: разговаривать в таком грохоте было невозможно. Аврора сидела, пристегнутая к креслу, никто из этих людей на нее не смотрел, никто не требовал от нее встать и куда-то идти. Теперь она могла просто оглядеться. И — удивительное дело, если подумать, — ей все тут нравилось. Самолет был деревянный, но скорее как лодка, чем как дом, поскольку борта плавно изгибались. В иллюминатор виднелись шарнирные лопасти на дальних концах крыльев — они поднимались и опускались, пока пилот возился с рычагами. По виду они были из ткани, туго натянутой на деревянный каркас. Рев мотора сделался еще громче, самолет покатил вперед и развернулся, подпрыгивая на колеях, оставленных в снегу и замерзшей грязи наземными машинами. Затем движение сделалось более плавным, и самолет снова повернул. Что впереди, Аврора не видела, но сбоку был конус ветроуказателя и стояли люди — они все смотрели на самолет. После церемониальной паузы мотор взревел еще громче, и они устремились вперед. Очень скоро Аврора неслась быстрее, чем когда-либо в жизни, даже на угнан-

ной машине из Форт-Сиклса. И вдруг движение сделалось идеально плавным, земля ушла вниз. В глаз ударил луч оранжевого света, и Аврора, глядя в иллюминатор, увидела зарю.

Через некоторое время полет утратил прелесть новизныи Аврора уснула. Разбудил ее внезапный удар шасси о мерзлую землю. Они где-то сели. Просто для дозаправки, как оказалось. Мужчины вышли размять ноги и покурить. Ей посоветовали воспользоваться туалетом, что она и сделала. Город, где они стояли, назывался Казань. От советских туалетов Аврора привыкла ждать худшего, но теперь начала понимать, что некоторые части страны перепрыгнули из Средневековья в современность, минуя промежуточные стадии. Все, связанное с воздушным транспортом, без очереди получило ватерклозеты с центральным отоплением. Она смогла сделать свои дела и вернуться в самолет, не подвергшись ужасам уличных нужников в русские морозы. Через несколько минут они уже снова летели, Аврора смотрела в иллюминатор на сверкающую под солнцем замерзшую Волгу, старинные церкви и крепости. Она думала о том, как меняют мировосприятие простые мелочи. Как быстро привыкаешь к авиаперелетам и теплым сортирам, как больно их

лишиться и на что человек пойдет, чтобы сохранить доступ к таким благам. Притом что Берия и ему подобные имеют в полном распоряжении солдат, полицейских и палачей, право давать и отнимать подобные удобства может в целом давать куда большую власть.

Судя по всему, Казань была ровно на половине пути, так как часа через два самолет приземлился под Москвой. Когда заходили на посадку, центр столицы был виден в нескольких километрах сбоку, сейчас вид из иллюминатора закрывали белые березы и черные сосны, высаженные вдоль летной полосы. Это был не настоящий аэропорт, а поле на одну полосу в сельской местности. На последнем вираже Аврора заметила дома в лесу. Большие, далеко отстоящие один от другого, на расчищенных участках, где летом наверняка росли овощи или даже цветы. Сейчас, разумеется, это были просто ровные озера снега, на которые уже легли тени деревьев, хотя день еще не начал клониться к вечеру. У летного поля ждала машина. Прогретая, с работающим двигателем — еще одно маленькое благо из тех, которыми оделяют приближенных Берии сего мира и за которые эти приближенные будут драться когтями и зубами. Ехали не больше пятнадцати минут, потом маши-

на замедлилась и свернула в массивные кованые ворота между каменными столбами. Подъездная дорога между высокими темными елями вела к большому дому с несколькими усадебными постройками, из которых размерами особенно выделялась конюшня. Машина остановилась у парадного крыльца ровно настолько, чтобы солдаты выгрузили из багажника вещи, в том числе чемоданчик с пожитками Авроры. Затем машина свернула к конюшне — такой огромной, что они просто въехали в центральный проход. Амбарные ворота за ними закрылись. Теплее от этого не стало, но, по крайней мере, внутри не так свистел ветер. Свет попадал снаружи через несколько окон под самым потолком, и все равно Авроре, когда та на деревянных ногах вылезла из машины, пришлось несколько мгновений ждать, пока глаза привыкнут к полутьме.

То, что она увидела из окна автомобиля, с неожиданной силой пробудило в ней воспоминания раннего детства — виды города, который теперь звался Ленинградом, но который цари строили под названием Санкт-Петербург. За годы в Штатах Аврора забыла тот особый имперский стиль, но здесь он был везде, и она как будто вернулась в свои пять лет, когда с папиных плеч

смотрела на Зимний дворец или цеплялась за Вероникину шинель по пути в школу. Она знала, что это такое: дача, то есть загородный дом. Однако буквально слово «дача» означает подарок: в прежние времена царь жаловал такие дома членам правящего класса за какие-нибудь заслуги перед собой. Все здесь — особенно въездные ворота и сама центральная усадьба — очень походило на красивые старинные здания, памятные ей по Санкт-Петербургу. Впрочем, любовь к помпезности, очевидно, полагалось сочетать со вкусом к деревенски-посконному. И оно явно присутствовало в конюшне. Тот, кому благодарный царь презентовал эту дачу, определенно был кавалерийским офицером. Генералом, без сомнения. Стойл хватило бы на поло-пони для двух команд и еще осталось бы место для рабочих и верховых лошадей. Открытое пространство в середине было куда больше, чем нужно, чтобы просто выводить лошадей; оно приближалось размерами к манежу, хотя и делилось двойным рядом бревен, способных удерживать тяжесть крыши и зимнего снега.

Увы, ни одной лошади внутри не было, и, по всему, конюшню начали перестраивать в гараж. Насколько на морозе вообще можно чувствовать

запахи, здесь пахло только металлом и бензином, а не кожей и навозом. Аврора вспомнила конюшни в Форт-Майере, превращенные армией в гараж ландесъегера.

Однако здесь до этого было еще далеко. Может быть, к работе намеревались приступить, когда потеплеет. Сейчас ничего такого не совершалось, только горел огонь в железной бочке возле накрытого одеялом стола. Огонь заслоняли четверо солдат, все в зимних шинелях, с карабинами за плечом и наганами в кобурах на боку. Сейчас они отошли, уступая место новоприбывшим. Трое стали поперек центрального прохода. Четвертая фигура сделала от силы полшага, и все равно по мелким особенностям движений в ней сразу угадывалась женщина.

Она обернулась и встретилась с Авророй глазами.

Это была Вероника.

Первым желанием Авроры, когда она оправилась от изумления, было броситься к Веронике. Даже обнять ее. Однако Вероника — удержав Аврорин взгляд ровно настолько, чтобы у той не осталось сомнений, кого она видит, — быстро покосилась на Берию и вновь на Аврору, словно говоря: «Ни в коем случае».

Затем Вероника развернулась прямо к ним.

— Да, — сказала она. — Времени прошло много, товарищи, но это безусловно та самая девочка.

— Очень хорошо. — Берия подошел к огню и вытащил руки из карманов, чтобы согреть ладони. Пламя отражалось в стеклах его очков, как это было в домике для подледного лова на реке Урал. И все равно Аврора понимала, что он смотрит на нее. — Осталось лишь два испытания, прежде чем я буду в тебе уверен. — Он кивнул в сторону стола: — Посмотри, что здесь.

Аврора подошла к столу и откинула одеяло. Под ним оказались аккуратно разложенные детали пистолета-пулемета Томпсона, включая коробчатый магазин.

— Тут темновато, — продолжал Берия, — но если ты говорила правду, то легко его соберешь. — Он повернулся к Веронике: — Товарищ, быть может, вы найдете что-нибудь, что можно поставить в качестве мишени.

Он кивнул на манеж, который и впрямь мог послужить стрельбищем, если вам не жалко, что в амбарных воротах появятся несколько пулевых дырок. Очевидно, та же мысль пришла сейчас Берии.

— Шпак, — сказал он, — будьте добры, откройте

ворота.

Шпак как будто немного опешил и выразительно глянул на трех солдат. Тут он заметил, как бдительно они наблюдают за Авророй, и, видимо, сообразил, что их дело — не ворота открывать, а обеспечивать безопасность Берии. Шпак и Вероника двинулись в одну сторону. Вероника вытащила на середину козлы и установила их на расстоянии чуть меньше двадцати метров от стола, Шпак отошел на дальний конец и принялся дешифрировать старинный кованный механизм запоров.

Чувствуя на себе пристальные взгляды солдат, Аврора начала повторять череду операций, которую изучала в Библиотеке Конгресса, впервые осуществила в спрингфилдском амбаре на глазах у Немого Эла, а затем еще раз в гараже Киддов неподалеку от Форт-Сиклса. Детали вставали на место одна за другой. Она гадала, как сильно нужно напортачить, чтобы Берия кивнул солдатам и ее расстреляли у дальней стены конюшни. Впрочем, это не имело значения. Автомат собрался быстро, без единой ошибки.

Оставалась последняя деталь. Аврора взяла магазин. Увесистый, набитый свинцом. Вопросительно взглянула на Берию.

— Ну конечно, — сказал он. — Как иначе ты пройдешь третье испытание?

Аврора заметила, что один солдат встал прямо позади нее, и услышала негромкий звук расстегиваемой кобуры. Одно неверное движение — и она получит пулю в затылок. Поэтому очень осторожно, глядя прямо через манеж, она прищелкнула магазин и отвела затвор, досылая патрон. Вероника установила на козлы три полена в качестве мишеней и отошла в сторону. Шпак открыл амбарные двери и возвращался к остальным. Аврора держала «томпсон» дулом вниз, дожидаясь, когда все уберутся с линии огня.

— Убей его, — тихо, но вполне отчетливо сказал Берия.

— Извините, товарищ?

— Убей Шпака.

Ее родичи в Монтане часто обсуждали огнестрелы и сравнительные достоинства разных боеприпасов. Слушать их было скучно, но часть сведений она невольно впитала. Длинноствольное оружие — в основном винтовки, весь смысл которых заключается в том, чтобы стрелять на большие расстояния, и патроны у них мощные. Пуля из винтовки прошивает мягкую мишень насквозь, как игла. «Томми» стал своего рода

новшеством, поскольку стреляет обычными пистолетными патронами. Эти пули, большие и медленные, бьют сильно и частенько остаются в теле. Скорее удар кулаком, чем стилетом.

Шпак был всего лишь вторым человеком, которого Аврора расстреляла, но все прошло так же, как с миссис Кидд. Наверное, когда стреляешь в кого-нибудь из револьвера, между выстрелами проходит довольно времени, чтобы жертва (если ты вообще решишь потратить на нее вторую пулю) успела ощутить первую, и почувствовать, каково это, и с ужасом ждать следующей. Очередь из десятка выстрелов за несколько секунд — иное дело. Все равно что под машину попасть. Аврора умела гасить подброс ствола и сейчас особенно прикладывала к этому все силы, потому что стремилась показать сноровку. В первую очередь Веронике. Но еще она не хотела слишком рано попасть Шпаку в голову. Нет, пусть прежде поймет, что она его убивает. Впрочем, очень скоро натиск летящего свинца отбросил его на спину, так что пули, если не зарывались в землю, по большей части входили ему в пах и, прошив тело насквозь, все равно попадали в голову.

Аврора положила «томпсон» на стол, подняла руки и громко, чтобы слышать свой голос за сме-

хом Берии, спросила:

— Теперь вы мне верите?

20. Москва. Февраль 1934 г

Не будь Скотт Гронски таким стопроцентно добропорядочным американцем, Аврора с подозрением отнеслась бы к его рукописному указанию (доставленному ей на квартиру курьером в девять вечера) встретиться с ним на следующий день в 10:30 в ванной. Однако у нее уже были за плечами две недели на теперешней работе (якобы переводчицы при иностранных пресс-корреспондентах в Москве, а на самом деле — приставленной к ним для слежки сотрудницы ОГПУ). Она знала бары, в которые они ходят, спецмагазины, где они покупают за валюту хлеб, масло и колбасу, кабинеты Отдела печати, куда они сдают свои депеши цензорам, и особые помещения Центрального телеграфа на улице Горького, откуда они шлют телеграммы в Лондон, Нью-Йорк и Чикаго за определенное время до газетных дедлайнов.

Так вот, ванная. Большая часть иностранных корреспондентов жила в квартирах без таких удобств. Русские обычно мылись в общественных банях, где очереди были длинные, а условия

оставляли желать лучшего. Ходили слухи, что в квартирах, которые сдаются задорого, домуправы устроили в тайных подвальных помещениях душевые и пускают туда жильцов в обмен на хлеб и колбасу. Но одной нью-йоркской газете удалось снять квартиру с работающей ванной. Из профессиональной солидарности туда пускали репортеров других изданий. На получасовую помывку записываться надо было за недели. Кто-то накануне отменил бронь, и Скотту Гронски достался завтрашний сеанс 10:30–11:00. Это была его первая возможность как следует вымыться с приезда в Москву два месяца назад, и он не собирался ее упускать.

Так что с утра Аврора оделась и причесалась в соответствии с легендой, по которой она выпускница Московского университета по имени Светлана, этакая серая мышка, несмотря на высокий рост. Волосы она перекрасила и была теперь темной шатенкой, а глаза прятала за очками в толстой оправе. Никакой косметики. Это была заведомо проигрышная игра. Если не стараешься выглядеть хорошо, тебя осудят. Однако в магазинах не было ни косметики, ни духов, ни шелковых чулок, и женщинам, желавшим их заполучить, приходилось идти на сложные ухищ-

рения. Работой «Светланы» было сопровождать в качестве переводчицы валютных иностранцев вроде Скотта Гронски. Если бы она эффектно одевалась и красилась, заподозрили бы, что она выменивает дефицит на сомнительные «услуги». Разумнее было выглядеть как можно более немодно, да и ее легенде это лучше соответствовало. Итак, Аврора в своих немодных, похожих на ботинки туфлях пешком спустилась с пятого этажа из квартиры, которую снимала вместе с четырьмя другими «переводчицами» — сексотками ОГПУ, доехала на дребезжащем трамвае до Театральной площади, обогнула гостиницу «Метрополь» и поднялась на пять лестничных пролетов в Отдел печати, где забрала утреннюю порцию официальных заявлений для прессы, а также свежие номера «Известий» и «Правды». На другом трамвае она доехала до квартиры с ванной, которая располагалась на первом этаже красивого жилого дома со двором и вестибюлем. Сама квартира на жилую не походила, да в ней никто и не жил. Ее превратили в корпункт, где сидели стенографистка, делопроизводитель и администраторша, которая примерно половину рабочего времени жонглировала записями на ванну. Имелись также курьеры и посыльные,

вечно сновавшие туда-сюда, и вахтер, который просто сидел в прихожей и курил, дожидаясь, когда потребуется чинить ванну. Все сотрудники, за исключением корреспондентов, были советские, но с куда более пестрым, чем обычно, национальным составом: еврей, латыш, украинский немец, англичанка, которая, быть может, чересчур поспешно порвала британский паспорт и стала полноценной советской гражданкой. Любой из них или все они могли писать отчеты в ОГПУ, поэтому Аврора старательно сохраняла образ Светланы и по-английски говорила с русским акцентом. Насколько знали Скотт Гронски и все остальные, Светлана родилась в Ростове-на-Дону, осиротела в Гражданскую, училась в государственной школе, за успехи в учебе была отправлена в Москву и отказалась от многообещающей научной карьеры ради того, чтобы своей поразительной способностью к языкам помогать иностранным журналистам в распространении благой вести об исполнении пятилетнего плана.

Трамвая она прождала долго. Причина была проста — небольшое дорожное происшествие на линии, однако в типично советской манере с этим обходились как с государственной тайной, о которой нельзя говорить и даже ее замечать.

Соответственно к ее приходу Скотт уже пять минут сидел в ванне. Что, возможно, было и к лучшему. Как многие другие помещения в этой стране, санузел делился на части развешанными на веревках простынями, чтобы тот, кто не принимает сейчас ванну, мог войти и без смущения воспользоваться туалетом.

«Светлана» села на краешек унитаза. Сиденье снимали «для сохранности», и вахтер выдавал его на время за папиросы. Она с фальшивым русским акцентом приветствовала Скотта, а он пожелал ей доброго утра с характерным выговором чикагского футбольного болельщика. Слушая его, Аврора всякий раз жалела, что уехала из Чикаго — пока не вспоминала, что ее вынудило. От Скотта пахло хорошим западным мылом, что не удивительно. От «Светланы» и ее соседок по квартире всегда слегка приванивало керосином, если они не забивали его духами. Спали они на кроватях, но дом кишел насекомыми, и было лишь одно средство, чтобы клопы, тараканы и вши не забирались ночью по кроватным ножкам: ставить эти ножки в миски и наливать туда керосин. Запах керосина, медленно испарявшегося из мисок, пропитывал одежду, волосы, даже кожу. Аврора гадала, избавили бы от него полчаса в

этой ванне или он проник так глубоко, что снова выступил бы на поверхность, как сырая нефть выступает из земли в Азербайджане?

Один раз ей пришлось освободить помещение, чтобы корреспондент из Манчестера смог воспользоваться туалетом (он был следующим в очереди на ванну, записан на одиннадцатичасовой сеанс), но все остальное время Аврора читала Скотту новости, переводя на английский с листа. Она знала, что допускает много неточностей и прямых ошибок, но все равно двигалась дальше, слово крестьянин-кулак за плугом, огибающий камни и древесные корни на неудобье. Ей доводилось слушать, как переводят другие девушки. Им сходили с рук чудовищные ляпы. С какого-то момента она начала сокращать или пропускать фразы. Потом абзацы.

Даже сквозь висящую между ним простыню Аврора чувствовала, что у Скотта скука медленно переходит в раздражение. Каждый день во всех статьях была одна и та же липа. Все это знали: холуи, которые писали статьи, партийные начальники, говорившие холуям, что писать, переводчицы вроде «Светланы» и зарубежные гости вроде Скотта. Искушенный человек мог до поры до времени забавляться тем, что якобы

выуживает намеки на происходящее в Кремле, но эта салонная игра в умника уже начала ему приедаться. Аврора слышала гидравлические звуковые эффекты, когда Скотт в ванне испускал вздох. Или не слышала ничего, когда он без движения лежал в чуть теплой воде, позволяя воле к жизни утекать в слив.

Кстати о сливе. В дверь постучали, извещая Скотта, что его время подходит к концу и пора уступить ванну манчестерцу. На миг у Авроры сердце екнуло от мерзко-волнующей догадки: неужели они все по очереди лежат в одной и той же воде? Но нет. Лязг цепочки и гул утекающей в отверстие воды сообщили ей, что Скотт вытащил затычку. Аврора встала, собрала газеты и вышла, чтобы Скотт мог одеться.

— Давайте пройдемся, — предложил он.

Скотт был рослый, плечистый, бывший игрок линии нападения в команде по американскому футболу (о чем свидетельствовал сломанный нос), однако после колледжа пошел в Принстон и получил какую-то ученую степень. Он влез в свое исполинское верблюжье пальто и помог «Светлане» надеть ее пальтишко — заношенное, но вполне теплое, выданное ей в ОГПУ; от ткани все еще немного пахло импортным одеколоном

и табаком.

— Куда? — спросила она.

Скотт мотнул головой и завел глаза вверх, давая понять, что это не важно. Итак, им предстояла обычная для Москвы «прогулка», цель которой — побеседовать без лишних ушей.

Но. Скотт не дурак. Он отлично знает, что «Светлана» доносит обо всем в ОГПУ. Для чего такая секретность?

Он не хочет, чтобы узнали другие журналисты.

Скотт натянул каракулевую шапку, чтобы волосы не заледенели на морозе. Они с Авророй вышли на прежде фешенебельный бульвар.

— «Трибьюн» отзывает меня домой, — объявил Скотт. — И я подумал: помирать, так с музыкой. Чего бы не устроить прощальный фейерверк? У меня три недели плюс-минус пара дней.

Будь она правда «Светлана», сирота из Ростова, ей было бы трудно разобрать его американские идиомы. Однако Аврора понимала их почти чересчур легко.

— Почему вас отзывают? — Известие о его отъезде и впрямь ее огорчило. Некоторым девушкам приходилось работать с куда менее приятными людьми.

— Я не то пишу.

— В каком смысле не то?

— Я пишу аналитические статьи. Обо всем и ни о чем. Внутренняя кухня. Не то, что будет разлетаться, как горячие пирожки.

— А что будет разлетаться?

— Ну, знаете. Ближе к телу. Человек с улицы. Яркие личности. Приключения на собственной шкуре.

— Фейерверк?

— Ага. Почти все там, — Скотт обернулся на корпункт, — ходят на цырлах, потому что журналистское удостоверение их кормит и поит. Они не хотят, чтобы комиссары дали им пинка под зад.

Он оценивающе покосился на Аврору. У нее было неприятное чувство, что Скотт ее раскусил. Или, по крайней мере, у него закрались подозрения. Понимает ли она его американизмы? Если да, то ее легенда трещит по швам.

Скотт — шпион?

Или она слишком много времени провела рядом с такими, как Шпак и Берия? Заразилась паранойей? Выдумывает опасности на ровном месте?

— Так или иначе, — продолжал Скотт, — я о том, что дни мои сочтены. Поэтому я еду на Украину.

— На Украину? Зачем?

Аврора прекрасно знала ответ. Все знали.

— Понять, что там на самом деле происходит. Цензоры в жизни не позволят мне отослать репортаж, но я могу увезти его здесь. — Скотт постучал по огромной меховой шапке.

Они прошли несколько шагов в клубах своего морозного дыхания.

— Вы знаете те края, — продолжал Скотт. — Вы из Ростова.

— Это не Украина, — заметила Аврора.

— Но близко.

— Близко, — согласилась она, судорожно вспоминая карту, которую показали ей в ОГПУ. Кто мог ждать, что ее географические познания будут проверять так скоро!

— Мне нужен переводчик.

— У меня могут быть неприятности.

— С ОГПУ?

Аврора промолчала, и Скотт верно истолковал это как подтверждение.

— Я в любом случае поеду, — сказал он. — Могу сесть на поезд, когда захочу. Если меня не арестуют. А за что? За то, что подумывал сесть в поезд? На такое они не пойдут. Итак, я сажусь в поезд. Если со мной вы, то все о'кей.

— Почему?

— Наивный, сверхдоверчивый иностранец думает, будто обвел нас вокруг пальца, — с карикатурным русским акцентом произнес Скотт. — Но мы-то с самого начала его раскусили. За каждым его шагом следила наша девушка Светлана, которая обо всем доложила нам.

Аврора поймала себя на том, что кивает.

— Я раскошелюсь на мягкий вагон, — предложил Скотт.

Она мотнула головой:

— Вам нужен жесткий.

Скотт кивнул:

— Чтобы я видел, как живут простые люди?

Правильный ответ был: «Потому что в мягких сиденьях вши». Но Аврора сказала:

— Да.

Менее чем через сутки они ехали в жестком вагоне. Аврора изложила дело своей номинальной начальнице в ОГПУ, Екатерине, которая подчинялась Жиркину, который подчинялся Берии. Екатерина осталась недовольна, однако поделать ничего не могла. Как указал Скотт, остановить его могли одним способом — превентивно арестовать. Это расценили бы как серьезную провокацию и признание, что советская власть и впрямь что-то скрывает. А поскольку его все

равно отзывали обратно в Америку, то и угроза высылки теряла смысл.

Что до «Светланы», ее поведение было безукоризненно. Она сразу же явилась с докладом к Екатерине. В худшем случае ей могли запретить садиться в поезд со Скоттом. Однако лучше было иметь рядом с ним доверенную сотрудницу, чем отпустить одного.

И вдобавок имелось еще что-то важное, для Авроры малопонятное: смутное ощущение ее особого статуса в глазах Лаврентия Берии. Она была его ценная добыча, его протеже. Или, по крайней мере, одна из них. Может, у него таких сотня. Роль «Светланы» — лишь объездка. Приучение к седлу. У него на нее более серьезные планы. Екатерина откуда-то это знала.

За время их недолгого профессионального знакомства «Светлана» лично зачитывала Скотту многочасовые заявления Наркомата путей сообщения о новых железных дорогах, проложенных в степи и в тундре. Если он хоть сколько-нибудь ее слушал, то, вероятно, ожидал увидеть новые рельсы, тянущиеся на огромные расстояния между редкими станциями.

Путешествие на юго-запад от Москвы было совсем не таким. Железнодорожные линии, по

большей части проложенные десятки лет назад, опутывали местность тонкой стальной паутиной. На полутора тысячах километров от Москвы до Одессы мало нашлось бы деревень, отстоящих от железной дороги более чем на тридцать километров. Чтобы попасть из Москвы в… куда именно? в какое-то место Украины, которое Скотт готов будет признать типичным?.. требовалось то и дело принимать решения. Из потрепанных пожелтелых карт и нечитаемых железнодорожных расписаний, разложенных у них на коленях, было ясно, что на каждой станции предстоит делать выбор. От Брянска расходились семь железнодорожных линий, от Грязей — шесть. Восемь сходились в Харькове.

— Черт! — воскликнул Скотт, когда они отъехали от Брянска примерно на час. — Есть миллион способов попасть туда, куда мне надо… если бы я еще знал, куда мне надо.

От корреспондентов, проживших в СССР дольше его, он слышал про строительство большой гидроэлектростанции на Украине — туда прошлым летом с большой помпой возили журналистов. За неимением лучшего варианта представлялось разумным поехать туда, посмотреть все своими глазами, а потом написать, как надули его коллег.

Однако это была лишь смазанная карандашная точка на старой карте, где не были показаны новые железнодорожные ветки, проложенные, чтобы возить на стройку сталь и цемент.

Оказалось, что почти все маршруты, придуманные, исходя из карты и расписаний, на деле неосуществимы, так что Скотт и Аврора просто садились в ближайший по времени поезд примерно в нужную сторону. Чем дальше они ехали, тем заметнее пустели вагоны. Никто, судя по всему, не стремился на Украину. Зато явно увеличивался ранг железнодорожников, проходивших через вагоны якобы по делу. Советский Союз в целом направлял немалую часть своих производительных сил на формы, нашивки и ордена. Иностранные корреспонденты смеялись над этим, выпивая в баре «Метрополя», затем расходились по своим номерам-клоповникам и писали аналитические статьи о том, что это значит. Если у масс нет денег, еды и жилья, вы можете дать им хотя бы ощущение причастности к чему-то великому, одев в форму и наградив званиями. Даже у последних железнодорожных рабочих на рукавах и воротниках имелись нашивки с серпом и молотом, но дальше к ним добавлялись уголки, а когда уголки больше не

помещались, в ход шли красные точки. Когда точкам становилось тесно, их сменяли красные звезды. На воротнике имелось место примерно на четыре звезды, так что напрашивался вопрос: сколько четырехзвездочников в наивысшем эшелоне соответствующего наркомата. В своем путешествии Аврора и Скотт звезд не видели вовсе, но уголки, а затем и точки по мере движения на юг попадались все чаще и чаще.

Судя по карте, они были уже совсем близко к Украине, если не въехали в нее. Кроме них в вагоне сидел только немолодой мужчина в костюме, который уже семь с половиной часов якобы читал один и тот же номер «Правды». На станциях железнодорожники с большим числом точек возникали в обоих концах вагона и — как несложно было догадаться — запрещали новым пассажирам входить.

На одной из таких остановок к поезду подошла женщина со свертком в руках. Это был полустанок — одна платформа между путями на север и путями на юг, укрытая от дождя и снега коротким навесом на столбах. В это сооружение был вмонтирован переход — мостик с лестницей, — по которому на платформу попадали с дороги, идущей восточнее путей. С западной (правой, если

смотреть по ходу поезда) стороны сразу за путями начинались поля. Они, разумеется, были покрыты снегом. Как ни вглядывался в них Скотт, он ничего не сумел узнать об истинном состоянии украинского сельского хозяйства.

С этой-то стороны и подошла женщина. Станцию пытались огородить, но нельзя обнести забором всю железнодорожную линию. Женщина брела по насыпи — щебню с утопленными в нем шпалами. Отсюда она видела только колеса и подвагонное оборудование. Когда она поднимала землисто-желтое лицо к обложенному тучами небу, то смотрела на окна пассажирских вагонов у себя над головой. Впрочем, Аврора подозревала, что ничего за окнами женщина не видит — стекла слишком сильно отражали свет. Очевидно, она хотела привлечь внимание пассажиров, показать им, что она несет. Женщина шла с той стороны вагона, где сидели Аврора и Скотт, заглядывая во все окна по очереди — в окна, за которыми никого не было.

Филер с «Правдой» в другом конце вагона сидел со стороны платформы и ничего пока не заметил. Скотт и Аврора молча переглянулись. Женщина спотыкалась на мерзлом щебне и выступающих концах шпал, но продолжала идти с истинно

крестьянским упорством.

— Чем-то торгует? — предположил Скотт. — Луком? Репой? Что здесь растет?

Догадка была обоснованная. Он долго жил в Москве и знал про нелегальные уличные рынки, где горожане покупали у деревенских овощи.

Аврора пожала плечами:

— Может, медом?

Через стенку вагона донесся тихий стук. Женщина не знала, есть ли кто-нибудь внутри. Останавливаясь под каждым окном, она стучала кулаком в рукавице, пытаясь привлечь чье-нибудь внимание.

Скотт покосился на филера. Судя по свисткам железнодорожников с уголками и точками, поезд должен был вот-вот тронуться. Филер еще не догадался о существовании женщины, торгующей репой или чем там еще, но вскоре стук ее выдаст. Для Скотта это был первый и, быть может, последний шанс оказаться лицом к лицу с настоящей украинкой — получить личный опыт, который удовлетворит его издателя в Чикаго.

Скотт встал, протиснулся мимо Авроры в проход и небрежной походкой — чтобы не привлечь внимание филера излишней торопливостью — прошел на два ряда вперед к окну, под которым

стучала женщина. Упершись коленом в жесткое сиденье у окна, он принялся возиться с защелкой. Филер поднял глаза от «Правды» и вылупился на Скотта, затем строго посмотрел на «Светлану».

Она поднялась и быстро прошла по проходу к тому месту, где Скотт сейчас открывал окно.

Вдвигаясь боком в промежуток между скамейками, Аврора успела увидеть, что женщина протягивает к ним сверток.

Скотт отпрянул от окна и, как лайнмен, отталкивающий защитника в развороте, едва не расплющил Аврору. Она еле успела увернуться, но споткнулась о его ногу и рухнула на окно. Чтобы не разбить стекло, она ухватилась за раму и повисла на широко раскинутых руках, лицом так близко к окну, что оно мгновенно запотело от ее дыхания. И тут Аврора увидела то, что видел Скотт, и порадовалась, что стекло запотело. Поезд лязгнул и тронулся.

Железнодорожники с большим числом красным точек в сопровождении начальника с одной красной звездой двинулись по вагону, опуская на окнах шторы и прикручивая их проволокой. Когда Аврора вышла в туалет, она увидела, что в соседних вагонах сделали то же самое.

Пассажирам не разрешалось смотреть в окна

поездов, едущих через Украину.

С полчаса Аврора и Скотт сидели молча, избегая смотреть друг на друга. В туалет она ходила, чтобы сблевать, и теперь гадала, не пахнет ли от нее рвотой.

— Думаете, он был мертвый? — спросил наконец Скотт.

Аврора перевела на него затуманенный взгляд.

— Она не развернула… не распеленала это, пока не увидела меня в окне. — Скотт тряхнул головой. — Его. Ребенка. Это был мальчик.

По тому, как Скотт перебирал слова, Аврора поняла, что он уже начал составлять рассказ, который увезет на Запад в голове, и позавидовала этой способности отстраниться. Сдать статью в печать и жить дальше.

По какой-то причине Скотту было важно, чтобы Аврора приняла участие в разговоре. Она кивнула:

— Я удивилась, что оно голышом.

— Он.

— Что младенец голый. Меня это ужаснуло. Распеленала бы она живого ребенка на холоде?

— Ну, может быть. Чтобы показать, как он истощен. Но он не шевелился.

Как он опишет это трем миллионам читателей

в Чикаго? Можно написать, что ребенок был мертвый или что он был живой. Изменить любые подробности по своему желанию. Никто его не опровергнет. Вряд ли сотрудники «Трибьюн», проверяющие достоверность информации, поедут в Москву спрашивать «Светлану», прежде чем поставить материал в номер.

— Если младенец мертвый, то она просто безумна, — сказал Скотт.

— Может, не безумна. Может, она пыталась докричаться до людей.

— Если младенец жив, то она просто попрошайка. — По тону Скотта было ясно, что для газеты попрошайка значительно хуже матери, рвущейся рассказать миру о происходящем.

Для Авроры был в этом еще один слой, про который она не могла рассказать Скотту. И вообще никому.

Скотт замолчал, скрестил руки на могучей груди и рассеянно уставился в одну точку. Он мысленно сочинял статью. Впрочем, время от времени Аврора ловила на себе его любопытный взгляд. Она пыталась задним числом вспомнить их последний разговор и почти не сомневалась, что от потрясения забыла изобразить русский акцент, выпалила несколько слов на чистом

американском. Заметил ли Скотт?

Поезд остановился на следующей станции. Проводники свистели в свистки и что-то кричали по всей платформе, невидимой за шторками на окнах. Никто не вошел и не вышел. И тут в стену вагона негромко постучали. Аврора чуть не подпрыгнула. Через мгновение такой же стук донесся от следующего окна.

Теперь стучали не в одном месте, а в двух или трех.

Ребенок с его крохотным сморщенным тельцем и огромной раздутой головой был похож на выкидыш в формалине.

В мысли Авроры ворвался тревожный паровозный гудок. Поезд остановился — резче, чем когда плавно въезжал на станцию. Проводники возбужденно переговаривались; даже Скотт мог догадаться по тону голосов, что они такого не ждали. Один открыл дверь в конце вагона и спрыгнул на землю. Снаружи за окнами скрипел под ногами сухой снег.

Если верить карте, они стояли в чистом поле, не доезжая до холмов, которые, как полагал Скотт, обрамляют водохранилище за гидроэлектростанцией. В таких местах часто останавливаются, чтобы прицепить для подъема второй паровоз,

однако ничего похожего не происходило.

Прошло минут тридцать. Проводники не спешили возвращаться в вагон. Собственно, все больше и больше пассажиров выходило. Аврора подалась вперед и прислушалась.

— Вообще-то людей просят выйти, — сказала она.

— Что ж, мне того и надо. Идем?

Скотт встал, снял с крючка пальто, затем помог одеться «Светлане». Оба уголком глаза следили за филером, но тот не пытался их остановить. Поезд из-за чего-то встал. Такое случается. Будет иностранный гость пережидать это время в вагоне или рядом с путями, никак не отразится на его будущей статье.

Аврора, если честно, боялась, что поезд осаждают люди с мертвыми или умирающими младенцами. Однако карта не солгала. Они и впрямь стояли в чистом поле. Вокруг не было ни души, только между заснеженными полями уходили в обе стороны две параллельные ниточки путей. Впрочем, в полумиле впереди начиналась возвышенность. Не такая крутая, чтобы поезд не мог на нее въехать, но пути все же изгибались вправо, в сторону более пологого подъема. И там, у поворота, что-то было не так. Другие пассажиры

по одному, по двое выходили из поезда. Проводники, размахивая руками, отправляли их дальше по путям.

Аврора подумала, не надо ли им вернуться и забрать багаж, но остальные пассажиры вроде шли налегке. Скотт сосредоточенно глядел под ноги. По обеим сторонам путей лежал глубокий снег, так что они, как все высаженные пассажиры, шагали цепочкой по насыпи рядом с рельсами, для равновесия придерживаясь рукой за стенки вагонов.

— Шпалы новые, — заметил Скотт. — Им, наверное, года два. А вот балласт…

— Что с ним?

— По большей части песчаный.

Скотт носком ботинка ковырнул насыпь. Щебенка полетела на снег, обнажив песок.

Аврора, хоть и ездила всю жизнь в поездах, не поняла, отчего это важно. Скотт, очевидно, понимал. После того как рельсы прибьют костылями к шпалам, между ними насыпают балласт, чтобы они не двигались. Казалось бы, тут подойдет любой тяжелый сыпучий материал, но Скотт думал иначе.

Аврора могла бы попросить объяснений, но вскоре все стало ясно и без слов. В нескольких

шагах от того места, где со скрежетом затормозил их поезд, на соседних путях застыл встречный состав. Его паровоз наклонился под сорок пять градусов и зарылся носом в землю, как будто его затянуло в зыбучие пески. Вес и инерция поезда просто вдавили рельсы и шпалы в насыпь. Дальше лежали на боку несколько сошедших с рельсов теплушек. Из-за того, что дальше начинался подъем, виден был весь состав. Скотт остановился пересчитать вагоны.

Рядом с местом крушения уже стоял маленький ремонтный поезд с краном, инструментами, запасными рельсами и шпалами. Путейцы, видимо, только что подъехали — они еще осматривались и спорили. Однако их стратегию уже можно было угадать. Теплушки упали на другую сторону, не на соседний путь. Поезду Авроры и Скотта они проехать не мешали. Помехой для них был только накренившийся паровоз и то, что он сделал с обоими путями, когда зарылся в зыбун негодного балласта. Длина поврежденного участка составляла от силы метров сорок. Южный путь не пострадал. Рельсы повреждены не были. Они просто пролегли слишком близко от паровоза, который долго никуда не поедет.

Поэтому сдвинули путь. Ремонтники при под-

держке добровольцев из поезда Авроры и Скотта упирались ломами в землю рядом с рельсами и сдвигали всю линию в сторону от застрявшего паровоза. Работа, казавшаяся почти фараоновской по замыслу, заняла на удивление мало времени; самым долгим оказалось высвободить шпалы из песчаного балласта. Двигать их далеко не требовалось. Нужно было лишь, чтобы много добровольцев навалились разом. А в добровольцах недостатка не было, поскольку седой однозвездочный железнодорожник в суровых матерных выражениях объяснил, что они никуда не поедут, пока не сдвинут рельсы. Скотт налегал на лом азартнее всех, его красное лицо светилось неподдельной радостью. И только Аврора знала причину: его редактор в Чикаго одобрит такой материал.

По неумолимым законам геометрии, когда путь сдвинули, в нем образовался зазор — свободные концы рельсов не сходились. По счастью, у ремонтников имелись запасные рельсы, только что с прокатных станов Магнитогорска. Нужно было только отпилить от них куски нужной длины. К несчастью, ножовка была только одна. Так что за быстрой и славной победой в деле сдвигания пути последовало долгое и скучное ожидание.

Работа могла занять много часов. И больше, когда ножовка затупится.

Скотт принялся расхаживать туда-сюда, хотя бы для того, чтобы не замерзнуть. Аврора составила ему компанию. Всякая видимость порядка исчезла. Никто за ними не приглядывал. Лаврентий Берия не мог быть везде одновременно. Скотт приметил на другом конце поля крестьянский домик. Дотуда было, наверное, метров пятьсот. Скотту пришла мысль, которая в Иллинойсе была бы вполне разумной: в доме найдется основной набор инструментов, в том числе ножовка, и если ее удастся выпросить на время за спасибо или за деньги, рельсы можно будет отпилить в два раза быстрее.

Он побрел через поле, Аврора за ним. Они дошли до крестьянского дома. Дым из трубы не шел, во дворе не наблюдалось ни кур, ни скотины. Они толкнули приоткрытую дверь и нашли мертвую семью. Следы борьбы или грабежа отсутствовали.

Они вернулись к сошедшему с рельс поезду. Про ножовку Скотт позабыл.

До сих пор им попадалось очень мало милиции или военных, а тут рядом с опрокинутыми вагонами расхаживали взад-вперед человек

пять-шесть красноармейцев с винтовками за спиной. Очевидно, груз в теплушках был ценный, и солдат поставили охранять его от мародеров.

Однако никто не стал возражать, когда Скотт Гронски с уверенным видом, который вызвал у Авроры разом досаду и восхищение, прошел мимо красноармейцев прямиком к вагону. Аврора держалась позади, но, когда никто из солдат не навел на Скотта винтовку, поспешила его догнать.

Теплушки были по сути дощатыми ящиками с железным каркасом. При крушении многие доски треснули, а каркасы погнулись, и все же главную функцию ящиков — служить тарой — вагоны сохранили.

Они служили тарой для людей. Часть из которых еще шевелилась.

— Поручая тебе эту работу, мы хотели одного: чтобы ты научилась управляться с иностранными корреспондентами, — сказал Берия. — На это хватило бы нескольких дней. Дело нехитрое. — Он помолчал, глядя на нее через круглые очки в толстой оправе. — Мы не могли предположить, что ты поедешь на Украину и увидишь то, что увидела.

Он снова умолк и перебрал несколько бума-

жек на столе. Николай Жиркин — начальник Аврориной начальницы в ОГПУ и, судя по всему, куратор программы, о которой говорил Берия, — сидел настолько неподвижно, насколько это возможно для живого дышащего существа. В первые десять минут разговора он сделал несколько осторожных заходов в сторону того, чтобы отчитать Аврору, осудить, похвалить или провести разъяснительную беседу. Говоря, он пристально смотрел на Берию, но тот пока никак не намекнул, в какую сторону дует ветер. Аврора догадывалась, что сейчас Жиркин прокручивает эти десять минут в голове, выискивая свои возможные ошибки.

Все зависело от того, что Берия скажет дальше. Берия это знал и смаковал момент. Вот кто впрямь получал от своей работы удовольствие. Аврора теоретически должна была испытывать панику, близкую к истерике, но увиденное и пережитое за последний год притупило ее чувства. Пока она живет в этой стране, во власти этих людей, она висит над прорубью и нож касается веревки. Одно слово Берии — и она умрет. И Берия хочет, чтобы она это помнила. Все остальное не имело значения.

— Так или иначе, — продолжал он, — на самом

деле хорошо получилось, что ты съездила на Украину. Удачно.

— Можно ли спросить… написал ли Гронски статью? — Аврора рассталась со Скоттом в Киеве, и он уехал в Америку через Одессу.

— Да. Он отправил ее из Загреба. — Берия глянул на документы.

— «Чикаго трибьюн» ее напечатала? — спросил Жиркин. Видимо, ему о таких делах не докладывали.

— Нет, — ответил Берия. — И не напечатают. У нас есть в газете друг, который не пропустит лживую антисоветскую пропаганду.

— Удачно. — Жиркин недоброжелательно покосился на Аврору. — Я прослежу, чтобы в будущем…

— Я здесь не для того, чтобы обсуждать Гронского или что-нибудь с ним связанное, — сказал Берия, и Аврора поняла, что теперь Жиркин не скоро откроет рот. Берия переключил внимание на Аврору: — После увиденного на Украине молодая женщина с твоим умом поймет, как важна задача, которую я поручил товарищу Жиркину. А именно, формировать то, что будут писать про нашу страну за границей, стратегически наиболее выгодным для нас образом. Это так же важно,

как танки и самолеты.

Аврора кивнула:

— Особенно сейчас. Из-за… Украины.

— Я, разумеется, не верю в чудеса, — сказал Берия, — и все же чудо, что никто не знает. Есть ли у тебя вопросы по поводу увиденного? Это было бы естественно.

Если сказать, что вопросов у нее нет, Берия увидит, что она лжет.

— Ну, очевидно, был недостаток еды. И… — начала Аврора.

Берия кивнул с выражением светлой безмятежной грусти:

— Некоторое увеличение смертности из-за болезней, связанных с плохим питанием.

Голодная смерть. Но его формулировку Аврора запомнила.

— В таком случае, товарищ, у меня только один вопрос про людей в теплушках.

— Кулаки, — ответил Берия. Затем, возможно различив в ее лице некоторый скепсис, чуть приподнял руки от стола. — Иначе отчего бы они оказались в теплушках?

Аврора кивнула:

— Они ехали…

— …в другие части Советского Союза, где смогут

принести некоторую пользу. Прискорбно, что поезд сошел с рельсов, однако при железнодорожных перевозках такие неприятности случаются. Просто спроси себя, что бы их ждало, не будь они в этом поезде?

— Думаю, они подвергались бы очень серьезному риску умереть от болезней, связанных с плохим питанием.

Берия вновь просиял с тем выражением дядюшки, гордым за успехи племянницы, с которым наблюдал, как она расстреливала Шпака. Он глянул на Жиркина, словно говоря: «Вот видите?»

Авроре стало любопытно, знает ли Жиркин про Шпака. Боится ли ее. Потому что так это работало. Берия сидел в центре паутины из людей, каждый из которых, и не без причины, боялся, что другие его убьют.

— Теперь, когда ты вполне это понимаешь, мы должны без промедления поручить тебе более трудную и ответственную работу, — сказал Берия.

Он кивнул Жиркину. Жиркин кивнул в ответ, наклонился к стоящему рядом с его стулом портфелю и достал толстый, перевязанный бечевкой конверт, который и протянул Авроре. Она, стараясь не обращать внимания на штамп,

угрожающий смертью любому, кто вскроет конверт, развязала бечевку и вытащила папку. Там лежала полудюймовая стопка разрозненных документов — фотографий, газетных вырезок, машинописных отчетов. Имя и фамилия, написанные кириллицей, выглядели странновато, но когда Аврора открыла папку и просмотрела несколько страничек — они были по большей части на английском, — то поняла, что материал относится к некоему Оуэну Крисп-Апджону, британскому журналисту. Или, возможно, правильнее сказать писателю.

— Он приезжает в Советский Союз?

— Он здесь уже десять дней, — ответил Жиркин.

Десять дней. За это время он мог пересечься со Скоттом Гронски. Аврора нашла снимок Оуэна Крисп-Апджона рядом с поло-пони. Она видела этого человека, возможно, в день его приезда. В баре «Метрополя». Он глушил джин с тоником и сыпал шутками в кружке восторженных слушателей. Иностранные журналисты порой завистливы и склонны вредить исподтишка, но его они, видимо, восприняли как новинку, не как конкурента.

— Вы хотите, чтобы я стала его переводчи-

цей? — спросила Аврора.

— Он уже отказался от двух. Третья пока вроде держится, — ответил Жиркин.

Берия добавил:

— Можешь считать, что тебя перевели на уровень выше простой переводчицы.

— Вы хотите, чтобы я с ним переспала?

Вопрос был рискованный. Однако сам товарищ Сталин недавно объявил, что половые сношения — обычный естественный процесс, почти то же самое, что принять душ. Жиркин, человек старой закалки, застыл — видимо, он еще не ознакомился с точкой зрения Сталина. Берия, похоже, оценил грубоватую простоту. Впрочем, он уступил ответ Жиркину, который, оправившись от шока, сказал:

— Исходя из его репутации, мы вначале предполагали, что упомянутая вами стратегия будет простой, быстрой и эффективной. Но жизнь полна неожиданностей, и так это не сработало. Одно теперь очевидно: после серии неудачных попыток, предпринятых вашими… э…

— Сестрами по революционной борьбе, — хохотнул Берия.

— Да, мистер Крисп-Апджон будет очень настороженно относиться к любым слишком

очевидным усилиям такого рода.

— Тем не менее, — вставил Берия, — если случай представится, всенепременно им воспользуйся.

Взгляд Авроры упал на другой снимок Оуэна — глянцевую фотографию двадцать на двадцать пять, снятую длиннофокусным объективом в «Метрополе» и еще пахнущую фотореактивами. По сравнению с остальной метрополевской публикой он молод, подтянут и хорошо сложен. Идея не была безмерно отвратительной.

— Если бы мы хотели только этого, — продолжал Берия, — мы поручили бы работу другой исполнительнице.

— Покрасивее?

Любой другой ответил бы комплиментом. Не Берия.

— Более в его вкусе.

— А какие в его вкусе?

— Вначале нам сказали, что рыженькие, — ответил Жиркин. — Исходя из многочисленных эмпирических свидетельств. Но сейчас — бог его знает.

— Он предпочитает мальчиков?

— Нет!!!

Жиркин произнес это с такой окончатель-

ностью, что Аврора поняла: он проверял. В его «нет» было столько усталости и отчаяния, что ей в красках представилась целая история о дорогостоящей, безумной, неуклюжей попытке подсунуть Оуэну смазливого мальчика, завершившаяся полным провалом.

— Знаем ли мы… есть ли у него здесь какие-нибудь определенные планы? — спросила Аврора.

Однако история с мальчиком засела у нее в голове, и Аврору разобрал смех, который при всех усилиях его подавить прорвался визгливой интонацией в конце вопроса. Случалось ли кому-нибудь хихикать у Берии в кабинете? Маловероятно. По непроницаемому лицу Берии трудно было понять, заметил ли он. Почудилось ли Авроре, или его губы правда на миг тронула сухая усмешка? То, что Берию подобное забавляло, делало его еще страшнее. Что такое он о ней понял?

Аврора собиралась спросить, чем Оуэн им так важен. Однако газетные вырезки сыпались из папки, разлетались по ковру в кабинете Берии, как осенние листья, и этого было довольно, чтобы уловить общую мысль. Оуэн писал для британских газет. Последнее время он писал исключительно для одной британской газеты — той

самой, которую читают каждый день все сколько-нибудь значимые люди в Лондоне. И, глядя на первые абзацы его статей, Аврора поняла, что он не Скотт Гронски. Оуэну Крисп-Апджону редактор никогда не станет выговаривать за аналитические статьи обо всем и ни о чем. Он — журналист, пишущий про собственные приключения. Анти-Гронски.

Ей пришла в голову мысль. Мгновение она невидящим взглядом смотрела на фотографию, которая выпала из дела и лежала у ее ног. Оуэн с поло-пони.

Аврора подняла голову и увидела, что Берия и Жиркин оба на нее уставились. Отчасти, конечно, потому что они мужчины, а она женщина, обычное дело. Но из общения со Шпаком и другими Аврора усвоила: чаще всего это происходит, когда она задумывается, и они не знают, что сейчас от нее услышат.

— Поло, — сказала Аврора. — Но в это время года… придется ждать. — Она снова задумалась. — В Красной армии есть женская команда по конному поло?

Жиркин начал было говорить: «Что за глупость?», но Берия его перебил:

— А ты хочешь, чтоб была?

Этим вопросом — возможно, шуточным — он вытеснил Жиркина из разговора. Наступила неловкая пауза.

— Знает ли он про запуск аэростата?

Аврора знала, потому что пила чай с Протоном и Электроном, которые этим занимались. Запуск был назначен на послезавтра.

— Должен знать, — сказал Жиркин. — Мы ежедневно рассылаем сводку новостей, чтобы информировать зарубежных корреспондентов о подобных мероприятиях. Но вряд ли человек с его интересами и вкусами…

— Он придет, — объявила Аврора, — если пойдут другие корреспонденты и если это будет выглядеть… *sporting*, — последнее слово она сказала по-английски, но они ее поняли.

На встрече у Берии Жиркин слегка опешил от ее уверенности. Что девушка вроде Авроры может знать о таких, как Оуэн Крисп-Апджон? Справедливый вопрос, но Жиркин забыл, что Аврора прежде звалась Дон, а Дон провела раннюю юность на поло-ранчо в Вайоминге. Люди вроде Оуэна приезжали туда постоянно и редко задерживались меньше чем на неделю. Все они непременно фотографировались в ковбойских шляпах. Стреляли из шестизарядных кольтов по

консервным банкам. Глазели на индейские типи и столовые горы.

Оуэн — средний из трех братьев. Живет на содержание, которое выплачивают из доходов с имения покойного отца. Логика богатых молодчиков была для работяг с ранчо темным лесом, но одно те усвоили: их можно уболтать на любую авантюру, если подать ее как «спортивную», то есть увлекательную и рискованную. Женщины, выпивка и спортивный азарт составляли их смысл жизни.

Стратостат должны были запустить из подмосковной военной части, к которой недавно пристроили аэродром. На прошлой неделе оболочку и гондолу доставили в ангар. Несколько дней назад советская пропагандистская машина взяла запуск в оборот. Группа Жиркина была лишь одним из винтиков этого механизма.

«Светлана» недавно поступила на работу и не видела пропагандистскую машину в действии, но слышала от других девушек о спектакле, поставленном несколько месяцев назад в честь завершения пятилетки. Судя по размаху, мобилизовали всех оставшихся в СССР певцов, танцоров, музыкантов и осветителей, сняв их с прокладки каналов и валки леса. Постановка превосходила

масштабами бродвейские мюзиклы настолько же, насколько Магнитогорск превосходит обычные металлургические заводы. После нескольких бесплодных попыток описать размах и великолепие увиденного девушки заканчивали словами, что пока не увидишь, не поверишь. «Светлана» кивала и выражала сожаление, что не присутствовала на торжестве. Однако Аврора помнила «Век прогресса» в Чикаго и знала, что видела нечто похожее. А по рассказам Скотта Гронски, который провел некоторое время в Германии, национал-социалисты устраивали не менее грандиозные зрелища.

Запуск стратостата был, конечно, совершенно другой историей. Превратить его в спектакль значило бы подорвать основную мысль: СССР идет ноздря в ноздрю с Америкой в гонке к порогу космоса. Советские люди преуспеют в том, с чем сели в лужу американцы. Протон Физматов и его товарищи вернутся с края бездны и доставят научные данные, которые позволят расшифровать тайны вселенной. Решат вопросы, над которыми бьются лучшие умы человечества. От песен и плясок запуск лучше не станет. Напротив. Для пресыщенных и циничных иностранных корреспондентов это стало бы поводом усомниться

во всей затее, а то и высмеять ее как пустышку. Так что, хотя на аэродром привезли автобусы розовощеких комсомолок, а из стратегических бункеров извлекли неприкосновенный запас губной помады и бриолина, все происходило во славу науки и техники.

Оуэн приехал на запуск. Аврора видела, как он вылезает из большого автомобиля вместе с тремя другими завсегдатаями «Метрополя». Подъехавший следом автомобиль поменьше выгрузил стайку переводчиц. Февральские морозы загостились дольше всяких приличий, а запуск аэростата — по сути своей мероприятие уличное, так что все были укутаны. Кто-то добыл Оуэну непременную ушанку и валенки. Его и коллег, уже дующих на руки для тепла, встретила пригожая комсомолка-сопровождающая и указала на стадион, где сейчас разворачивали оболочку стратостата, а затем, пока гости не обморозились, отвела их в ангар, где было на несколько градусов теплее.

Аврора следовала за ними на отдалении. Она была по-прежнему в наряде Светланы. Ей хотелось незаметно понаблюдать за Оуэном, а плотная толпа позволяла прятаться на виду. Первые минут пятнадцать он послушно смотрел на что

велят. Аврора могла бы стоять у него за спиной и ни разу не попасться ему на глаза. Когда ему надоело слушать указания сопровождающей, Аврора отступила глубже в толпу. Издалека она видела, как Оуэн забрался в сферическую гондолу, которая поднимет Протона и других стратонавтов в верхние слои атмосферы. Через некоторое время Оуэн выглянул в один из маленьких толстых иллюминаторов, изготовленных из специального особо прочного стекла, способного выдержать внутреннее давление в гондоле.

Аврора думала про Дика. Видела происходящее его глазами. Физике она не училась, но из разговоров с ним, с Бобом Оверстритом, а в последнее время с Электроном усвоила, что некоторые вещи — это воплощенная физика. Мосты, домны, самолеты и аэростаты одинаковы в любой стране. При желании вы можете сделать их более стильными, как мост Золотые Ворота, но форма останется той же. Она заранее знала, каким будет советский аэростат, потому что видела американский на стадионе «Солджер Филд». Они подчиняются одной и той же физике. Два шара: огромный из прорезиненной ткани — для водорода, и крохотный из тонкостенного металла — для воздуха, которым будут дышать люди. Шары соединяются

конусом из тросов. Сжатый газ и балласт, чтобы подниматься и снижаться, элементы управления, чтобы приводить их в действие из гондолы. Некоторые англоязычные репортеры уже обсуждали, что аэростат скопирован с американского, но Аврора не думала, что Дик бы с ними согласился.

Она чувствовала, что уже почти может считаться девушкой Протона. Их дружба давала ей право пожелать ему счастливого пути, может быть даже поцеловать его в щечку перед взлетом. Но обстоятельства это исключали. Все происходило стремительно. Темнело еще рано, а запуск уже отставал от графика. Двери ангара распахнули, впустив фанфары блеклого света и натиск холодного воздуха. Грузовик с прицепом вывез гондолу на поле, где набухала оболочка аэростата. Она двигалась не быстрее пешехода, так что толпа перемещалась вместе с ней. Однако вскоре всех, кроме ученых, инженеров и стратонавтов, оттеснили на трибуны по краю поля. Аврора прошла так близко от Протона, что могла бы его окликнуть, но не была уверена, что он узнает ее в Светланиных очках и зимней одежде. То, что по праву должна была сделать она — пожелать ему счастливого пути, поцеловать его в щеку, — выполнила комсомолка, назначенная изображать

его девушку. Затем он отсалютовал каким-то важным людям, приехавшим из Кремля, и пролез в узкий круглый люк гондолы. Люк завинтили. Последовали различные проверки с целью убедиться, что стратонавты смогут дышать. Все это время шар продолжал раздуваться, приподнимаясь над землей. Его необъятность поразила бы Аврору, не видь она такого раньше.

В какой-то момент физика взяла верх, и аэростат просто взмыл в воздух. То, что казалось огромным, за несколько минут сделалось крошечным. Минут десять оно белело звездочкой на северо-востоке, затем прошло через завесу высоких морозных облаков и пропало из виду. К тому времени Оуэн и горстка других избранных журналистов давно уже расселись по автомобилям и неслись вслед за аэростатом.

О гибели Протона и остальных стратонавтов официально так и не сообщили, но им устроили грандиозные похороны. Аврора уже долго жила в Советском Союзе и понимала логику такого решения. Торжественный запуск стратостата — отличная, радостная пропаганда. Торжественные похороны героев — печальная, но тоже отличная пропаганда. Промежуточная часть — объявить, что стратостат упал и все в нем разбились, — как

пропаганда не работает, так что ее опустили. С какого-то момента вам просто полагалось знать, что их нет в живых. Наивные люди — скажем, недавно приехавшие иностранные гости — думали: «Наверное, я пропустил объявление» — и листали «Правду» за последние недели в поисках заметки, упрятанной, возможно, на последнюю страницу, но все же сообщающей о крушении стратостата и гибели всего экипажа. Однако знающие люди не трудились что-нибудь искать. Они просто знали. И то, как скоро человек узнавал, говорило о том, какие у него связи.

Физматова-старшего на неделю отпустили из Магнитогорска на похороны. Авроре удалось выпить с ним чаю на первом этаже «Метрополя». Электрон устроил встречу и сидел с ними. Все было сложно: родители развелись и отношения между ними были натянутые, а бедный Лек плохо умел разруливать подобные ситуации — в таком он всегда полагался на Протона.

После того, каких хлопот стоило Леку устроить встречу, говорить им оказалось не о чем. Однако Аврора уже повидала сколько-то смертей и похорон и знала, что это всегда так. Ты приходишь на похороны не для того, чтобы раскрыть новые грани дружбы. Ты просто приходишь, что-то

говоришь, что-то ешь и уходишь домой. Это всего лишь способ сделать перекличку, сосчитать тех, кто еще жив.

Доктора наук Олександра Физматова, украинского металлурга и политзека, в обычных обстоятельствах в «Метрополь» не пустили бы, но он по-прежнему был в костюме, выданном ему для похорон: массового шествия по Красной площади в сопровождении летящих над головой боевых самолетов. Так что ему в виде исключения разрешили войти и выпить чаю. Очевидно, сыновья что-то ему про Аврору писали, так как вопросов он не задавал. Она со своей стороны могла бы спросить, что происходит в Магнитогорске, но через минуту забыла бы ответ.

Она вышла в уборную и, возвращаясь оттуда, издалека увидела, что кто-то подошел поговорить с Физматовыми. Человек этот стоял спиной к Авроре. Молодой, статный, хорошо одетый. Подойдя ближе, она поняла, что это Оуэн Крисп-Апджон, поэтому сразу отошла подальше и села в кресло с высокой спинкой, из-за которой могла поглядывать, там ли еще Оуэн. Он пробыл с ними дольше, чем она ожидала, — минут пятнадцать, — затем ушел. Только тогда Аврора вернулась на свое место.

— Что ему было надо? — спросила она.

Теперь ей вспомнилось, что в ангаре перед запуском Оуэн какое-то время говорил и с Протоном, и с Электроном. Он узнал Лека. Может быть, даже сумел заключить, что человек постарше рядом с ним — скорбящий отец.

— Это очень вежливый и обходительный молодой человек, — сказал Физматов.

— На каком языке вы говорили?

— На французском.

Лек пожал плечами. Сам он французского не знал.

— Есть много способов выразить соболезнования на французском. Он знает очень хорошие, — продолжал Физматов.

— Вы разговаривали долго, — заметила Аврора.

— Он был там. На месте крушения. Хотел сообщить нам, что смерть была мгновенной. — Физматов произнес это со странным клиническим бесстрастием, но тут на глазах его выступили слезы — быстрее, чем он успел их сморгнуть. — Разумеется, это верно в случае удара о землю на очень большой скорости. Тогда смерть наступает до того, как вы успеете ее почувствовать. Но перед этим…

— Они падали долго. Минуты. — Лек задвигал глазами, и Аврора завороженно поняла, что он делает в уме расчет. Сколько времени, с точностью до целых единиц, его брат знал, что сейчас погибнет?

— Оуэн — человек умный и знает, что это все слова. Однако он понимает, что мне важно поговорить с тем, кто там был. — Физматов вытер лицо белой льняной салфеткой и отбросил ее в сторону. — Аврора. Прогуляйтесь со мной.

Итак, опять такая прогулка. Лека они оставили в «Метрополе» считать в уме.

Падение стратостата как будто переломило погоду. Зима кончилась. Шины шуршали по асфальту, мокрому впервые за шесть месяцев. Разговор много времени не потребовал. Они сделали всего один круг по площади Революции.

— Я могу догадаться, что вам поручили, — сказал Физматов. — За обеденным столом в Магнитогорске было видно, к чему идет дело. У вас не может быть иллюзий касательно того, что за человек Берия. На что он способен.

— Разумеется.

— Вы стараетесь выжить и делаете то, что для этого необходимо. Понимаю. Мы все так поступаем.

— Спасибо.

Аврора сказала это искренне. Последнее время — хотя она всерьез не анализировала свои мысли — в голове у нее звучал голос. Голос Физматова. Одобряющий или осуждающий.

— То, о чем мы говорили за обедом…

Она не сразу поняла, о чем речь.

— Вы про нейтроны? Про алхимию?

— Да.

— Что насчет них?

— Это важно, Аврора. Это очень важно.

21. Полостан. Март 1934 г

По сути все сводилось к вопросу дренирования. Весной полугодовые осадки внезапно перешли в жидкое состояние, мир превратился в грязь, а на грязи в поло играть невозможно. Однако выяснилось, что к югу от Москвы есть место, где река делает большой плавный изгиб. С незапамятных времен она откладывала там песчаные наносы. Песок не удерживает воду и оттого непригоден для сельского хозяйства. Однако, едва сходит снег, по нему вполне можно ездить верхом. Хуже, чем по дерну, но здесь не планировали устраивать международный турнир по конному поло. Просто тренировали коней и всадников.

А теперь и всадниц. Аврора приехала неделей раньше, таща огромный чемодан, где помещалось все Оуэново литературное творчество, три разных толковых английских словаря, чтобы его расшифровать, несколько красноармейских форм (мужских и женских), швейная машинка, инструмент для работы с кожей, сапоги и рыжая краска для волос. Кавалерия, состоящая, разумеется, исключительно из мужчин, уже разбивала

неподалеку лагерь и перевозила поло-пони в поставленные на скорую руку конюшни. По тому, как приняли Аврору, было понятно, что командирам накрутил хвост кто-то, кого они боятся. То, что красноармейская женская команда по конному поло существовала чисто умозрительно (словечко из писаний Оуэна), ничего не меняло. Для нее поставили несколько палаток и уборную с умывальней. Как многое в СССР, выглядели сооружения так, будто их возвели за сутки люди под дулами ружей. Впрочем, условия были не многим хуже, чем у мужчин. Аврора сказала, куда поставить ее чемодан, растопила печку и, дожидаясь, когда палатка согреется, села и задумалась.

Не первый раз она заново проигрывала в голове разговор у Берии в кабинете. Как цензор ретуширует фотографию Сталина, удаляя с нее опального комиссара, так и она попросту выбросила Жиркина из воспоминаний.

В Красной армии есть женская команда по конному поло?

А ты хочешь, чтоб была?

Это был разом простой вопрос и способ сказать: «Что ты сделаешь, если я дам тебе такую власть?» Поначалу ей было страшновато, но после пары бессонных ночей (у нее теперь была своя кварти-

ра, где не требовались миски с керосином) Аврора поняла, что больше нечего ждать спокойной работы изо дня в день. Ее станут продвигать.

В Сиэтле отец как-то повел ее на рыбный рынок так близко от набережной, что было слышно, как плещут о пирс волны. Там стоял большой аквариум, полный живых тихоокеанских крабов. Они беспрерывно карабкались друг на друга. Иногда какой-нибудь забирался на самый верх, высовывал из воды клешню и цеплялся за край аквариума. Казалось, еще мгновение, и он перелезет через борт, шлепнется на пол и засеменит к двери, за которой уже близко холодные мутные воды залива Эллиотт. Однако любого краба, забравшегося так высоко, тут же хватали другие и тащили вниз. Маленькая Дон всегда симпатизировала вольнолюбивым крабам — вылезашки, называла она их, — а хваташек она инстинктивно ненавидела. Тех, что неподвижно сидели на дне аквариума — сдавашек, — она почти не замечала. Дон гадала, удалось ли хоть одному вылезашке совершить побег. Сколько же усилий приложили строители аквариума к тому, чтобы построить Алькатрас для членистоногих с иллюзией, будто из него можно сбежать! Вот она, свобода. Но при попытке вырваться ты обнаруживаешь, что фи-

зика против тебя. Ты как Протон в задраенном металлическом шаре, чувствующий невесомость и знающий, что будет дальше.

Так или иначе, она была крабом в аквариуме. Берия уже понял, что она не сдавашка. Своим вопросом он хотел выяснить, вылезашка она или обычная хваташка. По некотором размышлении Аврора сказала, что да, она хотела бы такую команду.

Помогло то, что идея не была совсем уже бредовой. У Советского Союза имелась армия — на тот момент самая большая в мире. Как любая армия, она включала кавалеристов. Как все другие кавалеристы, они играли в поло. А такие, как Вероника (сама по себе пусть не великая, но знаменитость), свидетельствовали, что Красная армия как никакая другая принимает в свои ряды женщин. Чтобы команда возникла, требовалось только этого пожелать. Все нужное уже было в наличии у мужчин: пони, конюшни, конюхи, сбруя, клюшки, мячи и ворота. Недоставало лишь трех женщин-наездниц вдобавок к Авроре. Неведомыми путями их извлекли из советских вооруженных сил. Одна — татарка из Башкирии — прибыла дня два назад. Две другие — запорожская казачка и белоруска — на следующий день.

Общим у них, помимо полного ошеломления, было лишь великолепное умение ездить верхом. Ни одна из них, разумеется, не играла в поло. Татарка никогда о нем не слыхала. Впрочем, она приехала заранее, приказов пока никаких не получила, так что смотрела, как играют мужчины, и общую суть усвоила.

Однако они и не собирались утверждать, что у них первоклассная команда, только что она новая — а это было правдой. Кто-то из девушек шил лучше, кто-то хуже, но за несколько вечеров они соорудили более или менее правдоподобную форму. Старый инвентарь мужской команды оказался вполне годным — что-нибудь получше выглядело бы подозрительно. Коней, разумеется, хватало, и мужчины были не против на время уступить женщинам лошадок поменьше. Аврора ездила на крупных. Некоторые конюхи и солдаты сердились, однако запуганные командиры велели им заткнуться. По большому счету конюхов и солдат заботили только лошади. Они не хотели, чтобы тщательно обученных скакунов испортили неумелые наездницы. Как только они увидели, что девушки прекрасно сидят в седле, все уладилось.

Оставалось только обучить девушек азам иг-

ры, чтобы казалось, будто они тренируются уже некоторое время. Непростая задача, учитывая, что у них были в запасе считаные дни. Но если ты умеешь ездить верхом и сидишь на лошади, привычной к взмахам клюшек и летящим мячам, остается лишь освоить удары. В лагере была деревянная лошадь, окруженная земляным валом, — на ней обычно учат новичков основным ударам. Затем начали практиковаться на старой, очень спокойной лошади, у которой ноги были защищены кожаными ноговицами. Девушки смотрели, как тренируются мужчины, и ездили с ними, чтобы понять динамику игры — где надо и где не надо оказываться на поле. Освоили некоторые базовые тактики: даже ни разу не ударив по мячу, ты можешь помочь команде, блокируя беков противника. А вечером накануне приезда Оуэна они все выехали в своей поло-форме и сыграли чаккер против четырех мужчин.

— Полостан! — окрестил это место Оуэн через несколько минут после того, как вылез из машины, на которой его и еще двух британцев привезли из Москвы. Он все время вертел головой, пытаясь оценить расстояние между воротами, которые почти что скрывались за горизонтом.

Переводчик оставил эту остроту без перевода. Однако шутка сохранялась на любом языке. Принимающие, по большей части высокопоставленные кавалерийские командиры, ее не оценили. Нет, они поняли, что он прилепил среднеазиатское «-стан» к поло — это было очевидно, — но сама концепция изощренной словесной игры в их мире отсутствовала. Каламбурить просто для сотрясения воздуха они не привыкли.

Аврора, впрочем, была к такому готова. Но она прочла все, что Оуэн когда-либо опубликовал. Даже выучила новое слово, «персифляж», которое точно описывало девяносто процентов его литературного творчества. Именно потому, что он мастерски владел этим стилем, его читали значительные — то есть образованные — британцы. Итак, остроумие было стратегическим активом Оуэна. Единственный его соперник — ибо соперники имеются всегда — Кристиан Одсли, виконт Роксборо, учившийся в той же элитной школе, считался даже еще более возмутительно молодым да ранним. Однако состязание только пришпоривало Оуэна. Лишь оно одно спасало его от собственной лени. Вот почему он сегодня утром вытащил себя из постели, побрился, оделся и вытерпел трехчасовую автомобильную поездку

к продуваемой холодными ветрами пойме, которая отныне и вовеки именовалась Полостаном.

И, что касается Авроры, наблюдать за этим было приятно. Невзирая на всех Бонни Паркер и Амелий Эрхарт мира, в целом мужчины действовали, а женщины на них смотрели. На некоторых смотреть было приятней, чем на остальных. Следить, как обаятельный молодой человек вроде Оуэна, чтобы обскакать соперника, мотается по миру и ввязывается в безумные авантюры, было исключительно приятно. Для того-то футболистам и девушки из команды поддержки. Не только чтобы ими любоваться, но и чтобы они любовались.

И ведь это всего-навсего слова на бумаге… Он писал в игривой, возмутительно умной манере, так что русским, изучавшим язык по учебнику, почти невозможно было продраться через его фразы. Даже Авроре, у которой английский был родным, потребовалось время, чтобы привыкнуть к его стилю, и читала она, держа под рукой толковые словари. Ей не терпелось увидеть его во плоти — и не в одном смысле слова. Поначалу в задании ее смущало одно: у них с Протоном вроде бы что-то начиналось. Но умершему парню все равно, что ты крутишь с другим.

Компанию Оуэну составили дипломат из Британского посольства и эдинбургский журналист. Оба были старые, грузные и приехали в костюмах. Оуэн был в штанах для верховой езды, то есть собирался сесть в седло. Мероприятие продали ему как случай развлечься, наблюдая, как его любимый спорт выглядит в уникальных условиях советской армии. Статья практически написалась сама собой. Аврора почти видела, как большие люди Британской империи похохатывают за чаем с молоком и яйцами всмятку, читая в изложении Оуэна о песчаной огромности Полостана и варварстве большевистской конной езды. И все же в забавной обертке читатели получат кое-какие новые сведения о состоянии Красной армии в целом и ее кавалерии в частности.

Сопровождающим из ОГПУ поручили не упоминать женскую команду. Оуэн должен был обнаружить ее сам: высмотреть, заинтересоваться, быть может, преодолеть небольшие мнимые преграды, чтобы узнать больше. Пусть это будет его маленькая победа, которой он сможет гордиться. Соответственно Аврора и ее девушки во время шестого чаккера между двумя мужскими командами начали тренировку чуть в стороне, где их было видно, но где они не очень бросались

в глаза. Территория Полостана вполне такое позволяла. Не было ни оград, ни разметки. Оуэну предоставили хорошего пони. Он наблюдал за игрой армейских команд из седла, разъезжая по краю поля, чтобы лучше следить за происходящим или гоняться за улетевшими мячами.

Как только судейский свисток известил о конце шестого чаккера, Оуэн легким галопом поскакал через поле к девушкам. Следом гнался сопровождающий, который, если исполнял порученное, всю дорогу твердил, что в той стороне ничего интересного нет. Но Оуэн, как почуявший кобылу жеребец, гнал прямо вперед. Еще несколько человек потянулись за ним.

Аврора, игравшая за девичью команду в Виргинии, знала, как примерно будут развиваться события. Мужчин позабавит новизна — надо же, девушки имеют наглость играть в их игру. Поначалу они отнесутся к этому терпимо, хотя бы потому, что приятно смотреть на аппетитные попки спортивных девушек в обтягивающих брючках. Большинство на этом и остановится. Однако единицы, увидев, что женщины играют по-настоящему, удивятся и начнут воспринимать их серьезно, как это было с Паттоном. Произойдет разделение. Мужчины, не любящие, чтобы их

удивляли (то есть глупые), отвернутся, бормоча скабрезности. Мужчины, любящие все новое и неожиданное (а она была практически уверена, что Оуэн из их числа), увидят нечто, способное на время разогнать скуку.

Оуэн оторвался от своего переводчика. Аврора поворотила лошадь коленями и легким смещением центра тяжести (она знала, что такие мелочи Оуэн оценит) и поехала к нему. Волосы у нее теперь были рыжие. Другим девушкам сказали только, что их дело — составить команду по конному поло, поэтому они недоумевали, чего ради она покрасилась, однако вопросов не задавали, отнеся это к разряду того непонятного, о чем безопасней не спрашивать. Из досье Оуэна Аврора знала, что роскошная рыжая грива вызовет у него подозрения, так что спрятала волосы под шлем, оставив лишь одну «случайно выбившуюся» прядку. Подъезжая, она застенчиво убрала прядку обратно.

— Катя, — сказала она, прикладывая руку к груди. — Я немного говорить по-английски. Они — нет. — Она махнула клюшкой в сторону других девушек. — Вы англичанец? Американин?

— Номер один, — ответил Оуэн. — Но не бойтесь, я здесь не для того, чтобы в вас вторгнуться.

Если, конечно, вы этого не хотите.

Последние слова он пробормотал вполголоса, оглядываясь — сможет ли кто-нибудь рядом оценить остроумную двусмысленность, но никого поблизости не было.

— Любите играть? Мне кажется, да, — продолжала Аврора, поворачивая лошадь так, чтобы смотреть в ту же сторону, что и Оуэн. Она была на корпус вперед, так что ему пришлось подъехать ближе. — Для нас новый спорт. Пытаемся учиться. Хорошие всадницы. Плохие игроки в поло.

— Что ж, тут есть лишь одно средство: играть больше! Судя по тому, что я видел, вам недостает лишь опыта.

— Так дайте нам опыт, номер один.

В первое мгновение Оуэн не понял, затем резко повернулся и глянул на нее.

Она его зацепила.

Он пригласил девушек на главное поле и, скача галопом от одного игрока к другому, выбрал в свою команду еще троих мужчин. Начали игру. Поначалу вполсилы. Однако Оуэн удачно подобрал товарищей — они хоть и сдерживали себя, но играли всерьез. Он кричал им на английском, из которого они не знали ни слова, но его энтузиазм и веселость были им вполне понятны.

Если «Катя» оказывалась рядом, она пыталась переводить. Какое-то время ушло, прежде чем лошади и люди друг с другом познакомились и разобрались, чего ждать. Дальше они просто играли. С детским веселым азартом и собранностью военных.

Настоящее состязание шло лишь между Оуэном и «Катей». Аврора уже знала, что в следующей его депеше она будет описана как загадочная высокая и рыжеволосая девушка, которая держалась в седле не хуже любой британки и без стеснения болтала с ним на уморительно ломаном английском. Она играла беком, то есть была последним защитником, он — номером первым, что давало им много поводов сталкиваться. Если его номер второй атаковал, то Оуэн во весь опор скакал через поле, чтобы оттеснить «Катю». Если атаковал он сам, она преграждала ему путь. Таким образом и лошади, и сами игроки постоянно друг к другу прижимались. Для последнего чаккера Аврора выбрала крупную лошадь, Оуэн, поняв вызов, наезжал на нее часто и со всей силы. Из-за непомерных размеров Полостана они время от времени оставались практически наедине.

Она не планировала того, что сделала дальше. Даже не думала о таком. Просто поняла, что это

ее шанс вылезти из аквариума. Она развернула лошадь лицом к противнику и сказала на американском английском:

— Оуэн. Это все подстроено.

Оуэн так чудесно проводил время — так увлекся и «Катей», и состязанием, — что опешил, как если бы она вмазала ему клюшкой по физиономии.

— ОГПУ хочет, чтобы я с вами переспала.

Лицо у него приняло задумчивое выражение — он явно счел это скорее хорошим исходом, чем плохим. Однако понимал серьезность положения.

— Мне нужна ваша помощь, чтобы отсюда выбраться, — сказала она. — Да, я буду с вами спать, если хотите. Мне это будет в удовольствие, и я не могу забеременеть. Но вы должны знать, как все обстоит на самом деле.

В нем произошла медленная, но несомненная трансформация, которая началась с губ и распространилась по лицу и по телу так, что даже лошадь ее заметила. Аврору это зачаровало именно тем, что она не сразу поняла, к чему идет дело. Вначале перед ней был хлыщ, желающий поразвлечься. Он без малейших усилий мог бы продолжать в том же духе сколько угодно. Она разрушила этот план. Как поступить? Дева в

беде упала на колени перед его конем. Можно было легко обогнуть препятствие и ускакать, не оглядываясь. Однако на каком-то уровне даже самые эгоистичные и развращенные люди знают, что от них требуется. Жизнь испытывает тебя без предупреждения. То, как ты поступишь в такую минуту, скажет, что ты за человек. Оуэн сделал выбор не быстро и не без колебаний. И все же после первых тягостных мгновений в нем произошла перемена, которая чем-то напомнила Авроре то, как аэростат медленно наполняется водородом. Сперва это обмякший мешок на поле, но вот он уже великолепен и полон сил.

— Чем я могу быть полезен, мисс?

— Влюбитесь в меня.

— Уже. Что-нибудь еще? Есть ли какой-нибудь благовидный предлог, под которым я могу увидеться с вами снова? Мне бы хотелось этого практически больше всего, что способен измыслить мой слабый ум.

— Если вы проявите интерес, кто-нибудь это устроит.

— Проявить интерес, Катя, мне будет очень легко. Только знайте, что меня уже отозвали. Я в ближайшее время покину страну.

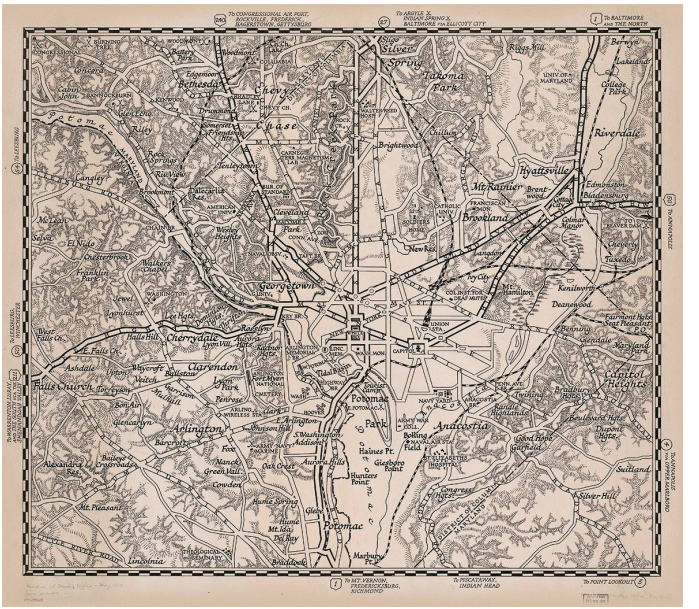
— Пишите мне письма.

— И… ОГПУ будет их читать.

— Разумеется. Обогните земной шар и занимайтесь тем, чем вы занимаетесь. Со временем меня к вам отправят.

— Тогда увидимся на земном шаре.

Он поворотил коня и поскакал обратно в гущу игры. Аврора галопом устремилась за ним.


To CONGRESSIONAL AIR PORT, ROCKVILLE, FREDERICK, HAGERSTOWN, & PITTSBURG
To ARLTEX, INDIAN SPRING V., BALTIMORE via ELLICOTT CITY
To BALTIMORE and THE NORTH
To WASHINGTON JUNCTION AND ALEXANDRIA VIA MT. VERNON AND FORT HUNT
To MOUNT VERNON
To MT. VERNON, FREDERICKSBURG, RICHMOND
To PISCATAWAY, INDIAN HEAD
To POINT LOOKOUT
Silver Spring
Takoma Park
Takoma
Bethesda
Chevy Chase
Rock Creek Park
Potomac River
Rock Creek
Riverdale
Hyattsville
Mt. Rainier
Brentwood
Brookland
Edmonston
Bladensburg
College Park
Berwyn
Lakeland
Riggs-Hill
Univ. of Maryland
Glen Echo
Cabin John
Glen Echo Park
Great Falls
Potomac
Cabin John Creek
Rock Creek Park
Riley
Rock Springs
Rock Creek Cemetery
Cleveland Park
Connecticut Ave.
Chevy Chase Lake
Brightwood
Chillum
Langley
Dalecarlia Res.
Dalecarlia
Tenleytown
Fort Reno
Fort Stevens
Soldiers Home
Catholic Univ.
Franciscan Monastery
Gallaudet College
Mt. Olivet Cem.
Mt. Hamilton
Kenilworth
Deanwood
Fairmont Park
Fairmont Heights
Seat Pleasant
Capitol Heights
Suitland
Silver Hill
Glenarden
Landover
Bladensburg
Anacostia
Anacostia Park
Anacostia River
Navy Yard
Navy Yard Annex
Potomac Park
Washington Monument
Washington Circle
Georgetown
Georgetown Univ.
Georgetown Reservoir
Key Bridge
Francis Scott Key Bridge
Aqueduct Bridge
Long Bridge
Highway Bridge
Memorial Bridge
Arlington Memorial Bridge
Chain Bridge
Three Sisters Islands
Theodore Roosevelt Island
Columbia Island
Arlington
Arlington Cemetery
Arlington Farm
Arlington Ridge
Arlington Hill
Arlington Heights
Fort Myer
Fort Whipple
Fort Marcy
Fort Scott
Fort Ethan Allen
Fort Barnard
Fort Strong
Fort Runyon
Fort Jackson
Fort Foote
Fort Washington
Alexandria
Alexandria Canal
Alexandria Reservoir
Alexandria Aqueduct
Mt. Vernon
Mt. Vernon Memorial Highway
Mt. Pleasant
Mt. Hamilton
Mt. Olivet Cem.
Glen Dale
Glenarden
Kenilworth
Deanwood
Fairmont Park
Fairmont Heights
Seat Pleasant
Capitol Heights
Suitland
Silver Hill

Благодарности

Ожидайте более вразумительных благодарностей в следующих томах, когда общий замысел немного прояснится. Однако все началось с того, что в 2013 году Шеймус Блэкли текстовым сообщением пригласил меня в кроличью нору, которую уже обнаружил и начал исследовать. В остальном главный вклад, за который я обязан сказать спасибо, — терпение моего редактора, Дженнифер Брейл, во все те годы, когда я вновь и вновь откладывал этот проект, чтобы написать другие книги!